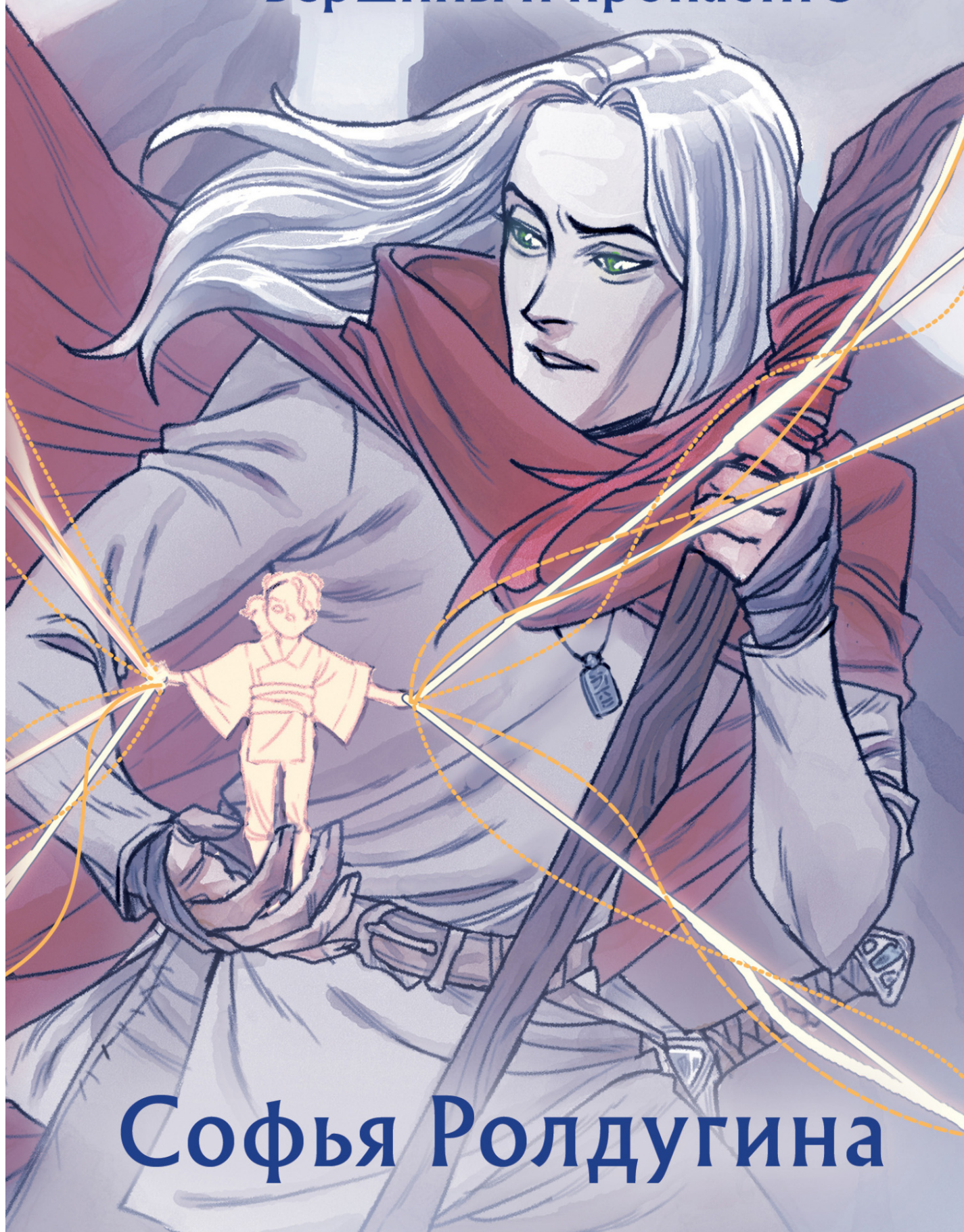

Эхо Миштар

вершины и пропасти I

Софья Ролдугина

Охотники за мирами

Софья Ролдугина

Эхо Миштар. Вершины и пропасти

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ролдугина С. В.

Эхо Миштар. Вершины и пропасти / С. В. Ролдугина — «Эксмо»,
2023 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-191266-6

Случается иногда, что мир приходит в движение – и тогда не отсидеться ни в горах, ни в пустыне. Зреет на севере пламя бунта, и чем дальше, тем больше противятся сыновья лорги воле царственного отца. А во тьме поднимает голову третья сила – алчная, жестокая, и не будет от неё никому пощады. На юге храм схлестнулся с конклавом, восстали рабы в оазисе Кашим, и ведёт их за собой всадник с колдовским мечом, с печалью в сердце... А под барханами дремлет старое зло – и скоро настанет время ему пробудиться. Между севером же и югом скитаются двое. Алар, странник-эстра, хочет вновь обрести утраченную память – и новое место в мире, который теперь не узнаёт. Фогарта Сой-рон, учёная-киморт, ищет потерянного учителя, того, кому всегда принадлежало её сердце... Вот только они не знают, сколько боли принесёт им эта встреча.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191266-6

© Ролдугина С. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
1. Северное гостеприимство	14
2. Союзники и враги	41
3. Дева и воин	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Софья Валерьевна Ролдугина

Эхо Миштар. Вершины и пропасти

*Моей подруге Ленте, без которой этой книги не было бы вообще –
а ещё Жене, Мари и Хайм, без которых она была бы совсем другой...*

*...и всем-всем, кто покидает дом, чтоб отыскать утраченное или
отправиться за мечтой.*

Эта история – для вас.

© Ролдугина С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Много я повидал чудес, а привыкнуть не могу.

Говорят, что более прочих славится небывальщиной юг. И сложно поспорить: чего только не увидишь среди барханов великой пустыни! Есть там деревья с гору высотой, ствол чёрный, а листья серебряные, и каждый из них – погибель. Есть караваны из мертвецов, издали – точь-в-точь как живые: едут люди верхом на тхаргах, катятся повозки, трубит заунывно рог, звенят колокольчики... А присмотришься – и ахнешь: что наездники, что скакуны – кожа да кости, глаза чёрные и ссохшиеся, языки набок висят, а роскошные одежды уж давненько истлели, как паутина на просвет. Рыщет такой караван, рыщет – поживы ищет. А пропасти бездонные? А садхам – красный вихрь? А проказливый зверёк эль-шарих – юркий, ушастый, о двух хвостах и с ладошками, как человечьи, только маленькие? Этот, рассказывают, спас столько же людей, сколько и погубил, и нипочём ему ни солнце, ни мертвоходцы, ни зыбучие пески.

Даже я, Сэрим, не поручусь, что с эль-шарихом управлюсь без своей флейты.

Восток тоже богат на диковины. Чего только стоит Шимра, жемчужина Ишмира! Во всём мире, пожалуй, второго такого города не сыскать. Шимра живёт чудесами – и немудрено, ведь здесь кимортов больше, чем на всём юге и севере вместе взятых. Там, на базаре, можно купить всё что угодно: и морт-меч, одним взмахом способный заковать Рукав Мира льдами и остановить бурное течение, и шкатулку, в которую уместится целиком ездовой гурн с ушами и хвостом, и тончайшие шелка, что не горят в огне, зимой согревают, а летом охлаждают. А средоточие чудес – цех кимортов. Стены в том дворце из благоуханного белого дерева, крыша – из тончайшей розовой яшмы, а во внутреннем дворе цветёт, не увядая, вечная эрисея, и трепещут в призрачном свете пунцовые лепестки... Любое чудо подвластно кимортам, и нет ничего, перед чем бы они отступили – кроме разве что смерти или сброса.

И хоть люблю я восток, а всё же редко там бываю: устаю от великолепия, да и тамошние вельможи больше ценят изысканный перебор семиструнки, чем флейту и её печальный напев.

Есть чудеса и на севере – горы, чьи недра полны самоцветов, и плодородные туманные долины вокруг Ульменгарма, и Седая Хродда у самых гор – неприступная твердыня, возведённая кимортами в незапамятные времена. Ходят легенды, что в ту пору они оборонялись от напасти, перед лицом которой пали все прочие земли, но что нам до тех легенд? Ныне от бывшего величия севера только старая крепость и осталась... А ещё люди. Таких искусных мечников поискать в целом свете – и не найдёшь! Говорят, у них пламенные сердца и очи, что видят любую ложь.

Я не знаю – не проверял, но обманщиков на севере и впрямь поколачивают исправно.

И если уж речь зашла о диковинках, то скажите на милость, разве ли видано такое, чтоб юная дева покинула Шимру наивной ученицей, за которой глаз да глаз нужен, но уже через полгода превзошла своего учителя в силе? Истинно вам говорю, правда это – провалиться бы мне на месте, если б я солгал! Но только вряд ли расскажет вам та дева, какой ценою далось ей это чудо, что она потеряла, а что обрела... Да и мало кто понял бы её, даже если бы она и рассказала.

Или вот ещё чудо – встретить посреди далёких земель, там, куда не чаял уже вернуться, старого друга.

– Ора, Дёран! Надо же, и впрямь ты. То-то мне стон семиструнки издали знакомым показался, аж сердце прихватило да уши заныли...

– И тебе привет, Сэрим, приятель! Да и мне что-то вдруг захотелось рукою кошель накрыть и монеты пересчитать: ну, думаю, не иначе ты где-то рядом ходишь.

Он хохочет, да и я не отстаю; он сказитель, и я музыкант, а оба два мы – бродяги без роду без племени. Кому дружить, как не нам?

Приметив по запаху приличное заведение, беру по стакану горячего вина – не из раймы, но тоже неплохого – и мы садимся в свободный угол. Пока Дёран пристраивает рядышком чехол с семистрункой, разглядываю приятеля исподтишка. Он ничуть не изменился, только снова волосы стали короче, а взгляд – печальней; не иначе, потерял кого-то близкого не так давно.

И я догадываюсь даже, кого... Но прежде чем успеваю сказать хоть что-то, Дёран оборачивается ко мне и говорит:

– Послушай, приятель, и как там сейчас – на юге?

– Так же, как и всегда, только хуже, – пожимаю плечами. – Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть, правда, и добрые вести. Город Дабур, что далеко на юго-востоке великой пустыни, получил избавление от эпидемии. Долгих полгода бродила смерть по его улицам, не различая правых и виноватых; городской совет же постановил сокрыть правду, чтобы не потерпеть убытков, затворили ворота и подкупили проводников. Несогласных казнили. Перестали туда ходить караваны, кроме немногих избранных – или особенно несчастливых: те, кто всё-таки добирался до Дабура, обречены были остаться в его стенах, желали они того или нет. Спасение принесла благочестивая дева-киморт. За дюжину дней она исцелила больных без счёта и даровала городу волшебную храмовую чашу на случай, если напасть вернётся. Деву-киморта прозвали Избавительницей, и вознесли ей хвалу, и много почестей оказали... Однако разве же может южанин удержаться, если почует запах поживы? И разве же оставит какой правитель в живых свидетеля своей слабости и подлости? То-то же. Коварный Абир-Шалим арх Астар, глава совета, хитростью пленил деву-киморта, одурманил её и продал работоторговцу из Кашима. Вот только радовался он недолго! Услышав о творимых советом беззакониях, конклав направил к городу отряд всадников-арафи, и ныне головы виноватых украшают пики над городскими стенами; в честь Избавительницы же в храме установили изваяние в образе Благодарного Ветра Дождей.

Перевожу дыхание; а Дёран, опустив глаза долу, говорит только:

– Вот как.

Мне, право, становится немного обидно – самую малость.

– Это ещё чего! – добавляю я с азартом и чуть наклоняюсь к нему заговорщически. – В городе-оазисе Кашиме случилось чудо, какого уже лет триста не видывали. Дождь пошёл. Да какой дождь – ливень, с громом, с молнией! Улицы ненадолго обратились полноводными реками, а в небе раскинулась двойная радуга – знак великих перемен. А виной всему, говорят, дева-киморт. Увидела она на базаре человека, обманом проданного в рабство, осерчала – тут-то буря и налетела. Торговец неблагочестивый тут же покаялся в обмане, отпустил того раба, а с ним вместе ещё дюжину; за ним и другие повторили, не дожидаясь, пока дева-киморт обратит на них ясный взор, и за то прозвали её Освободительницей, а ещё Подательницей Воды – за ливень. Послала за ней сама михрани, желая испытать её мудрость за игрой в на-джи, но была посрамлена и повержена. Послал за ней и младший сын михрани по имени Ачир, но был он, в отличие от царственной своей матери, учтив и добродетелен, и за то дева одарила его дюжиной колдовских мечей, равных которым по силе нет. И недалёк уже тот день, когда власть в городе перейдёт к нему, а он... а он, говорят, рабство терпеть не будет.

Снова умолкаю, смотрю на Дёрана, жду, что он скажет. А он повторяет растерянно:

– Вот как.

И тут я, признаться, уже сержусь.

– Тебе как будто бы всё равно, – упрекаю его. И подвигаюсь ближе, понижая голос: – Ну, слушай, этого-то тебе никто не расскажет, кроме меня... В конклаве нынче наметился раскол. Издревле пять сотен семей правили пустыней; пятьдесят благородных мужей делили силу между собою, а пятерым давалась особая власть: один всадниками повелевает, другой страже приказы отдаёт, третий налоги собирает, четвёртый дорогами да источниками ведаёт, а пятый

– добычей мирцита. И вот так случилось, что завладел рудниками паршивый пёс Ата-Халим – ох, и поганый же человечиска! Гордыня ему досталась от матери, что род ведёт от всадников-арафи, а подлость и изворотливость с жадной наживы он унаследовал от отца, кашимского купца. А чем оазис Кашим славен?

И тут Дёран наконец выходит из забытья – и кривится.

– Как не знать, – говорит он, а его смазливое лицо на мгновение жутким становится. – Только славой бы я это не назвал. Из людской крови, из горького горя там золото добывают – Кашим свои богатства на рабстве сколотил.

– И будь уверен, что Ата-Халим – истинный кашимец, – усмехаюсь. – Первый он среди подлецов, и среди палачей, и среди предателей... Что уж говорить, сорок лет тому назад он собственную дочь продал в рабство за то, что она отказалась идти к нужному человеку третьей женой в гарем и хотела убежать с торговцем-северянином в Беру! Говорят, что треть рынка в Кашиме принадлежит Ата-Халиму. И вот такой человек – где обманом, где лестью, где угрозами – заполучил место в конклаве и прибрал к рукам мирцитовые рудники! А у кого мирцит, тот и суд вершит, как в пустыне говорят... И давно бы он весь конклав под себя подмял, если б не сопротивление храма Пяти Ветров. Жрецы-то давно зуб точили на работорговцев, ведь Благодатный Ветер Дождей запретил человеку владеть другим человеком, а Справедливый Ветер повелел не терпеть зла. Вторая по силе в конклаве – Вещая Госпожа Унна, жрица Ветра Карающего, и Ата-Халиму она спуска не даёт, а городская стража ей опора. Всадники-арафи же Ата-Халима поддерживают, да и сборщики налогов тоже, говорят, хоть прилюдно не склоняются ни одному, ни к другой... Долго держалось хрупкое равновесие, пока в Город Ста Чудес, великий и славный Ашраб, не явилась дева-киморт, овеянная славой. Шла она по следу работорговцев, коварством и подлостью пленивших двух молодых кимортов с севера, брата и сестру – и, заручившись благословением Вещей Госпожи, сумела отыскать безвинно пострадавших и жестоко наказать виноватых! И кто б, ты думал, осмелился попрасть все законы и кимортов продать в рабство? Племянник Ата-Халима, подлый Радхаб! Благородная дева-киморт обрушила на него справедливый гнев, и багряный вихрь, садхам, поглотил в один миг поместье, где творилось беззаконие! Радхаб попытался отомстить и послал за нею вдогонку убийц, но ясноокая дева разметала их одним движением руки, и горе было тем, кто не внял предупреждению и атаковал снова... Лишь один из десяти наёмников вернулся живым. И знаешь, как прозвали тогда в Ашрабе деву-киморта?

Дёран легонько касается семиструнки, и она отзывается вздохом-трелью.

– Несущей Возмездие? Справедливой? – улыбается он краешками губ, точно вспоминает кого-то родного.

А я только вздыхаю:

– Рождающей Бурю. Ибо теперь, после такой пощёчины, ни Радхаб, ни дядька его Ата-Халим не сумеют усмирить гнева, а Унна, благородная Вещая Госпожа, не станет терпеть несправедливости. Она, я слыхал, уже выступила в конклаве, обличая злодеяния Ата-Халима, и всадники-арафи собираются к Ашрабу с разных концов пустыни, а храмы во всех оазисах, больших и малых городах, вывесили на стены знамя Ветра Карающего. Нет, не быть миру... А дева-киморт – Избавительница от недуга, Подательница Воды, Освободительница и Рождающая Бурю – двинулась к северу. К слову, дружище, как тут дела-то... на севере? – добавляю несмело, ибо и желаю, и страшусь услышать ответ.

Дёран молчит, и сердце у меня замирает.

– Так же, как и всегда, – говорит он наконец. – Только хуже. Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть у лорги два сына, которых он больше других выделяет – Мирра, наместник юга, и Кальв, наместник востока. Прежде были они не разлей вода, а нынче глядеть друг на друга не могут – сразу ругаться начинают; и добро бы только ругались, так и десятидневья не проходит, чтоб одна дружина с другой на границе не схлестнулась. А лорга вместо того, чтоб

сыновой осадить, помирить, только масла подливает! Дряхлый старик уже, что пень гнилой, а всё туда же – за власть свою боится... Между тем дальние деревни в упадок приходят; детки-киморты давно уже там на свет не рождаются, а где рождаются, добра, как сказывают, не приносят. Так в одно поселение на северо-востоке, что раймой промышляло, зачастили мертвоходцы. Сперва по одному, затем по двое, а после уже и вовсе житья не давали! Даже огненная ограда, мастером сработанная, и та не помогала... И быть бы большой беде, большой крови, если бы не появился там откуда ни возьмись эстра – не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. Быстро он отыскал способ отвести беду: мертвецов своей силой привлекала девочка-киморт, которую мастер от жадности да по глупости отказался отправлять в цех на воспитание. Мастера эстра отчитал, а девочку пожалел и взял в ученицы; наутро он тронулся в путь, и с тех пор мертвоходцы к деревенским воротам, говорят, не приближались. За то его Справедливым прозвали – мол, хоть и строг он, а беспристрастен.

Дёран говорит – семиструнка отзывается перезвоном, тихим-тихим, как вздох. А я слушаю – и вижу, как наяву, да только не то, о чём он рассказывает, а то, что давным-давно было. Города-крепости в горах, возведённые из белого камня; узорчатые мосты, переброшенные через пропасти; глубокие шахты, где невиданные сокровища добывают, и дороги, прямые и широкие, и всадников, что по тем дорогам летят, и стелются за ними по ветру зелёные плащи с рыжей меховой опушкой...

Всё это взаправду было, а нынче стало старой-старой сказкой.

Города заброшены и заросли лесом, от дорог и воспоминания не осталось, ажурные мосты обрушились, и лишь кое-где остовы торчат, как обглоданные кости.

Сердце – глупое и жалкое – трепещет.

– Да, – выдыхаю еле слышно. – Бывает и так.

А Дёран вскидывается, кладёт на колени семиструнку, ставит чуткие пальцы на струны, и льётся тихая музыка.

– Это ещё что! – говорит он и лукаво улыбается. – Слышал ли ты, как прохожий странник вернул воду в Беру? Ну так слушай. Ещё в незапамятные времена кудесница Брайна подарила городу чудесный источник. Зимой он не замерзал, летом вода лилась прохладная и чистая-чистая, и никакие засухи ему были нипочём. И тут нынешней весной вдруг затряслись горы, заходили ходуном, а источник обмелел. Поначалу никто в том большой беды не видел – есть и другие колодцы, и ключи, и ручьи... Но городской-то голова знал, что первая же засуха погубит Беру, а потому искал пути к спасению; но не так-то это было легко – нынешний лорга кимортов не привечает. И тут явился откуда ни возьмись эстра с ученицей – не то из-под земли вырос, не то с неба упал! Слово за слово, разговорился с городским головой – да взялся за сложное дело. Воздел он руки – и задрожала земля, горы ходуном заходили, послышался гул... а потом как взмыл вверх фонтан воды, как загорелась радуга! Целый день, говорят, она над городом провисела. Воды в источнике Брайны стало столько же, сколько и прежде, если не больше; а сама она прежде мечом в землю указывала, а нынче в небо целится. Эстра в городе долго не пробыл, дальше пошёл, а людская молва его новым именем наградила – Хозяин Вод. Ну, каково?

Дёран улыбается, смотрит на меня чуть исподлобья, искоса, как ишмиратские девы, и седая коса у него перекинута через плечо, а серые бродяжки одежды словно бы отсвечивают травяной зеленью, как в прежние времена, и будто бы проступает на них искусная вышивка... И вижу я, как наяву, Брайну-Кудесницу – ту, что была и лоргой, и кимортом, и искусной воительницей; давно она жила, но оставила по себе великую славу. Это она проложила в горах дороги; она отстроила дивные города, похожие на оживший сон; это её усилия растревожили недра гор, и...

Впрочем, неважно – больно давно всё было.

Нынче от неё только осталось, что один источник на юге, в Бере, и одна крепость на севере.

И память. Память жива ещё, да.

– Надо же, – вздыхаю, отводя взгляд. – И так бывает.

В груди щемит.

А Дёран, задетый невниманием, разминает пальцы, придвигается ближе, понижает голос, и вторит ему мелодия семиструнки.

– Ну, то присказка была, а сказка впереди... Вот, послушай, этого тебе никто не расскажет, особенно здесь, в столице, у лорги под боком. В славном городе Свенне, что в Западном Лоргинариуме, есть ночная ярмарка. Она для простого люда, который не в ладах с законом, и страже обычно туда ходу нет. И вот представь, в разгар торгов к прилавку обычного торговца пирожками подлетела дружина из самого Ульменгарма, всадники, что подчиняются самому лорге! Подскочили – и схватили одну девчонку-замарашку, а женщину, что с ней была, едва на месте не зарубили. Люди зароптали, но что против всадников с морт-мечами сделаешь? То-то же. И тут откуда ни возьмись явился эстра-бродяга – не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. «Где это видано, – молвил он, – чтоб малое дитя при всём честном народе похитили и никто за девочку не вступился? Стыд вам!» Женщину он исцелил – почитай, из мёртвых вернул, а потом вдогонку за всадниками кинулся. И знаешь, что, друг Сэрим? Его-то с девчонкой-ученицей позже на дороге увидели, а вот дружину – нет. И морт-мечи их не спасли. А прозвали его за то...

– Освободителем? – выгибаю я брови, вспоминая о Фогарте и её подвигах. Становится веселей. – Спасителем?

– Если бы, – вздыхает Дёран, и взгляд у него задумчивым становится, темнеет, как внешнее небо перед грозой. – Прозвали его Погибелью Лорги, а ещё Несущим Возмездие. И, сам понимаешь, приятель, знак это недобрый. Значит, пришёл срок – слишком долго лорга престол занимал, а добра народу не сделал, и чаша терпения переполнилась. Не сегодня – так завтра север запыляется... И вот ещё что. Слухи ходят, что не просто так дружинники ту девчонку похитили. Говорят, что они по всему Лоргинариуму забирают кимортов-детей, но не приводят их в цех, учиться у старших, а продают на юг, в рабство.

И всё веселье разом пропадает.

Пригубляю вино, а оно горчит; у Дёрана тоже – вон, как он морщится.

– Похоже, что всё ещё хуже, чем мне на юге виделось, – говорю в сердцах.

Дёран кивает:

– А то. Ещё, рассказывают, недавно появился мирцит необыкновенной чистоты – лучше, чем из южных рудников. А с юга везут морт-мечи, да больше, чем из Ишмирата – знай плати только! А откуда морт-мечами на юге взяться, если кимортов там нет, клинки заклинать некому? То-то же. И горы ещё потряхивает, чем дальше – тем чаще. Не к добру, – тихо-тихо заключает он, и я откликаюсь эхом:

– Не к добру.

А что тут ещё скажешь?

Вино мы допиваем в молчании. Закат успеваешь разгореться и угаснуть; один край неба-свода ещё алый, словно густая кровь, а другой уже иссиня-чёрный, и наползает туман из долины, укутывая город, словно одеялом. И чудится, что прошлое и будущее перемешиваются, размываются, исчезают... Вот-вот пройдёт рядом великая Брайна, бряцающая колдовским мечом – и развеется, словно тень; исполинские горы, которые всегда казались нерушимыми, выглядят хрупкими, будто ишмирятские поделки из цветного стекла.

– Эй, приятель, – зову я негромко. Дёран оборачивается – глаза у него чуть вытянуты к вискам, как у пустынного зверька эль-шариха, да и светятся так же, красноватым. – Доведётся ли нам ещё так вместе посидеть, вспомнить былое?

Он замирает сперва, а потом улыбается озорно:

– А зачем его вспоминать-то? Зачем назад оглядываться, не лучше ли вперёд посмотреть? Вдруг там не так страшно, как мнилось? – Дёран поднимается, закидывает за спину семиструнку, треплет меня по плечу. – Да и не так одиноко... Что ни говори, друг, а я устал просто так ходить и смотреть. Может, я и странник без дома и без рода, а всё же друзья у меня есть – и я за них, пожалуй, поборюсь. Даже если б мне для этого пришлось вернуться на проклятый юг! А ты что решишь?

Я не успеваю ответить – он перешагивает через порог и выскакивает на улицу, оставляет меня в тумане, в густом чаду, где бродят призраки. Вот только надолго меня в покое не оставляют – дверь распахивается, и в зал шагает дева-киморт в ярких ишмиратских одеждах. Хиста у неё бирюзовая, нижнее платье – бледно-лиловое, как закатная дымка, а из-под него блестит нательная рубаха, точно сотканная из серебра. Волосы у девы подкрашены рыжеватым и завиваются в локоны от влаги, а взгляд прямой, дерзкий.

Вот она, Фогарта.

И впрямь, Рождающая Бурю, лучше и не скажешь.

– А! – видит она меня и улыбается. – Вот куда ты запропастился! Что с ночлегом-то решим? И есть у меня мысль, как пробиться к лорге, но сперва я бы обсудила всё... ты слушаешь?

Она говорит – и тени прошлого отступают.

А я понимаю, кажется, отчего у Дёрана глаза заблестели, а семиструнка запела на боевой манер.

– Слушаю, – говорю. – Продолжай, конечно.

И если быть беде, то мы её, пожалуй, встретим – вместе.

Может, и победим.

1. Северное гостеприимство

Фогарта Сой-рон, Ульменгарм, столица Лоргинариума

Про северян говорили, что они радушные и гостеприимные, но беглецов с юга Ульменгарм встретил неласково – словно чувствовал, что впредь будет от них одно беспокойство.

Начать хоть с того, что пришвартовать дирижабль у городской мачты Сидше не позволили, хоть она и пустовала. Дружинник, потрясая богато украшенным морт-мечом – скверно сработанным, впрочем, такую игрушку и киморт-ученик мог бы походя сломать – велел убираться подобру-поздорову. Фогарта попыталась было его уговорить, потянулась даже за шкаптулкой с самоцветами, но он и слушать не стал, напротив, озлился ещё больше.

Сидше, впрочем, отказ не смутил.

– Что же, на нет и суда нет, – мурлыкнул он, сузив глаза, и направил дирижабль обратно к крепостным стенам.

Там, примерно в пятнадцати минутах лёта от города, в низине обнаружилось высокое сухое дерево, оголённое до самой вершины. Судя по многочисленным отметинам, дирижабли частенько здесь останавливались, а окрестные холмы укрывали стоянку от любопытных чужаков.

К примеру, от столичной дружины.

– Тебе приходилось уже здесь бывать раньше? – спросила Фог, с интересом наблюдая за тем, как легко Сидше отыскивает сперва землянку, затем тайник с запасом дров и затейливо спрятанный ключ с питьевой водой. – Или у вас, у контрабандистов, есть свои секретные знаки?

Но он лишь улыбнулся лукаво:

– Как знать. Быть может, мне просто повезло?

Прежде Фогарта, наверное, обманулась бы таким ответом, отвлеклась на интригующе распахнутый ворот хисты, смутилась бы от прикосновения вскользь – кончиками пальцев по напряжённому плечу. Но теперь она научилась видеть, что стоит за манерами Сидше, замечать и дрогнувшие уголки губ, и потухший на мгновение взгляд... А потому поняла: да, ему случалось здесь бывать, вот только вспоминать об этом он бы не хотел.

«Снова Дуэса и её дела?»

– Я бы больше волновался о другом, – вмешался неожиданно Сэрим, спрыгивая с верёвочной лестницы на землю. – Вон там, глядите, кострище, а вот свежие отпечатки подков, а тут, у корней, вырезан хадарский знак. Не боишься, капитан, что они твою ненаглядную «Штерру» уведут?

– Северяне – люди чести, – невозмутимо откликнулся тот. – И честь их велит не обижать простых контрабандистов. Кто иначе продаст им оружие из Ишмирата и драгоценные пряности? Откуда они станут брать яркие шелка на подарки своим жёнам и дочерям? Кому, наконец, продадут свою добычу, стоившую им и пота, и крови, а порою и жизни товарища? На городские ярмарки хадарам путь заказан... – с притворным сожалением покачал он головой.

– Да уж, тут хочешь не хочешь, а будешь честь блюсти, – хмыкнул Сэрим. – Думаю, что на случай, если уж совсем какой подлец попадётся, у тебя на борту что-то припасено?

– Припасено, – не стал спорить тот.

– Оружие? Гремучая смесь? Ловушки? – не унимался Сэрим.

– Март, мой телохранитель, – ровно ответил Сидше, присаживаясь на корточки, и обмахнул от сора знак, вырезанный у корней швартовочного дерева. – Прежде чем я его нанял, ува-

жаемый, он три года ходил главарём у хадаров, так что обычаи их знает как никто иной... Март, ну-ка, спустись. Здесь написано «третьего дня» или «седьмого»?

Оказалось, что рядом с опознавательным знаком хадаров были нацарапаны ещё тайные письма – тоненько, словно бы швейной иглой. Они предупреждали о грядущей облаве дружинников – уже минувшей, судя по датам – и сообщали о новой встрече «под молодой луной».

– Значит, несколько дней у нас есть, стоянка будет пустовать. Удачно, – подытожил Сидше, задумчиво скрестив руки на груди. – Как поступим? До Ульменгарма отсюда идти несколько часов. Случись что, быстро вернуться мы не сможем, даже если получим знак. Все вместе пойдём в город или разделимся?

Фогарта ожидала почему-то, что ответит Сэрим, но он промолчал, искоса поглядывая на неё круглыми птичьими глазами.

«Выходит, что решать надо мне?»

Там, на юге, это выходило как-то естественно. Она, как гончая, шла по следу похищенных кимортов, хваталась за любую подсказку, за всякий намёк; со стороны могло показаться, что дорог много, выбирай – не хочу, но на самом деле путь оставался один, узкий и извилистый, однако же и свернуть с него бы не получилось.

А потом, во время спешного отступления из Ашраба, задумываться было попросту некогда.

Лиура, старший из близнецов-кимортов, мысленно так и остался в плену. По ночам он видел кошмары и часто просыпался в поту – и, что совсем скверно, иногда спросонья бил наотмашь волной чистой морт. Фог укрепила стены его каюты, но надолго это не помогло, так что к исходу первого десятидневья, когда пустыня осталась позади, пришлось посадить дирижабль на берегу Рукава Мира, чтоб залатать пробоину. После починки Сидше попросил пожалеть «Штерру» – и путешествовать только днём, а на ночь останавливаться.

Желающих возразить не нашлось, и только ящерка-садхам заметалась как-то беспокойно... Впрочем, возможно, она просто тосковала по бескрайним дюнам, оставшимся позади.

Онор же, в отличие от брата, наоборот, спала целыми днями, точно впервые за долгих два года почувствовав себя в безопасности. Днём она просыпалась на несколько часов, ела, брала дочь ненадолго, помянуть, или вспоминала, как управляться с морт... А затем снова ложилась спать, теперь уже до самого вечера. Ярость, питавшая её в первые дни, угасла, и на смену пришла меланхолия. Лишь когда на горизонте показались горные хребты, окружавшие Лоргинариум с юга, Онор немного оживилась и спросила, можно ли будет заночевать у Поющего озера и развести там костёр на обрыве.

– Как раньше. До... до всего, – добавила она, опустив глаза, и морт вокруг неё взвилась языками злого бездымного пламени.

Озеро они и впрямь отыскали – на карте крохотную точку, а наяву дивной красоты место в окружении водопадов – пусть и пришлось заложить изрядный крюк, чтобы туда добраться.

Онор проплясала у костра до полуночи.

Иаллам терпеливо исполнял обязанности няньки, иногда разделяя их с Сэримом. И только в Бере его охватило такое волнение, что он жарко, едва слезу не пустив от избытка чувств, попросился отпустить его на ярмарку.

– Я на родине пять лет не был, – сказал он, не в силах оторвать жадного взгляда от черепитчатых крыш и булыжных мостовых. – А когда и был, то проездом... Дайте хоть до источника Брайны добежать, что ли!

Фогарта, разумеется, его отпустила – да и как могла бы задержать? Силой разве что, но это надо было совсем совести лишиться... А следом за Иалламом отправился «кой-чего разведать» и Сэрим – и пропал почти на сутки.

Поволноваться тогда пришлось изрядно.

Пожалуй, что единственной, кто не доставлял никаких проблем, была Садхам – девочка-кроха, которой едва исполнилось полгода. Она с одинаковой охотой ела и спала, иногда принималась хныкать, но дело обычно было или в сырых пелёнках, или в коликах; за несколько дней Фогарта научилась справляться и с тем и с другим даже во сне, не покидая собственной каюты.

В остальном же всё шло гладко. И, несмотря на капризы и просьбы пассажиров, маршрут выбирал всё-таки капитан – а Фог большую часть времени коротала в каюте, то за чтением дневников Миштар, то за игрой в на-джи с Сэримом, то за уроками для Лиуры. А в ночь, когда дирижабль подлетал к Ульменгарму, она увидела в небе над городом дивной красоты фейерверк – золотые и лиловые сполохи, зелёные искры, синие и серебряные спирали, быстро гаснущие во тьме... Почти как в тот раз, когда Алаойш вместе с приятелем, Дёраном, задержался в пьяном доме на целых три дня – на радость ласковым его хозяйкам с медовыми очами. Небосвод над Шимрой тогда стал что шкатулка с самоцветами. Фогарта затворилась в комнате и рыдала от ревности в расшитые подушки, а когда учитель вернулся наконец, то крикнула ему, что лучше б он не приходил вовсе. Сейчас-то и вспоминать было смешно, а в ту пору казалось, что всё всерьёз.

– Вот бы увидеть его снова, – пробормотала она еле слышно, вглядываясь в разноцветные вспышки во тьме за стеклом. – Хоть краешком глаза. Я б его больше ни в чём не попрекнула. Я бы...

Сидше тогда находился совсем рядом и, без сомнений, всё слышал, но сделал вид, что оглох, только хватка на штурвале стала такой крепкой, что костяшки побелели.

Впрочем, то было вчера, а сегодня он стоял и ждал решения, безмятежно скрестив на груди руки и спрятав ладони в широких рукавах хисты.

– Вместе пойдём, – наконец ответила Фог, крепко всё обдумав. – Если ты говоришь, что для защиты «Штерры» достаточно одного Марта, то пусть он остаётся. Вместе с Чирре, наверное, – добавила она уже менее уверенно. – Что же до способа связи... Могу, к примеру, наполнить два прутика своей морт. Тогда, если их переломить, я пойму, что здесь беда.

– Разумно, – согласился Сэрим, прищурившись. – Значит, близнецов ты с собой берёшь. А младенца?

– Садхам тоже, – кивнула Фогарта. И добавила спешно: – Обоих то есть, и девочку, и ящерку. И в город можно войти по отдельности. Иаллам у нас нянь... то есть за ребёнка отвечает, Онор и Лиура пойдут вместе с ним. На севере ведь не редкость, когда родич-мужчина сопровождает в путешествии молодую семью?

– Чем больше людей, тем легче отбиться от хадаров, – подтвердил Сэрим. – Ну а мне-то можно никем не притворяться. Любому достаточно взглянуть на мою рожу бродяжью и вот на эту малютку, – погладил он флейту, заткнутую за пояс. – Сразу и станет ясно, что я странствующий сказитель, а нашего брата на севере, пожалуй, уважают побольше, чем на юге... Что же, вот и решили. А вы с этим хитрованом, стало быть, вместе в город войдёте? Тоже супругами назовётесь?

Фог бросило в жар, а Сидше отвернулся, пряча лукавую улыбку.

«И когда эти двое успели спеться? Ведь недавно же были что вода и масло, только и делали, что спорили!»

– Обойдёмся без обмана, – ответила Фогарта, опалив Сэрима яростным взглядом – безуспешно, впрочем, нахал и бровью не повёл. – Но пойдём мы, конечно, вместе, Сидше ведь единственный из нас, кто не очень хорошо изъясняется на лорги. Вдвоём сподручнее! И вообще, нам надо будет купить еду, местную одежду... И что-то для младенца тоже. Ведь здесь есть нечто вроде молочных орехов, наподобие тех, что в оазисах растут?

После этих слов воцарилась странная тишина. Март замер у верёвочной лестницы, точно изображая дорожный столб; Сидше продолжал улыбаться, чуть склонив голову набок. И только Сэрим, кашлянув, пробормотал себе под нос:

– Вот потому-то я и предложил сразу назваться мужем и женой... Кто после таких покупок поверит, что вы не супруги?

Ответом его Фог не удостоила: если чему пустыня её и научила, так это тому, что любую неловкость и глупость можно замаять, а то и превратить в триумф, если держаться поуверенней и делать такое лицо, как будто в нос пушинка попала, а чихнуть нельзя.

Выступать условились тут же, не мешкая. Лиура сам, пусть и не с первой попытки, переделал одежды для себя и сестры на северный манер, и теперь они шеголяли в одинаковых штанах, рубахах с высоким воротом и дорожных плащах, которые только цветом и отличались. Иаллам остался в шароварах и в просторной накидке, с шарфом, обмотанным вокруг головы, поскольку собирался представиться страже у ворот сыном небогатого купца из Ашраба: смешанных браков хватало, так что это никого бы не удивило. Первым в город должен был проникнуть Сэрим и, если опасности нет, подать сигнал; Фогарта с Сидше решили идти последними.

«Штерру» спрятали за клубами облаков, сквозь которые живописно просвечивали острые верхушки деревьев, чтоб её случайно не протаранил другой дирижабль. Затем попрощались с Мартом и Чирре – и отправились в дорогу.

Пахло сыростью, молодой листвой, лесом и слабо-слабо – цветами; издали, с востока, тянуло дымком.

Одуряюще пели птицы.

Ульменгарм располагался в самом центре Туманной долины, словно яблоко на серебряном блюде у великана. От края до края – почти дюжина дней пути; впрочем, всадник на резвом гурне мог бы справиться и быстрее. Здесь было ощутимо теплее, чем даже в Бере, у южных границ, а солнце даже в полдень светило точно бы через дымку: земля изобиловала не только реками, но и горячими источниками, и пар, который вечерами окутывал долину плотным одеялом, утром поднимался вверх. Здешние почвы славились плодородием и давали несколько урожаев в год, а скот, который бродил в тумане по зелёным пастбищам, давал обильный приплод и, как уверяли северяне, никогда не болел... Кое-кто утверждал, что необычайными свойствами эту землю наделили духи предков, и в какой-то степени с этим можно было согласиться.

Когда-то в незапамятные времена – тысячу лет назад, если не больше – Туманную долину создали киморты.

Ступая по желтоватым, словно старые кости, камням тракта, Фог знай себе крутила головой по сторонам, не зная, куда смотреть в первую очередь. Её восхищало всё, но больше прочего – потоки морт, которые текли вокруг подобно полноводной реке. Их направляли древние мирцитовые монолиты, спрятанные под плодородным слоем почвы, в глинисто-песчаных слоях, на глубине в три-четыре человеческих роста. Благодаря этим потокам не пересыхали многочисленные оросительные каналы, а разводящие трубы под землёй оставались целыми. Морт доставляла из недр на поверхность воду горячих источников и позволяла не истощать поля частыми урожаями, а ещё не допускала в долину опасные болезни и прожорливых жуков; говорят, что двести лет тому назад появилась какая-то новая напасть, с которой древняя защита не справилась, и пришлось обращаться за помощью к кимортам.

Одним из тех кимортов – Фогарта знала это наверняка – был Алаойш Та-ци. Другим – его наставница.

С тех пор, по счастью, хвори продолжали обходить окрестности Ульменгарма стороной. Но сама Туманная долина с каждым десятилетием всё больше приходила в упадок – меньше засеивали земель, да и стада были не такими тучными, как в стародавние времена. Говорят, что теперь попросту не требовалось кормить столько народа: жизнь сосредоточилась в нескольких крупных городах, а прочие оказались позаброшенными. Что же до деревень, то там обитатели сами себя обеспечивали, возделывая окрестные поля – не такие богатые, конечно, но всё же их было достаточно.

Разглядывая вдаль, за пеленой, белёдые остовы старых каменных домов и башен, Фогарта как никогда жалела о том, что прежде мало интересовалась историей и стеснялась расспрашивать учителя о прошлом, больше налегая на учёбу... В итоге искусством управлять с морт она всё же овладела сама, а вот рассказывать ей старые сказки было уже некому.

Сердце точно осколок кольнуло.

– Да-а, – раздался вздох совсем рядом. – Вот делали же раньше – на века.

Говорил Сэрим; проследив за его взглядом, Фог увидела впереди мост, перекинутый через канал – ажурную арку из серого ноздреватого камня, одновременно и воздушную, и основательную. Красиво – но обычно, в общем-то, не сравнить с Шимрой, где встречались мосты из хрустала, из живой лозы и даже из чистого света.

– Да, – растерянно согласилась она, думая совсем о другом – о том, что прежде киморты не боялись менять сам мир вокруг, делая его более удобным и безопасным, а теперь в основном занимались починкой вещей для богатых вельмож и всякими безделушками. – Раньше делали... Ой, посмотри-ка! Это не городские ворота впереди?

Вообще ей уже довелось сегодня их увидеть, пока Сэрим и Сидше объяснялись со стражей на городской стене. Но мельком и слишком издали: две сторожевые башни, между которыми полагалось пролетать дирижаблям, прибывающим в город, располагались значительно правее основного входа. Тогда, с высоты, подъездная дорога и подъёмный мост через канал показались не шире портняжной ленты.

Теперь же они поражали воображение.

На главной дороге могли разъехаться без труда четыре телеги, да ещё пешим странникам бы место осталось; мост оказался сделан из необыкновенного камня, точно бы пузырчатого, хорошо укрепленного морт и изрядно облегченного. Сами же ворота – вчетверо шире и вдесятеро выше обычных – почти сливались по цвету с чёрными стенами, если бы не узоры из серебра. Точнее даже, не узоры, а целые картины: гербы и вензеля, сцены охоты, ратные подвиги...

– Здесь вся история Лоргинариума, – негромко произнёс Сэрим, и лицо у него сделалось странное, печальное и светлое одновременно. – С давних-давних пор, когда жива была ещё память о напасти из западных пустошей, а сам Лоргинариум ещё на четыре части не делился... Вон, там, видишь, вверху женщина с мечом? Над ней ещё две луны? Это Брайна. Такие, как она, раз в тысячу лет рождаются, и их не забывают, сколько бы лет ни минуло... Ну, вы полюбуйте на неё издали, а я, пожалуй, пойду, разведаю, что к чему.

Фог думала, что Сэрим с его изворотливостью проскочит в одно мгновение, но стражи допрашивали его долго, с четверть часа почти. Пока он выворачивал дорожную суму, показывал содержимое кошель и оправдывался, мимо, под шумок, успел даже проехать табор кьярчи на нескольких телегах, расписанных синей и золотой краской. Стража допытывалась, нет ли у Сэрима какого-то меча и «девки на воспитании», а не обнаружив ни того ни другого, стала обыскивать его по второму разу, не поверив, что он просто странствующий музыкант. Наконец, видимо, для убедительности, Сэрим наиграл на флейте простенькую мелодию – и прошёл в город; Фог, правда, этот момент пропустила – отвлеклась на странное возмущение морт у ворот, исчезнувшее так же неожиданно, как оно появилось.

Вскоре с той стороны стены послышался сигнал – резкая, громкая трель – и следующая часть отряда направилась к воротам.

Поддельной семьёй с крикливым младенцем – Садхам как раз проснулась и недвусмысленно выразила желание перекусить – стражи, впрочем, не заинтересовались. Фогарту тоже никто не обыскивал, только сундук попросили открыть, на что она плечами пожала:

– А толку вам туда смотреть, если я могу содержимое хоть спрятать, хоть изменить?

Один из стражников положил было руку на рукоять морт-меча, но старший в отряде быстро оттеснил его, качнув головой, и обернулся к Фогарте:

– Вы уж простите его за рвение. Мы, скажу по секрету, одного опасного преступника ищем, который эстрой притворяется да по городам беззаконие чинит... – добавил он, чересчур близко наклонившись к Фог, так, что можно было почуять запах рыбного супа от его бороды. – Вы такого не встречали?

– Нет, – честно ответила она. Хотела добавить, что лишь сегодня прибыла в город далеко с юга, но затем передумала: к чему это рассказывать каждому встречному? – Но благодарю за предупреждение, добрый человек... И скажи, чтоб друг твой показал свой морт-меч хорошему мастеру или киморту: с балансом у него что-то не то.

И, сказав это, шагнула под арку ворот, больше не оборачиваясь на стражу – словно так и надо.

– Приятно видеть, как робкая дева превращается в женщину, которая точно знает, чего она хочет и чего стоит, – усмехнулся Сидше и, взяв её под локоть, аккуратно потянул в сторону. – Пойдём-ка к торговым рядам. Сэрим и прочие наверняка уже там; да и соглядатая, которого приставила к тебе стража, сбросить со следа там будет проще.

– Соглядатая? – растерялась Фогарта, с трудом подавив желание оглянуться. – Укажи на него, и я его хоть сейчас отважу... Где он?

Самоуверенности у неё немного поубавилось.

– Видишь ту нищенку в коричневом покрывале? Я заметил, что начальник стражи дал ей монетку, а затем указал на нас, прежде чем вмешаться в твой спор с тем остолопом, который хотел заглянуть в сундук...

От слежки они избавились в ближайшем переулке, заставив женщину свернуть в неправильную сторону, а затем двинулись к городскому рынку.

А сам Ульменгарм оказался под стать стенам, окружавшим его, и потрясающим воображение воротам – сумрачный и торжественный, прекрасный и неудобный, древний и суетливый.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: столица процветает. Каждую площадь украшал фонтан – непременно с фигурой прекрасной девы либо ужасного чудовища, а если не фонтан – так монумент в честь какой-нибудь древней битвы или поединка чести. Новые скульптуры, видимо, установленные при нынешнем лорге, выглядели зачастую нелепо, словно большие куклы – с чересчур широкими плечами у мужчин и тоненькими, точно соломенные жгутики, руками у женщин. И два сюжета неизменно повторялись от раза к разу: воин грозно глядит вдаль, опершись на меч, а дева скорбит, прижав кулачки к груди. Более старые же изваяния были совсем иными – стремительными, точно пойманными в движении, и словно бы невесомыми. У одной из таких статуй, изображающей лукавого купца за подсчётом монет, Фогарта даже остановилась.

– Что-то особенное? – заинтересовался Сидше, проследив за её взглядом. Обошёл каменного купца по кругу; подобрав полы хисты, присел на корточки у памятной таблички, вглядываясь в символы; цокнул языком. – Здесь написано: «Сей скупец в голодный год отворил амбары и спас людей; обратись к его духу, и он одарит тебя золотом». Что думаешь? Он и вправду помогает людям разбогатеть?

«Думаю, что ты гораздо лучше знаешь наречие лорги, чем делаешь вид».

– Почему бы и нет? Золото в сундуке у него настоящее, а на дне ещё и самоцветов целая куча... Так что настойчивому просителю, который догадается разбить каменную крышку сундука, можно будет не страшиться бедности, – улыбнулась Фог. И снова повернулась к статуе, надвинув окулюс со лба на глаза. – О, так и знала, не показалось! Я не первый киморт, который заметил клад. Тут с полсотни записей на боку, сделанных морт... Только вот самой свежей лет пятьдесят, не меньше, – добавила она, посерьёзнев. – Получается, что с тех пор ни один киморт сюда не заходил?

– Или не заходил ни один киморт, любящий хорошую шутку, – задумчиво добавил Сидше и качнул головой. – Даже и не знаю, что хуже.

Фогарта улыбнулась в ответ, но в груди всё тревожно сжалось.

Спасённые из рабства близнецы мало что могли рассказать о делах кимортов на севере – после обучения они почти сразу отправились в путешествие. Онор припомнила, что друзей-погодок у них с братом не водилось. Сперва, когда их только привели в Хродду, в школе вообще было, кроме них, только два ученика, точнее, ученицы: одна девочка почти уже взрослая, а вторая помладше, лет двенадцати-тринадцати. К концу обучения детей стало больше – почти полтора десятка, и двадцать взрослых кимортов едва с ними справлялись.

«Если б не терпение наставника Телора, который почти все уроки брал на себя, то прочие учителя, пожалуй, сбежали бы в леса и подались бы в отшельники», – добавил тогда Лиура.

Собственно, школу в Хродде и открыл Телор – не самый могущественный киморт севера, но точно самый влиятельный. Фог сперва решила, что остальные обучают по старинке: берут ученика к себе в дом и заботятся о нём, как о собственном ребёнке, пока тот не повзрослеет и не получит от цеха собственный отличительный знак. Но сейчас задумалась: а были ли они, другие ученики?

До сих пор, от самых южных границ, им не встретилось ни одного.

А ведь морт-оружия вокруг хватало. У стражи, у дружинников, даже в охране у обычных купцов, ожидающих в очереди у ворот... Столько колдовских клинков не производил даже цех в Шимре; низкое качество самоцветов и мирцитовых вставок в рукояти в сочетании с грубой работой вообще наводило на недобрые мысли.

«Лиуру заставляли делать камни-заготовки, – размышляла Фогарта на ходу, вспоминая горы мутноватых аметистов, топазов и разноцветного кварца на низком столе в подземелье у Радхаба. – И среди гостей работорговца был один купец с севера... Зря я его не расспросила тогда».

Но сокрушаться об этом было уже поздно.

Торговые ряды появились внезапно, словно из засады выпрыгнули. Фог в переулке наступила на подгнившую шкурку от ригмы, поскользнулась – и, неловко взмахнув руками, выскочила на открытое пространство.

Сундук выплыл следом, плавно и степенно.

«Ну вот, – огорчилась она, когда взгляды зевак сосредоточились на ней. – Даже короб из дерева, обитый железом, грациозней меня».

Но тут Сидше бережно взял её под локоть и шепнул, склонившись к уху:

– Идём-ка левее, я слышу флейту Сэрима. Хочешь пирожок в виде рыбки на палочке? Говорят, там внутри сладкая начинка из лесных кореньев, орехов и дикого мёда.

– Хочу, – откликнулась Фог, не рассуждая, и какие-то там осуждающие и любопытные взгляды тут же стали совершенно неважны. – А он вкусный? А ты пробовал? Откуда знаешь?

– Тебе понравится, – пообещал Сидше с улыбкой, остальные вопросы оставив без ответа. – И посмотри ещё вот на эти коржики, которые пекут на цветочной воде...

Среди торговых рядов он маневрировал с изяществом и непринуждённостью, выдающими давнюю привычку. Впрочем, рынки везде были одинаковыми. Те же прилавки; товары, разложенные так, чтоб выставить напоказ достоинства и скрыть недостатки; те же монеты, переходящие из рук в руки, сделки удачные и не очень, обман, лесть, деловитые покупатели и досужие зеваки... Разве что на юге одевались иначе и торговались охотнее, да и купцы были куда любезнее, зазывая прохожих к себе.

А ещё на севере не было рабов.

Проходя мимо угла, где торговали мелкой скотиной, домашней птицей и гурнами, Фог не могла не отметить, что эти клетки чище, просторней и светлей чем те, что в пустыне предназначались для людей.

– Найди остальных, – вздохнула она, резко отворачиваясь от закутка, где маленький, трогательный детёныш гурна на ломких длинных ногах с опаской отщипывал понемногу от

вязанки свежей травы. Рядом с ним стояло ведро, полное чистой воды, а пол был тщательно выметен. – Я... я пока загляну кое-куда, спрошу у мастеров, откуда им доставляют камни-заготовки для морт-мечей.

Недоеденный пирожок-рыбку она убрала в мешочек на поясе – аппетит резко пропал.

Чтобы попасть в соседний ряд, пришлось обойти почти половину площади. Устав продирается через толпу, Фогарта взобралась на сундук и дальше полетела так. По пути остановилась сперва у одного прилавка – прикупить мешочек пряностей из Ишмирата, затем задержалась у торговки-разносчицы ради гребня из ароматного тёмного дерева. Торговка – кьярчи, судя по чёрным волосам, сильно подведённым глазам и ярким одеждам с обильной вышивкой – так нахваливала свой товар, что Фог схватила ещё один гребень, для Онор, и лишь потом сообразила, что волосы у той слишком коротки.

«Отдам Сидше, – решила она, сосредоточенно разглядывая покупку. По краю гребня вилась искусная резьба, залитая красным лаком. – Интересно, понравится ему? Цвет подходящий... А что, если ему алую хисту подарить? Возьмёт или нет?»

Мысль отчего-то будоражила.

Уже сворачивая с площади, краем глаза Фог заметила в толпе лицо – будто бы знакомое и чужое одновременно. Белая рубаша с синим узором, длинные светлые волосы... Сердце ёкнуло. Но в тот же миг зарыдала флейта где-то далеко, и откликнулась тревожным звоном семиструнка, и всё замельтешило, задвигалось, беспрестанно меняясь, а потом наваждение исчезло так же резко, как появилось.

Рыночная площадь снова стала такой, как прежде; таинственный незнакомец исчез.

Торговые ряды, где находились прилавки мастеров, располагались чуть наособицу. На входе там стояла настоящая стража – такие же хорошо вооружённые воины, как у городских ворот. Здесь никто не торговался, не сбивал цену; сюда приходили люди, которые точно знали, чего хотели.

– Оorra, почтенный, – произнесла Фог, припомнив на ходу, как полагалось обращаться к незнакомцам на севере. Торговец, худощавый усатый мужчина лет сорока пяти, неторопливо сдвинул окулюс на лоб и любезно обернулся к ней. – Не подскажите, откуда у вас эти камни?

В полумраке под навесом его живые голубые глаза казались тёмными, словно зимняя река; интерес в них, возникший было при виде киморта из Ишмирата, быстро угас.

– Не могу знать, госпожа, – скучным голосом ответил торговец и принялся аккуратно сортировать товар у себя на прилавке: заготовки под мирцитовые капсулы, грубовато пошитые окулюсы с отделкой из красно-коричневой кожи и чёрнёной кости, простой инструмент... Недорогие вещи, словом; шкатулка на двенадцать отделений, заполненная крупными жёлтыми цитринами, нежно-лиловыми аметистами, чёрными морионами, выделялась на их фоне, как сугроб снега посреди летнего луга. – У нашей семьи скромная мастерская. Эти камни отец приобрёл по случаю, но использовать их нам не под силу, так что остаётся только перепродать.

Взгляд у Фог растерянно скользнул по прилавку.

– Понимаю, – откликнулась она негромко и бережно взяла одну из заготовок. – Зато капсулы – ваш конёк, да? Хорошая работа, видно твёрдую руку. А вот эти, – и она выбрала из кучи ещё несколько капсул, – сделаны лучше прочих. Здесь видны не только усидчивость и старание, но и тонкое понимание материала. Такие заготовки прослужат дольше.

Мастер хоть и старался не подать виду, а всё же был польщён. И ясно почему – из всех капсул могущественная чужеземка выбрала его работу, отодвинув в сторону капсулы, сделанные отцом и братьями. Похвалила его, младшего среди всех; единственного, не сумевшего в столь почтенном возрасте найти жену, а потому вынужденного делить обязанности продавца с племянниками и племянницами...

...он не знал, конечно, что Фог схитрила и из кучи совершенно одинаковых изделий просто отобрала те, которые несли на себе отпечаток человека, стоявшего перед ней.

– Купите? – спросил он с надеждой.

– Куплю, – кивнула она уверенно, благо стоили заготовки совсем немного. – Давайте все четыре штуки... И две колбы мирцита, – добавила она, присмотревшись к товару повнимательнее. – Какой чистый! Почём будет?

Торговец назвал цену; увидев, что чужестранка нахмурилась, он поспешил добавить:

– Но если две колбы берёте сразу, то могу скинуть!

«Не в том проблема, – подумала Фогарта, прикусив губу. – У нас в Шимре за мирцит такой чистоты дерут вдесятеро больше... Только вот откуда он здесь?»

– Со скидкой возьму, пожалуй, и три... нет, пять, – вслух ответила она, рассудив, что хороший материал лишним не будет, рано или поздно в дело пойдёт. – Заплачу золотом. У меня южные монеты, годятся?

Торговец оживлённо закивал и принялся напоказ высчитывать сдачу, приговаривая, что цена хороша, и товар хорош, и госпожа, видно по всему, хороший человек.

И в это мгновение было не отличить его от сладкоречивого купца-южанина.

Уже собираясь уходить, Фог снова повернулась к камням, наполненным морт, словно бы в сомнениях. Затем оглянулась, поманила к себе торговца и, понизив голос, сказала:

– Не моё это дело, но уйти, промолчав, не могу... Видите этот морион, уважаемый? У которого словно бы снежинка изнутри проступает? Уж не знаю, какой киморт его обрабатывал, но больше у него товар не берите. Дефект в нём, стремление было неясным и морт вложено мало. Для длинного клинка его использовать нельзя, самое большое – для кинжала размером с ладонь, иначе может случиться беда. А вот эти два цитрина – хорошие камни, они сослужат добрую службу.

У торговца округлились глаза; быть может, в самом начале разговора он бы предупредению не внял, но теперь проникся к щедрой чужеземке доверием.

– Благодарю за совет, уважаемая, – зашептал он в ответ, прикрывая лицо ладонью сбоку, словно боялся, что издали кто-то по губам слова прочтает. – Но вы поостерегитесь впредь говорить дурное про такие камни. Мы их не по своему почину продаём, их моему отцу принёс посланник из дворца с наказом сбыть другим мастерам; всю выручку за них мы посланнику потом и возвратим. А что из дворца пришло, то с изъяном быть не может, вы уж поймите. Уж сам-то, уж верховный-то не ошибается!

– Ясное дело, – тихо ответила Фогарта. – Что ж, и я за совет благодарю.

Когда она отходила от прилавка, то сердце колотилось где-то в горле: в одном из камней, на круглом цитрине с ноготь величиной, ощущался до сих пор знакомый след. Над этим самоцветом определённо потрудился Лиура, уж его-то манеру она успела изучить... И если камень из сокровищницы рабовладельца на юге неким тайным образом попал к лорге во дворец, и не для использования, а для перепродажи, то ничего хорошего это не сулило.

Задумавшись так, Фог почти не смотрела по сторонам, когда шла, а потому опасность заметила не сразу.

Аккурат посередине торговых рядов, между скромными прилавками, торчал, как пень посреди поля, магазин. Стены – из целых брёвен, обтёсанных до стеклянной гладкости; ставни – резные и изукрашенные, сплошь в алых узорах, места свободного – ни на ладонь; крыша горбатая, на четыре ската, с деревянными головами гурнов по углам, с красной и чёрной черепицей. На порожке, на стуле, больше похожем на трон, грелся на солнышке и раскуривал трубку немолодой мужчина с изрядным брюшком, снисходительно поглядывая на прохожих. Одет он был в кипенно-белые штаны и рубаху, поверх них – в узковатый парчовый жилет, багряно-золотой, с тремя расшитыми поясами, а на плечах висел, как плащ, бархатный кафтан, бордовый, с богатой вышивкой блестящими нитями и меховой оторочкой по подолу и по рукавам... Словом, всё в его облике и манерах говорило о большом достатке и немалом влиянии в столице.

Когда Фогарта прошла мимо него, на ходу разглядывая колбу с мирцитом, мужчина выпучил глаза, как рыба, и трубка выпала у него изо рта, а напوماженная пегая борода задрожала.

– Она, – выдохнул он, приподнимаясь – и тут же рухнул обратно на сиденье. – Девка эта... Как успела? Откуда?

А Фог тем временем низко склонилась над прилавком у самого выхода, намереваясь купить про запас несколько заготовок для «Штерры».

«Раз уж у меня есть теперь лишний мирцит, – рассудила она, – то почему бы не восстановить полностью отопительный контур на дирижабле? Да и систему циркуляции и очистки воздуха можно изменить... И баллон бы укрепить, но тут особые материалы нужны, это подождёт...»

Рынок шумел вокруг, переключался на разные голоса, звенел монетами – а потом вдруг затих.

Фогарта подняла голову – и увидела, что вокруг неё полукольцом стоят шесть воинов с морт-мечами и лезвия еле-еле светятся багровым, как за мгновение до атаки. А за спинами у воинов застыл, скрестив руки поверх пуза, мужчина в красном кафтане, и лицо у него аж пятнами пошло от ярости.

– Ты, – выдохнул он, поймав у её взгляд, и губы у него затряслись. – Попалась, девка. Ужо я тебя... тебе...

В первую секунду она не узнала его из-за ярких северных одежд, так непохожих на светлые накидки южан, а потом вспомнила это лицо, так же перекошенное страхом – но в других обстоятельствах.

«Купец из поместья Радхаба, который выкупал камни, сделанные рабами... – пронеслось в голове. – Я тогда пожалела его, не стала память подчищать, а, выходит, Сэрим прав был. И что делать теперь?»

Справиться с мечниками Фог могла бы, хоть и не без труда, но тогда наверняка бы пострадали и лавочники, и прохожие, которым не повезло оказаться рядом. Да и из города пришлось бы срочно бежать, после погрома-то – а ведь она так надеялась найти здесь кого-то из кимортов, знакомых с Онор и Лиурой, чтоб не углубляться далеко на север. Её беспокоила судьба жрицы храма Пяти Ветров, выступившей открыто против Радхаба и его могущественного дядьки из конклава, да и к тому же могли на юге ещё оставаться рабы-киморты, и...

«Что же делать? – только и могла повторять она, застыв на месте. – Что же делать?»

Наверное, если бы мечники атаковали, то Фогарта решила бы. Но купец лишь продолжал браниться и брызгать слюной, суля страшные кары, гнев лорги и «тысячи клинков»... А зевак собиралось всё больше, и становилось ясно как день, что сражения не избежать.

И жертв тоже.

– А, уважаемый друг! – раздался вдруг приятный голос с сильным ишмирским акцентом, перекрывающий даже ругань купца, не говоря уже о любопытных шёпотах. – Вот мзда, которую ты хотел! Сколько смог, столько собрал!

Не веря самой себе, Фог обернулась – и увидела Сидше в хисте наизнанку, светлой стороной наружу, и с ярко-синим платком кьярчи, намотанным на голову и завязанным под подбородком. В руках у Сидше был мешочек на завязках, в котором что-то зазывно звенело.

Купец так оторопел, что даже забыл на секунду, как браниться.

– Какая такая мзда? – пробормотал он, озираясь на зевак. Взятки, на юге дело обычное, лорга накрепко запретил и повелел взяточников, пойманных на горячем, сечь кнутом на площади. – Окстись, с чего бы мне...

А вокруг было уже слишком много любопытных бездельников – и торговцев, которые бы не упустили случай насолить сопернику.

– Мзду за право торговать! – откликнулся Сидше, торопливо развязывая тесёмки. – Вот, погляди, тут золото! Доброе золото для доброго человека! Так-то теперь мне допущено... дозволено... Ай-ай, трудный язык – ваш лорги! – покачал он головой, цокая языком. – Но я догадлив, быстро дело разумею, вот, погляди, всё, как ты сказал... Ай!

И, неловко дёрнув за тесёмки, он оборвал одну из них – и из мешочка посыпались монетки. И мелкие, медные, и серебро... Покатились в разные стороны – и мечникам под ноги, и зевакам.

А много ли людей могут устоять, если деньги сами в руки идут?

Фог, опомнившись, подтолкнула монетки силой морт, разбрасывая их как можно шире – и воцарился хаос. Сперва подбирать мелочь кинулись нищие, затем и обычные прохожие... Когда за серебряной монетой наклонился один из мечников, затем другой, мешкать она не стала – и нырнула с ходу под прилавок, оставляя хисту висеть в воздухе, как пугало.

Исчезновение добычи, загнанной было в угол, купец заметил не сразу, а когда понял всё – завопил так, что прилавки затряслись, но Фогарта уже пряталась в дальнем переулке, пытаясь отдышаться после бега, и размышляла, не надо ли ей теперь, в свою очередь, выручать Сидше. Пока раздумывала – он явился сам, посмеиваясь и на ходу сворачивая потуже бирюзовый свёрток, в котором легко узнавалась хиста, брошенная, чтоб отвлечь мечников. Синий платок-тюрбан куда-то подевался, всегда аккуратно приглаженные волосы растрепались, а на фарфорово-белой, истинно ишмирятской коже появился румянец.

Смотреть на него отчего-то было неловко.

– Задержался немного, чтоб кое-что подобрать, – улыбнулся он краешками губ, поднырнув под верёвку с развешенным на ней бельём. Огляделся по сторонам, кивнул сам себе. – Место хорошее, госпожа, но всё же лучше отсюда незаметно уйти, пока тот толстяк объясняется со стражей. Есть у меня предчувствие, что не встанет стража на нашу сторону, когда он с ней объяснится... Сможешь нас спрятать?

– Смогу, – вздохнула Фог, собирая вокруг себя морт. – Надо же было в первый день его встретить! И как он сумел раньше нас добраться до столицы?

Сидше пожал плечами и осторожно выглянул из проулка, чуть отодвинув в сторону чьи-то портки; на рыночной площади началась беспокойная возня, и стража сновала туда-сюда мимо прилавков.

– Несложное дело, если на примете есть хороший дирижабль. Видела, госпожа, сколько их над Ашрабом было? То-то же. А если заручиться помощью киморта, лететь день и ночь, то путь можно сократить втрое, если не вчетверо. Но прежде чем рассуждать и догадываться, хорошо бы встретиться с остальными и предупредить их, что в столице небезопасно.

Он ни словом, ни взглядом не упрекнул её за то, что она пожалела купца тогда, в поместье у Радхаба, но вина всё равно сжала сердце когтистой лапой.

Сундук пришлось замаскировать под навьюченного гурна и следить за тем, чтоб он не взлетал высоко над брусчаткой. Бирюзовую хисту Фог превратила в серый кафтан с меховой опушкой – что-то среднее между одежками бедных северян и кочевников-кьярчи, а волосы сверху замотала вдовьим платком – перекрасить их с помощью морт бы не вышло. И велик был соблазн принарядить Сидше в броское алое и серебряное, как давно мечталось, однако она сдержалась и всего лишь преобразовала его хисту – ту самую, сделанную в Кашиме из драгоценного камня – в длинный тёмно-зелёный плащ с капюшоном.

Стража, которая искала деву-киморта на летучем сундуке, скромной парой с бочкообразным гурном не заинтересовалась.

Спустя некоторое время обнаружился Сэрим – на площади с фонтаном за съестными рядами. Взобравшись на полуразваленный тюк с сеном, он играл на флейте, а на расстеленной рубахе перед ним поблёскивали мелкие монетки – немного, но достаточно, чтоб снять где-нибудь угол и несколько раз плотно отужинать. Фог и Сидше он узнал сразу, несмотря

на маскировку, сноровисто собрал вещи и сделал знак пройти в таверну чуть поодаль, у большого дерева с широкими резными листьями. Там, внутри, за столом у окна уже сидели Онор и Лиура, отдавая должное жаркому из птицы, а Иаллам косился на них несчастно и кормил младенца коричневой жижей, страшноватой на вид; девочка, впрочем, ела с аппетитом.

– Вам кормилицу надо найти, – в сердцах бросил он, когда остальные заняли места за столом. – Я, между прочим, шпион и тайный посланник, а не нянька.

– И как тебя с такой глупой рожей и длинным языком только в шпионы взяли? – с фальшивым сожалением покачал головой Сэрим и осторожно забрал у него девочку. – Отдохни и перекуси пока, что ли... Ишь, как славно чавкает, красавица.

Иаллам сразу повеселел:

– Потому и взяли, что рожа глупая. Кто же поверит, что я шпион? Эй, разносчик, подойди-ка сюда и скажи ещё раз, что есть у вас посытнее и поострее...

К новостям о купце Сэрим отнёсся философски:

– Ну, чего-то подобного и стоило ожидать... Не сейчас, так позже. Мир-то вообще лишь чуток побольше пьяного дома Мин-раг в Шимре: если есть у тебя неприятель, то обязательно наткнёшься на него именно там, да ещё в самый неудачный момент, хоть ты тресни – и никак этого не избежать.

– Вообще-то избежать можно, – рассеянно откликнулась Фогарта, пытаясь зачерпнуть гуляш из горшочка так, чтоб в ложку не попал скользкий варёный лут. – Если, к примеру, в пьяный дом вовсе не ходить. Тем более учитель говорил, что там ничего интересного.

Сэрим аж поперхнулся, уставившись в столешницу. За ним раскашлялся Иаллам, и уши у него стали пунцовые. Даже близнецы – вот обидно-то – понимающе переглянулись, и Онор кивнула, а Лиура фыркнул, закатив глаза.

Фог стало обидно.

– Что? – буркнула она, ожесточённо разгребая гуляш. Чем ближе к дну, тем больше там было овощей. – Разве не так? – и уставилась на Сидше, который до сих пор помалкивал, уделяя больше внимания блюду с мясом, запечённым с ригмой, чем беседе.

– Всё так, – подтвердил он, быстро глянув из-под ресниц, и слизнул кисло-острый соус с кончиков пальцев. – В пьяных домах Шимры совершенно не на что смотреть, да и делать там, в общем-то, нечего.

И, хоть говорил он ровно то же самое, что и учитель Алаойш, но прозвучало это совершенно иначе – непристойно, скабрёзно даже. Фог покраснела до ушей и молча сунула в рот полную ложку гуляша, а Сэрим снова кашлянул и произнёс:

– Ну да неважно. Сейчас главное решить, что делать. Разумеется, ещё с утра я б сказал, что нужно лететь дальше на север, как только мы закончим с покупками... Но, как назло, я успел кое-что разузнать, и вот теперь думаю, что стоило б немного задержаться. Дело в том, что через три дня в Ульменгарм должна прибыть наместница Эсхейд Белая, а вместе с ней и Телор.

Онор вздрогнула и неосознанно потянулась к брату; тот сжал её ладонь и сглотнул, выдохнув:

– Учитель...

Фогарта деликатно отвела взгляд.

В первые дни после освобождения близнецы и слышать о Телоре не желали, потому что всё время, проведённое в плену, надеялись, что учитель придёт за ними. Однако он не пришёл; не справился и отступился, по косвенным свидетельствам посчитав их погибшими. Позже Онор узнала об эпидемии, которую он обрушил на Дабур, чтобы отомстить, и смягчилась; Лиура же до сих пор не мог определиться с тем, злится он на учителя или хочет поскорее его увидеть.

– Тогда подождём три дня и попробуем встретиться с Телором, – приняла решение Фог, крепко всё обдумав. Теперь, после того как она своими глазами увидела на рынке камень,

обработанный Лиурой, и уверилась в том, что между работоторговцами с юга и дворцом лорги есть связь, путешествие на север через половину страны уже не представлялось таким уж без-опасным. – Подыщем жильё. Я не стану выходить из комнаты, чтоб не наткнуться на купца снова, а сам-то он вряд ли меня найдёт. Вы с братом поселитесь по соседству, будем держаться поближе друг к другу, – добавила она, повернувшись к Онор. – А припасами тогда придётся Сэриму заняться и...

– Мне? – надеждой спросил Иаллам, у которого под глазами виднелись отчётливые синяки от недосыпа.

– И Сидше, – безжалостно закончила Фогарта. И улыбнулась. – Потерпи немного, если всё пройдет хорошо, то через три дня мы встретимся с Телором, а уж он наверняка сможет найти кормилицу для младенца. Ему-то это не так сложно: он на севере хозяин, а мы всего лишь гости.

– Которым к тому же тут не рады, – заключил Сэрим. И легонько хлопнул ладонью по столу. – Хорошо. Я и сам, признаться, собирался что-то такое предложить ... Так что побудьте пока тут, а я покуда поищу надёжное жильё. Уж что-что, а таверны близ рынка стража будет обыскивать в первую очередь.

Пропал он до самого вечера, до ночи даже; Фог пришлось его искать. Впрочем, новости он сообщил хорошие: мол, встретил старого друга, который-де подсказал обратиться к одной глуховатой нелюбопытной вдове на северной окраине города. У неё были свободны целых три комнаты – две на втором этаже и одна под самой крышей, с мансардным окном. Покойный супруг, мастер родом из Шимры, лет двадцать тому назад чем-то не угодил лорге и попал в тюрьму по ложному обвинению, так что доносить на подозрительных гостей вдова бы не стала.

– А ещё, – наставительно воздел палец Сэрим, – она изумительно запекает рыбу, так, что ни одной косточки в тарелке не попадётся. И делает настойки на травах, ух, вкусные... Ну, это так, к слову, – спохватился он. – Главное, что дом вдовы далеко от рынка. При должном везении мы там спокойно переждём три дня, а там уже и Телор прибудет в город.

...План и вправду был хорош, вот только им всё-таки не повезло.

Два дня Фог с компанией провела в доме у вдовы – рыба с пряными травами и впрямь оказалась выше всяких похвал – и на улице не показывалась. Тем временем Сидше и Сэрим постепенно закупили и припасы, и лекарства, и недостающее оснащение для «Штерры» – и втайне переправили на дирижабль. А утром третьего дня, на самом-самом рассвете, когда солнце ещё даже не выглянуло из-за горизонта, в дверь требовательно забарабанили. На пороге стоял дружинник – командир, судя по вышивке на вороте плаща и драгоценному обручу, прижимающему седые кудри к вискам – с двумя помощниками; ещё два десятка воинов окружали дом.

«И это те, кого я вижу, – отстранённо подумала Фогарта, разглядывая их сквозь мансардное окно. – А ведь наверняка есть и бойцы со стреломётами... Сумею ли я всех защитить? И успел ли Сэрим вернуться? А вдруг его схватили?»

Командир, мужчина в годах и, видимо, умудрённый опытом, приказ об атаке отдавать не спешил.

– Оorra, госпожа киморт, – произнёс он, сонно глядя из-под тяжёлых век, из-за чего карие его глаза казались ещё темнее. – Я воевода третьей столичной дружины, зовут меня Ирхан. От имени лорги и со всем почтением прошу тебя явиться на суд, ибо есть человек, который утверждает, что ты злоумышляла против него.

Фогарта зябко укуталась в хисту, запахивая её получше – воздух на рассвете был прохладным.

– А что, если я не хочу идти? – ответила она спокойно, глядя не в глаза командиру, а в точку далеко за его плечом – там, где над чёрно-красными горбатыми крышами только-только показался краешек солнца.

– Тогда тебя, госпожа, признают виновной, даже и оправдаться не дадут, – сказал командир Ирхан. И добавил вдруг уже человечнее, чуть улыбнувшись: – Судить будет сам лорга, а он строгий, но справедливый. Пустым наветам он не поверит. И киморту ли бояться человеческого суда?

«Я не за себя боюсь, – подумала Фог мрачно. – А за тех, кого не смогу защитить».

Два десятка морт-мечей нацелились на дом – а такой удар, да ещё с близкого расстояния было бы нелегко отразить даже учителю Алойшу, пожалуй.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Я приду на суд. Но мои спутники тут ни при чём, так что если им навредят...

– Лорга справедлив, вредить невиновным он не станет, – качнул головой командир.

...а Фогарта вспоминала камень, заклятый Лиурой и как-то попавший с далёкого юга аж в столицу севера – и не верила.

Она выторговала час на сборы, надеясь, что Сэрим появится или хотя бы подаст знак, но так и не дождалась; утешало лишь то, что командир дружины никак не намекнул на то, что у него есть заложник. Зато времени хватило не только чтоб переодеться в чистое и нарядное, но и перекусить наскоро – и покормить ребёнка. Идти решили все вместе, не разделяясь: трёх кимортов разом одолеть всё же сложнее, чем поодиночке.

– А с сундуком – можно считать, что не троих, а четверых, – добавила Фог.

Лиура с сестрой заулыбались было, но затем увидели, как серьёзно закивал Иаллам, и тоже преисполнились почтения.

Когда настала пора выходить, солнце успело приподняться над горизонтом, позолотить туман на горбатых крышах. Воздух был ещё свежим, прохладным, но уже с примесью дыма из печных труб и запахов готовящейся пищи. А завтракали северяне обильно... Кто побогаче – гуляшом, который выкладывали на свежую лепёшку, маринованными яйцами, лесными ягодами и крепким травяным отваром; кто победнее – кашами, томлёнными в печи, хлебом, пресным сыром, сырым лутом и мочёной ригмой. Орехи же любили все, особенно колотые и прокалённые, и уличные торговки продавали их маленькими кульками прямо с лотков.

Сидше купил сразу несколько таких кульков, угостив и близнецов, и Иаллама; дружинники хоть и косились неодобрительно, но ни слова не сказали.

«Испытывает он их, что ли?»

Встретившись с ней взглядами, Сидше лукаво улыбнулся, точно подтверждая догадку.

Дворец лорги располагался на холме и точно парил над крышами – пожалуй, если б не вечные туманы, то его было бы видно из любого конца немаленького города. Две крепостные стены окружали его: внешняя – из серого камня, а внутренняя – из красного с белыми прожилками; семнадцать оборонительных башен высились по углам, и реяли на шпильях чёрные с золотом стяги... А прямо над воротами, в ветвях старого высокого дерева с пирамидальной кроной, виднелось сквозь бледную, сизоватую листву птичье гнездо.

Когда Фог проходила под ним, то увидела внизу, на дороге, мёртвого птенца.

Каменные ступени и террасы между внешней и внутренней стенами, возможно, хорошо подходили для обороны, однако идти по ним было неудобно. Здесь пахло дымом, а ещё гурнами и звериными шкурами; во дворце запах только усилился, и прибавилась к нему кислотная, старческая духота, вонь от прелой соломы и затхлых гобеленов. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке; щербатая кладка стен пряталась стыдливо под многочисленными шпалерами, восхваляющими воинскую доблесть. Фогарта принялась сперва считать отрубленные головы и поверженных врагов, но вскоре ей надоело, тем более что других сюжетов почти и не встречалось. И только у самого зала, где должен был состояться суд, висел на стене огромный гобелен, от потолка и до самого пола, где рука неведомого мастера выткала прекрасные зелёные горы, и реки, и города из белого камня, и ясное-ясное синее небо, и жар-

кое солнце, а под солнцем – ясноокою деву в воинском одеянии, и в левой руке у неё была звезда, а в правой – меч.

– Это Брайна, – негромко подсказал командир дружинников, утирая пот со лба, и лишь тогда Фог осознала, что стоит и смотрит на гобелен уже несколько минут. – Есть легенда, что хоть Брайна и ушла давным-давно, но всё же приглядывает за нами и в час горя и нужды придёт на помощь. Пусть бы и в ином облике, в иное время... Люди-то всё те же.

– Твоя правда, – ответила Фог, заворожённо прикасаясь к краешку гобелена, и ощутила слабый, но живой отклик морт, долгие-долгие века сохраняющей гобелен нетленным. – Люди везде одинаковые. Что ж, идём. Южное гостеприимство и справедливость я уже видела. Посмотрим, как тут у вас, на севере.

По сигналу массивные двери, обитые медью, распахнулись с протяжным скрипом.

Зал суда изрядно напоминал пещеру. Света здесь не хватало, несмотря на стрельчатые витражные окна по правой стене и изобилие свечей и лампад, которые коптели, чадили и добавляли ещё духоты. В дальнем конце зала виднелось возвышение, застеленное звериными шкурами, с единственным креслом по центру – но зато богато украшенным, обитым кожей и серебром. У стен в несколько рядов теснились деревянные лавки – не то для свидетелей, не то для зрителей, как на представлении. Посередине стояли два помоста, на каждом – по деревянному стулу, и на том, что справа, восседал уже знакомый купец в окружении охраны, разодетый с такой пышностью, что от блеска золота и камней на кафтан смотреть больно было.

То, что слева, предназначалось для Фог.

– Спутники мои ни при чём, я их только в Бере встретила и взялась до Хродды проводить, – соврала она, не моргнув глазом, обратившись к командиру дружинников. – Пускай они в стороне сядут, тем более что с ними младенец, а дитя уж точно судить не за что.

Поколебавшись немного, командир исполнил её просьбу и усадил близнецов и Иаллама среди зрителей, приставив к ним двух мечников – не то сторожить их, чтоб не сбежали, не то от беды охранять. Сидше же вместе с ней поднялся на помост и встал за плечом, словно так и надо – и не смущали его ни взгляды, ни перешёптывания.

– Зачем? – спросила тихо Фог. – Ты же всё равно лорги не знаешь толком... А если купец и на тебя ополчится?

– Тем хуже для него, – мягко ответил он по-ишмирятски и улыбнулся тонко. – Сколько ты дружинников насчитала? Я три десятка, если с теми, что за дверьми остались.

– Я тридцать шесть... погоди, ты что, отвлекаешь меня?

Если Сидше и хотел ответить, то не успел, потому что вдруг коротко и торжественно взревели трубы, гулко отдаваясь под сводами, открылись настежь боковые двери – и к помосту, устеленному шкурами, прошествовал рослый мужчина в длинном плаще из стриженного чёрного меха с блестящей вышивкой по краю. Металлические подковки на подошвах высоких сапог высекали искры из каменных плит, а венец – неожиданно изящный, переплетение золотых цветов и листьев – утопал в седых, чуть курчавых и очень густых волосах.

Все вокруг тут же повскакивали и закричали невпопад «Слава!» и «Великий!» – и ещё что-то такое же нелепое.

«Лорга, – догадалась Фог, глядя на профиль, который напоминал о хищной птице, на кустистые брови и усы. – Как там его... Захаир?»

Для старика восьмидесяти трёх лет от роду лорга выглядел крепко – даже, пожалуй, чересчур. Широким плечам и безупречной осанке мог бы позавидовать и молодой воин; глядя на мощную шею и мускулистые руки, всадники-арафи, пожалуй, посчитали бы себя посрамлёнными. Лицо у Захаира напоминало треугольник, перечёркнутый пополам пышными седыми усами. Голубые глаза от возраста помутнели, и взгляд казался мрачным; на подбородке справа чернела родинка, на которую, верно, полвека назад многие девицы заглядывались, считая пикантной...

«Или нет, – подумала Фог с сомнением. – Тут, на севере, вроде иное считают красивым, чем у нас, в Ишмирате. Интересно, а я для них тоже дурнушка, как дома была? Мать у меня ведь северянка...»

Рубаху и расшитый жилет лорга то ли подобрал не по размеру, то ли нарочно застёгивать не стал, открывая взглядам тяжёлую золотистую цепь, украшенную красными камнями, которая спускалась почти до живота – подтянутого, с выпуклыми мышцами, словно у древних статуй. На каждом пальце у лорги было по перстню, на поясе – кинжал, на запястьях – наручи, на ногах – поножи, и от всего этого так несло морт, что её хватило бы на целую армию, хоть и небольшую.

Хоть кимортов лорга и не любил, но плодами их трудов, похоже, охотно пользовался.

Пока Фог разглядывала его, через ту же боковую дверь в зал вошёл ещё отряд дружинников – дюжина немолодых суровых мечников в чёрных плащах, а также писцы, советники, шуты и почётные гости, и каждый занял своё место: кто за спиной у лорги, кто у его ног, на подушках из шкур, а кто – на краю помоста. Все они вместе смотрелись живописно, но как-то слишком уж нарочито, словно кокетничали – только по-своему, по-воински сурово.

Когда передвижения прекратились, поднялся один из писцов, круглолицый и кудрявый, чем-то похожий на саму Фогарту, кашлянул, прочищая горло, и громко возвестил:

– В этот благословенный день лорга Захаир, Великий и Справедливый, Погибель для Врагов и Защитник Лоргинариума, явит свою мудрость и рассудит непростое дело. Ибо Дурген Щедрый, сын Иргена, обратился к нему за милостью и возмездием против киморта с востока. Ибо есть оскорбления, что смываются лишь кровью, и есть угрозы, которые нельзя оставлять за спиной, ибо они несут зло для всего государства...

Он говорил бы, верно, ещё, но тут лорга махнул рукой и сказал:

– Начинайте.

После этого первый писец сел на место и прилежно открыл тетрадь, зато поднялся второй, более солидный, толстоватый, с окладистой бородой, и простёр руку, зычно провозглашая:

– Назовите себя!

Купец, который до того бросал на Фог злые взгляды, приосанился:

– Кхм-кхм... Бахвальство никого не красит, но если уж есть вопрос, должен быть и ответ. Имя мне Дурген, Иргена сын, скромный купец. Знают меня также в Ульменгарме как Дургена Щедрого, ибо на западной и на восточной окраине открыл я лекарские дома, а у южных ворот каждый десятый день раздаю беднякам еду, но разве это достойно упоминания? Что же до моих заслуг, то я продолжил обустраивать Южный тракт, как начал мой дед и как делал отец, и договорился о торговле напрямую с конклавом. И теперь Город Ста Чудес, Ашраб, покупает зерно, так необходимое ему, а в ответ поставляет драгоценные камни из дальних рудников и мирцит для наших мастеров. Что же я имею с этого, кроме небольшой прибыли, позволяющей содержать семью и помогать добрым друзьям и соседям? А имею я счастье знать, что веду жизнь, полезную для моего государя и народа! Таков я, Дурген, сын Иргена.

Пока он говорил, лорга согласно кивал, довольно сощурившись; а когда умолк – в зале поднялся одобрительный ропот, и зрители застучали каблуками по полу, выражая поддержку.

Так в Шимре хлопали актёрам после удачного выступления, вот только даже во дворце у ишмы от спектакля ничья жизнь не зависела.

– А я – Фогарта Сой-рон, – сказала Фог негромко, когда подошёл её черёд. Подумала, что бы ещё добавить, но ничего не показалось достаточно важным и значимым – ни достижения её семьи, ни слава отца, известного мастера... а о своих приключениях в пустыне тем более говорить не хотелось. – Киморт из Ишмирата.

Получилось, вероятно, слишком коротко, потому что дородный писец, сделав пометку в тетради, засопел-зафырчал, словно большой гурн, и спросил:

– И что привело тебя на север, Фогарта, киморт из Ишмирата?

– Личные дела, – сдержанно ответила она.

Онор, которая до сих пор баюкала ребёнка, напряжённо взглянула из-под вдовьего платка, скрывающего лицо почти целиком. Но Фог не хотела без крайней на то необходимости упоминать о работоторговле кимортами, пока не станет ясно, что сам лорга к этому не причастен... или хотя бы намерен скрывать свою причастность и сбросить со счетов замаравшего себя в неприглядных делах союзника.

К примеру, Дургена, купца из Ульменгарма.

Писец поёрзал немного, но всё же решил больше дополнительных вопросов не задавать и повернулся к Сидше:

– А ты, добрый человек?

– Скромный торговец по фамилии Джай-рон, – ответил он, чуть наклонив голову в притворной покорности. – Сопровождаю ясноокою госпожу в счёт неоплатного долга перед ней и по зову сердца.

«И это ты-то не знаешь языка лорги?!» – хотелось воскликнуть Фог, но она только сдержалась и метнула яростный взгляд искоса.

Полностью, впрочем, проигнорированный.

Щёки у неё запылали.

По счастью, вряд ли кто-то в зале был знаком с особенностями иносказаний и образных выражений, которые бытовали в Шимре, а потому никто и не понял, что Сидше сказал буквально: «Я люблю эту женщину и обязан ей жизнью».

– Лжёшь! – неожиданно подскочил Дурген, вращая глазами; надо полагать, он наконец узнал человека, помешавшего ему схватить Фог ещё на рынке. – Какой из тебя торговец? Я уже видел тебя на юге, когда...

– Но такого не может быть, великочтимый господин, – перебил его Сидше мягко. И снова улыбнулся, показав чуть больше зубов, чем прежде. – Откуда такому честному человеку меня знать? Ведь я продаю яды.

Лорга, до того наблюдавший за ними со скукой, неожиданно заинтересовался.

– Это правда? – сказал он, немного подавшись вперёд. – У нас, на севере, продавать яды могут только лекари и аптекари – и лишь для исцеления болезней.

– Истинно так, – склонил голову Сидше ещё ниже, но продолжил смотреть на лоргу уже исподлобья. – Потому здесь я простой путешественник. А в Кашиме есть у меня по личному дозволению сына михрани, добрейшего Ачира, своя лавка. Там я держу яды, умерщвляющие быстро и медленно. Эликсир из плоти мёртвого тхарга, двадцать дней пролежавшего на солнце, и выдержку из бледно-розовых цветов илинки; жидкости, извлечённые из жала красного жука чи и из маленькой железы в голове пустынной змеи, я смешиваю в равных пропорциях и получаю яд, убивающий без спешки, но верно. Яд ящера, живущего в синих барханах на северной окраине Земли злых чудес, любят покупать жестокие люди: если смазать им плоть, а потом хлестнуть ею до крови, то рана так и не заживёт, если не приложить противоядие... Есть у меня и высушенные цветы, ароматом и цветом схожие с чийной, вот только если добавить их в чай немолодому человеку, то он тихо угаснет за дюжину дней, и никто не заподозрит, что его отравили. И помнится мне, что некто, похожий на уважаемого купца Дургена, приходил в мою лавку за этими цветами... Или то мне померещилось? – добавил он с сомнением.

Купец хрипло выдохнул и замахал перед собой руками:

– Показалось, показалось! Я тебя в первый раз сегодня вижу, клянусь памятью отца!

Он не хуже Сидше знал простую истину: если кинуть грязью в белое – останется след, если запустить слух – его уже не выкорчевать. А для торговых людей репутация значит если не всё, то многое. Кто захочет потом разделить трапезу с человеком, которого видели в лавке у продавца смерти?

– Ты, Джай-рон, потом расскажи мне больше об этих ядах, – приказал лорга вдруг, шепнув что-то седоусому дружиннику, что стоял справа от него. – Я ведь уже немолодой человек, и врагов у меня много... надо знать, чего опасаться.

– Счастлив буду оказать услугу доброму государю, – поклонился Сидше, прижав руку к груди, и на губах у него играла улыбка.

А Фог видела одобрителный интерес в глазах у лорги – и сама себе не верила:

«Что же это получается, пока перевес на нашей стороне?»

Писец, выдержав приличествующую случаю паузу, снова прочистил горло и громогласно объявил:

– Имена названы – согласно заведённому порядку, переходите к сути! Пусть один обвиняет, а другой оправдывается! От наветов воздержитесь, и лжи ваши уста пусть не изрекают, ибо за ложь и наветы закон сулит строгую кару. Государь наш лорга же в мудрости своей решит, кто прав!

Купец заговорил не сразу, хотя была его очередь – обвинять; видно, не сразу оправился от удара, нанесённого Сидше. Первые слова прозвучали неуверенно. Но затем голос окреп; появились в нём нотки праведной ярости, а в глазах – влажный блеск. Расписывая, как именно коварная дева-киморт уничтожила его повозки с товаром, купец даже пустил слезу и спрятал лицо в ладонях. Фог слушала – и просчитывала варианты, что сказать и о чём промолчать; и выходило по всему, что про Радхаба упомянуть всё-таки придётся.

«А если купец скажет, что это клевета? – думала она напряжённо. – А он ведь скажет, не признается же, что имел дело с работорговцем и, скорее всего, выкупал камни, обработанные Лиурой, причём зная об их происхождении... Вызову я Лиуру в свидетели, а купец скажет, что ничего не знал и пострадал безвинно. И что тогда?»

Ответа не было.

– ...и, разрушив до основания дом моего друга, у которого я гостил тогда, – продолжал гневно вещать купец, – эта бесстыжая женщина стала надо мной насмехаться! Я пытался усовестить её, а она поносила и мой род, и моё имя, и даже на имя государя моего возводила хулу! А затем и вовсе приказала своим прихвостням избить меня, да так, что я до сих пор не оправился! Горе мне, горе! Как пережить такое беззаконие, такое унижение? Как быть с моими товарами? Велики убытки, ох, велики... Эй, подайте список с убытками, – деловито обернулся он к своим сопровождающим.

Один из мужчин, стоявший позади него, которого Фог сначала приняла за охранника, достал из-за пазухи длинный свиток, перевязанный красной лентой. Купец встряхнул свиток, разворачивая, и в таком виде передал его писцу, а тот – лорге. Много времени чтение не заняло. Пробежав список глазами, лорга возвратил его писцу, а тот – передал младшим помощникам, которые убрали его в шкатулку и унесли прочь. Писец же обернулся к Фогарте, вопрошая:

– Сказанное здесь – правда?

Она уже начала понимать, как проходят суды на севере, и припомнила, что рассказывал учитель, а потому спокойно соврала:

– Нет. Ни единого слова правды. Во-первых, повозки с товаром и усадьбу Радхаба разрушила не я, а красный пустынный вихрь, садхам. Обидно? Соглашусь. Но бывает и так; а ещё бывает, что, скажем, в дом попадает молния, и случается пожар. Что же, обвинять в этом кимортов? Во-вторых, никаких приказов избить уважаемого Дургана я не отдавала и уж тем более не поносила его имя, хотя бы потому что услышала его впервые не более часа назад, в этом самом зале. Возможно, садхам обрушил часть потолка, и осколок попал уважаемому по голове... что ж, бесконечно сочувствую, но моей вины в том нет.

– Есть ли свидетели, которые... – начал было писец, но лорга раздражённо сделал ему знак замолчать и заговорил сам:

– Ты говоришь, что твоей вины в том нет, однако имя друга уважаемого Дургена, Радхаба, тебе знакомо, и в его поместье ты была. Объяснись.

Фог глубоко вдохнула, решаясь.

«Другого выхода нет».

– Всё очень просто, – произнесла она негромко. – Радхаб арх Ириль арх Ушар арх Талами, упомянутый почтенным Дургенем, не только надзирает за рудниками с мирцитом. Он ещё и рабовладелец. На юге это не запрещено, за одним исключением, и его-то Радхаб и нарушил... Он купил одурманенного киморта. Точнее, сразу двух.

– Ложь! – тут же вскинулся купец, и губы у него затряслись и побелели, а взгляд метнулся лорге, точно магнитом притянутый. – Радхаб – человек чести, он бы никогда... Это навет! Злостный навет!

«Началось».

– Отнюдь, – возразила Фог спокойно, хотя в душе у неё всё клокотало. Сейчас она не сомневалась уже, что купец прекрасно знал о тёмных деяниях Радхаба – и, скорее всего, сам помогал ему. – Мои слова может подтвердить Вещая Унна, жрица, одна из тех пятерых, что возглавляют конклав. Именно она раскрыла мне глаза на преступления Радхаба и направила меня, чтобы я спасла несчастных пленников. А вот что делал почтенный купец в поместье у работорговца, нарушившего запрет, подлого преступника – хороший вопрос. Уж поверьте, я никак не думала застать там, гм, приличного человека.

Шепотки, до сих пор тихие и робкие, с каждой фразой нарастали, как волна, пока не превратились в пересуды – почти во весь голос. Головы в полумраке склонялись одна к другой, снова и снова, длинные рукава у кафтанов, наброшенных на плечи, развевались – и издали казалось, что это волнуется разноцветное море... И только Лиура с Онор оставались неподвижными, как два изваяния, и Иаллам, спрятавшись за сундуком, качивал хныкающую Садхам.

«Я ведь всё правильно делаю?» – подумала Фог.

Сидше сжал её плечо и улыбнулся ободряюще – аккуратно в тот момент, когда купец завопил в очередной раз, стискивая кулаки:

– Ложь! Наглая, грязная ложь!

– Ты говоришь, что ложь, а я – что правда, – возразила она, чуть повысив голос. – И что теперь? Устроим суд чести, как у вас принято тут? Будем биться насмерть, кто выживет – тот и прав?

Купец побледнел:

– Так ты же киморт...

– Так и ты выбери киморта себе в защитники, уважаемый, – негромко посоветовал Сидше. – Если найдётся такой, разумеется.

– Ы-ы... А-а... – Шум нарастал, и купец вращал глазами, не в силах выдавить из себя ничего осмысленного. – Свидетель! Пусть придёт свидетель!

«Какой ещё свидетель? – промелькнуло в голове у Фог. – Какой-нибудь его помощник? Или человек Радхаба?»

Но тут боковые двери, из которых прежде вышел лорга, распахнулись, и на пороге появился высокий мужчина, крепко сбитый, с массивным квадратным подбородком, седовласый, но с лицом без признаков возраста. Облачён он был в тёмно-красную хисту почти до пят и чёрную рубаху, а из-под подола торчали загнутые мыски туфель. Черты его выглядели смутно знакомыми, а стоило ему ступить на свет – и всё прояснилось.

«Он из Шимры, – осознала Фогарта, холодея. – Я его в цехе видела иногда, издали... И не его ли Сидше упоминал, когда говорил про сообщников Дуэсы?»

– Я Ниаллан Хан-мар, – сказал он, подходя ближе. Имя его указывало на более высокое происхождение, чем у Фог – из семьи потомственного чиновника или воина, а лицо было добрым и немного усталым. – Я киморт. В цехе я занимаюсь заказами от иноземцев и потому часто

бываю и на севере, и на юге... И не знаю, честно признаться, в чём суть дела, но одно могу утверждать точно: Фогарта Сой-рон – никакой не киморт. Она лишь нахальная девчонка, сбежавшая, не закончив обучения. Гордыня – её второе имя, хитростью и подлостью она ускользнула из Шимры от опеки цеха. И, будь я на вашем месте, то не поверил бы ни единому её слову... И вот ещё. Если лорга Захаир в мудрости своей признает эту девчонку виновной в буйстве, причинении ущерба и оскорблениях, я бы попросил проявить милосердие и позволить мне забрать её обратно в Шимру.

Фог слушала его – и земля уходила у неё из-под ног, а мир дрожал, точно готовый рухнуть в любой момент.

«И что теперь?»

А лорга – его-то появление киморта ничуть не удивило – обернулся к ней и с тем же живым любопытством спросил:

– Это правда? Если так, то и впрямь я должен буду выслать тебя в Ишмират, Фогарта Сой-рон. А что до убытков уважаемого Дургена, то, думаю, цех Шимры их охотно возместит.

– Для цеха выделить сундук или два золота не составит никакого труда, – подтвердил Ниаллан, и его хрипловатый, точно надтреснутый голос звучал издевательски. – Или же, если почтенный Дурген, сын Иргена, будет настаивать, эта ученица сама исправит нанесённый ею ущерб. В конце концов, нет ничего дурного в том, чтобы отработать провинность, а юным девам подобает смирение.

Дышать резко стало труднее – совсем как тогда, в Кашиме, в лавке у работорговца. Морт сгустилась настолько, что фитили у свечей начали потрескивать, а пламя сделалось меньше и ярче. В глазах у Фог потемнело, и казалось, что ещё мгновение, и бурлящая сила вырвется наружу, сметая всё на своём пути, как поток в горах по весне – и вековые деревья, и древние города, и...

– Тише, – выдохнул Сидше еле слышно, склонившись к ней. Осторожно прикоснулся к виску, отвёл за ухо непослушный золотисто-рыжий локон – нежно, очень нежно. – Он же того и хочет, затем и злит тебя. В пустыне говорят: кто с ветром бранится, тот ответа не дожждётся... Но ветер всё-таки отвечает – как пожелает и когда пожелает.

Его дыхание ласкало мочку уха, как невесомые поцелуи, и оттого тело на мгновение охватила дрожь. Но – на удивление – в голове прояснилось, и гнев отступил.

«Нападать бездумно нельзя, – осознала она, мысленно повторив всё сказанное. – Только не сейчас, если только я хочу понять, как этот напыщенный тхарг в красном связан с Дуэсой и имеет ли он отношение к работорговле кимортами».

При мысли о том, что может быть замешан кто-то из цеха – и не один, не двое даже – стало не по себе.

– В Шимру я не вернусь, – громко и ясно произнесла Фогарта, повернувшись к Ниаллану. Сконцентрированную морт она держала наготове, но теперь не для атаки, а для защиты. – Алаойш Та-ци научил меня всему, что требовалось... Важное и неважное он научил отделять тоже. Не закрывать глаза, когда видишь зло; не отступаться от дела, которое необходимо завершить. У Радхаба не случайно оказалось сразу два раба-киморта, и я найду тех, кто за ним стоит.

У Ниаллана ни одна чёрточка не дрогнула, точно вести о кимортах в рабстве были ему не в новинку.

– Дети... – выдохнул он и посмотрел на неё из-под приопущенных век; широкое его лицо лоснилось и на фоне красных одежд казалось распаренным. – Дети склонны преувеличивать. Ну что же, не беда. Долг цеха – наставлять и направлять в обучении тех, кто сбился с пути.

Фог захотелось закричать – на весь зал, нет, на весь город... нет, ещё громче, чтоб даже небо услышало.

«Если это ваш долг, то где вы были, когда меня пленили в Дабуре? – думала она, стискивая кулаки так, что становилось больно. – Где вы были, когда меня одурманили, раздели,

обрядили в белую кисею, как рабыню? Где были ваши наставления и защита, когда я правда сбилась с пути?»

– Тебе нечему меня научить, – тихо ответила она, вкладывая в простые слова угрожающий смысл: *ну же, попробуй, оспорь, заставь меня склониться – если сможешь.*

– Цех решит – так или нет, – с усмешкой ответил Ниаллан, скрещивая руки на груди, и морт зазмеилась вокруг него, скручиваясь тугими жгутами. – Может, и найдётся киморт-наставник, который признает тебя готовой завершить обучение. Может, и сам Алаойш Та-ци вернётся по такому случаю, чтобы эти слова подтвердить... А пока прояви смирение.

Сказал – как пощёчину отвесил. А Фог медленно поднялась со стула, чувствуя дурноту. Все смотрели на неё сейчас, весь зал; десятки любопытных взглядов – и десятки злорадных, в которых читалось – поделом ей, дурной девке. И тоненько хныкала Садхам; и Омор с Лиурой сидели плечом к плечу, взявшись за руки, согбенные, перекошенные, точно разом рухнули на них всей тяжестью два страшных года в рабстве.

Лорга тоже смотрел – с прищуром, хищно, предвкушая потеху.

«Я должна бросить Ниаллану вызов, – пронеслось в голове, и стало одновременно страшно и легко. – Бросить вызов и победить. Другого выхода нет».

Такой способ был, и цех бы признал победительницу завершившей обучение. Вот только поединки не проводились уже лет двести... да и не сражались киморты друг с другом. Только не после пятидневной войны, навсегда изменившей облик мира.

«А Дуэса бы, наверное, не колебалась».

– Значит, нужен киморт-наставник? – раздался вдруг мужской голос, высокий и чистый, как звук туго натянутой струны. – Тогда, полагаю, и я подойду. Немного мне известно о деяниях этой женщины, но и того, что я знаю, хватит на дюжину взрослых жизней. Моё слово достаточно веское? Государь Захаир.

Лорга скривился так, словно откусил неспелую ригму – и нечищеную к тому же.

– Телор Кудесник.

Он ещё не договорил – а воздух в зале совершенно переменялся. Исчезла затхлая духота, запах прелой соломы и ношенных сапог, как в казарме, и свечной чад, и повеяло вдруг снегом – чистым снегом высоко в горах, и ломкими стеблями, и лесными цветами, блеклыми, но живучими. И тот, кто стоял на пороге зала, под высокой дверной аркой, тоже был увенчан цветами – мелкими лиловыми, и голубоватыми, и белыми. Его волосы, гладкие и светлые, спускались до талии, не сдерживаемые ничем, кроме цветочного ободка, словно бы сделанного детской рукой, и глаза были как весенняя листва на просвет, и вилась зелёная вышивка по рукавам белой рубахи и по высоким голенищам сапог для верховой езды, а на плечах лежал тёмно-зелёный плащ.

Омор вскочила, отбрасывая поддельный вдовий платок:

– Учитель! – и кинулась к нему со всех ног.

И Лиура тоже бросилась к учителю, задержавшись лишь на миг – прижал ладони к лицу, резко выдохнул и побежал, как в омут нырнул. А человек в зелёном плаще – Телор, как назвал его лорга – обнял их крепко и посмотрел на Фог.

– Ты завершила то, что я не сумел, и вернула тех, кого я не смог спасти, – произнёс он тихо, но его услышал каждый, кто находился в зале – ибо никто, кажется, и дышать сейчас не смел. – Здесь, при свете дня, при свидетелях, я говорю: ты, Фогарта Сой-рон, давно уже превзошла пределы, отмеренные простой ученице, а тот, кто это отрицает, или глуп, или завистлив. Равной я тебя признаю и как к равной обращаюсь; а если кто хочет оспорить это, то пусть шагнёт вперёд.

Телор умолк, но никто не двинулся с места, даже лорга, у которого лицо сделалось угрюмым и злым.

– А... как же убытки? – пробормотал купец, растерянно оглядываясь по сторонам, точно в поисках поддержки. – Убытки-то мне возместят?

Но Ниаллан Хан-мар, не слушая его, развернулся и вышел, ни проронив ни слова.

После этого даже присутствие лорги не могло удержать поднявшуюся волну. Зал охватило смятение. Точно буря налетела на зимний сад, и ветви, сбросив снежные шапки, затрепетали; точно пламя костра вдруг разгорелось на ветру, а тени пригнулись и заколебались. Шёпоты, поначалу деликатные и робкие, превратились в ропот; застучали по полу каблучки подкованных сапожек, зашелестела тяжёлая парча, и то и дело вспыхивал в полумраке самоцвет в драгоценном перстне на воздетой руке или вышивка серебром на воротнике при повороте головы.

«Как ночной шторм», – подумала Фог.

И ещё подумала, что она очень, очень устала и сил едва хватает на то, чтобы стоять, не горбясь, и позволять себе заплакать, и что если сейчас, сию же минуту её не отпустит, то суд она завершит сама.

Как сумеет.

– Потерпи немного, – тихо сказал Сидше и провёл костяшками пальцев ей по спине, сперва вниз, а затем вверх, так, что пульс участился, а тело сделалось лёгким. – Ты уже победила; вот только позволить тебе этого не могут, а значит, станут напирать. Если выдержишь натиск, то тебе предложат перемирие.

– Но не мир? – еле слышно спросила она.

Сидше ответил не сразу; потянул Фог за рукав, побуждая повернуться вправо, и шепнул:

– У людей с таким взглядом есть или слуги, или враги. А служить ты отказалась, Фогарта Сой-рон.

Ей не надо было пояснять, что он имеет в виду, потому что лорга сейчас отбросил лицемерие, не пытаясь уже сойти за благодушного и справедливого хозяина. Он сидел неподвижно, сгорбив плечи, словно от непосильной ноши, и смотрел исподлобья. Ноздри у него раздувались от тяжёлого дыхания, глаза пылали, точно уголья, а пальцы до того стискивали подлокотник кресла, что казалось, ещё немного – и древесина лопнет.

Потом он сказал:

– А ну молчать.

И ропот стих – так гаснет огонь, если накрыть его стеклянным колпаком. Только Оноп продолжала всхлипывать негромко, прижавшись к плечу учителя – или то был Лиура? А учитель то гладил их по волосам, то обнимал крепко-крепко, и серебристые облака морт ласково обнимали всех троих – нежная сила, мягкая... смертоносная.

«Интересно, – подумала Фог отстранённо. – А как я сейчас выгляжу со стороны?»

– Любопытное зрелище предстало нынче нашим глазам, – произнёс тем временем лорга, и в его низком голосе было куда больше угрозы, любопытства. – И всё же пора вернуться к делу. Тяжкие обвинения выдвинула киморт Фогарта. И, как и Дурген, сын Иргена, с трудом я могу поверить в то, что почтенный Радхаб – о котором слышал я, что он человек чести и великой доблести – нарушил бы древний закон и стал бы скрывать киморта-раба в своём доме. Да и как такое возможно? Киморт – что снежная буря, что селевой поток, что лесной пожар. И как его пленить? Нет, – качнул головой лорга, и свита его тут же принялась трясти бородами тоже. – Не могу поверить. Есть ли у ученицы... у киморта Фогарты Сой-рон объяснения?

Пауза была короткой, но многозначительной. Дурген-купец несколько приободрился, хотя взгляд у него оставался растерянным, а гонору поубавилось.

А Фог глубоко вздохнула, набираясь сил – и соображая, что можно рассказать, а о чём следует умолчать. Снадобье, одурманивающее кимортов, секретом не было, но использовали его чаще чтобы убить, а не чтоб пленить. Ведь дольше десяти дней подряд применять его нельзя... Да и не снадобьем удерживали Лиуру, а шантажом.

«...мне сказали, что если я буду строптивым, – прозвучал в голове надломленный, безжизненный голос, – то к сестре снова придёт мужчина. Новый мужчина всякий раз, как я не исполню приказа...»

Онор замерла, затихла – словно тоже вспомнила что-то, почувствовала. А учитель обнял её ещё крепче и произнёс, громко и ясно:

– Объяснения есть у меня. И свидетель. Алар, войди!

...и когда двери отворились снова, Фогарта почувствовала себя так, словно она вот-вот разлетится осколками, потому что человека, который ступил в зал, она узнала тотчас же.

И пусть волосы у него были иссиня-чёрными, как зимнее небо, а стали белыми как снег, как пепел; пусть глаза его сделались прозрачно-голубыми, как вешняя вода; пусть вместо ишмиратских шелков облачился он в обноски – чёрные штаны из грубого полотна, синюю рубаху и серый плащ... Всё это было неважно. Ведь он оставался прежним, близким-близким, нужным-нужным вплоть до родинки на щеке, до взгляда гордого и спокойного.

Прежним-то прежним, но чужим.

Едва скользнув взглядом по Фог, он прошёл мимо неё – с посохом эстры в руках, с незнакомым мечом, притороченным к поясу – и остановился прямо перед лоргой. Так же невозможно, как стоял он перед ишмой в своё время, точно помнил, что род его древнее и что не он должен кланяться, а ему.

– Я странник-эстра, а зовут меня Аларом, – сказал он, и каждое слово, произнесённое голосом таким знакомым, таким родным, было для Фог как надрез острым ножом; она смотрела – и наглядеться не могла, точно взглядом его пила, а чувствовала себя так, будто с неё кожу живьём снимают. – Путешествую от поселения к поселению по воле морт. Со мной ученица, девочка по имени Рейна, киморт. Иногда, отлучаясь по делам, я оставляю её на попечение женщины – травницы и проводницы в горах. И близ славного города Свенна, на ярмарке, при всём честном народе, Рейну похитили. Ударили дубинкой по затылку, а после оглушили дурманным зельем и сунули в клетку наподобие звериной; ни прятаться, ни скрываться не стали, словно по праву действовали, по закону... И немудрено: ведь были это славные воины из двенадцатой дружины Ульменгарма. Из твоей дружины, добрый государь.

И стало так тихо, что слышно было, как трещат фитили у свечей... а потом лорга захрипел, точно задышаться стал, или из груди у него начало прорываться звериное рычание. И сказал:

– Все вон.

Он ещё договорить не успел, но тут словно плотину прорвало. Люди ринулись к выходу, не заботясь уже о том, чтобы сохранить лицо – и зрители, и писцы, и даже Дурген-купец вместе со всей своей охраной, а стражники понукали отстающих. Только на Фогарту никто не смотрел, и Алара с Телором толпа также обтекала по сторонам, как прибывающая волна огибает прибрежный валун.

О суде и о приговоре никто и не вспомнил.

Когда Телор, по-прежнему не отпуская от себя близнецов, тоже двинулся к дверям и попросил следовать за ним, Фог послушно кивнула, ощущая себя куклой на шарнирах, которую стиснула и тащит куда-то безжалостная детская рука. Мир точно подёрнулся туманом. Что-то низко гудело – оборванная струна ли, ток крови в собственных венах, горны, призывающие к атаке? А затем оказалось как-то вдруг, что замок остался позади вместе с древними шпалерами, с духотой, с мрачной стражей и испуганными взглядами зевак. И что вокруг сад, и веет зеленью и печным дымом, и по правую руку – чёрная крепостная стена, а поодаль пасутся стреноженные гурны и расположился на постой отряд воинов в белых плащах, а по правую руку убегает вниз с холма, к трубам и черепичным крышам, растоптанная тропа. И Телор просит подождать немного, пока кто-то важный подъедет, чтоб можно было двигаться дальше, а

Онор с Лиурой жмутся к нему, как замёрзшие щенки, и Иаллам укачивает ребёнка, а рядом с ним – и откуда успел взяться? – стоит Сэрим, уперев руки в бока, и взгляд у него угрюмый.

Но Фог не смотрела и не слушала; для неё имело значение только одно, только одно было важно.

«Учитель».

На непослушных ногах она подошла к нему – о, какими длинными и тяжёлыми оказались эти несколько шагов! – и тихо спросила:

– Значит, Алар?

Тот обернулся; в глазах у него промелькнуло странное выражение, уголок рта дёрнулся, напряглась жилка на виске, точно от боли...

– Да. Так меня теперь зовут, – ответил он спокойно.

– Красивое имя. «Любимый»?

– «Желанный», – поправил он. И улыбнулся, не то неловко, не то смущённо: – Уж какое дали, бродяге-эстре привередничать ни к чему.

Под распушенным воротом рубахи виднелся шнурок. Уже зная, что придётся увидеть, Фог потянула за него – и достала амулет, камешек с выбитой на нём короткой надписью, не то отколовшейся наполовину, не то стёршейся.

В глазах у Алара промелькнул интерес:

– Знаешь, что это такое?

– Знаю, – кивнула Фогарта отстранённо. – Камень памяти, только незавершённый. Просто безделушка.

Брови у Алара выгнулись.

– Надо же, – откликнулся он с уважением. И взглянул в упор. – Может, и надпись прочитать сможешь?

Она провела подушечкой пальца по символам, еле заметным уже. В голове крутились разные мысли – о незнакомой девочке по имени Рейна, занявшей место, которое принадлежало прежде ей, Фог; о другой женщине, травнице и проводнице, увидеть которую пока ещё не довелось; о том, что яркие одежды кярчи, право, смотрятся на учителе ничуть не хуже, чем белая хиста из варёного шёлка, на ощупь схожего с тонкой-тонкой замшей...

– ... Там написано «Фогарта».

– И что это значит?

– Уже неважно. – Перед глазами плавали золотые пятна, и Фог отступила. В груди стоял ком. – Я... я отойду ненадолго.

И – кинулась прочь, уже не думая о том, кто и что подумает.

Бежала долго, пока не выбилась из сил, а ноги не подкосились, и очутилась у чёрной стены, у старых камней. Сад превратился в заросли; клоки бирюзовой хисты висели на колючках, а из разодранного предплечья сочилась кровь, но Фог почти не чувствовала, словно онемела.

Она почти не удивилась, когда обернулась – и едва не уткнулась Сидше в грудь. Признаться, он тоже выглядел неважно. Одежда у него была в беспорядке; в волосах запутались веточки и сухая листва.

Фог выдохнула, обняла его – и разрыдалась горько-горько. Грудь точно сжало раскалённым обручем; горло сводило спазмом.

– Он меня не узнал, – всхлипывала она. – Не узнал, не узнал... Я думала, что готова буду, но... Отчего это так больно?

– Тише, – ответил Сидше, поглаживая её то по спине, то по голове. – Тише, ясноокая госпожа. Когда сердце разбивается, оно всегда сильно болит.

Сказал – а потом склонился ниже и поцеловал. Так, словно хотел все слёзы забрать себе; так, словно сам мучился от жажды, которую ничто не способно было утолить. Губы его были

настойчивыми; язык то проникал глубоко, лаская, то дразняще плясал на кромке зубов... Нежные ладони оглаживали спину, шею, затылок; ногти покалывали чувствительную кожу на макушке, почти царапали. От него словно исходил жар, и в этом жаре плавилось то, что мешало Фог дышать и ложилось невыносимым грузом на плечи.

Сидше отстранился лишь тогда, когда слёзы у неё иссякли, а губы онемели от ласк.

– А с тобой такое бывало? – хрипло спросила она, комкая бессильно его хисту на груди.

– Да, – ответил Сидше странным голосом, точно бы виноватым. И снова поцеловал её, в висок, легко-легко. – Вот только что.

...Возвращаться не хотелось, но всё же пришлось. Тот, кого Телор ждал, так и не явился, зато послал весточку, что задерживается; после недолгих обсуждений из Ульменгарма решено было уйти и ждать уже за пределами городских стен. Фог почти не участвовала в разговорах; к ней, впрочем, никто и не лез ни по пути, ни позже, во временном лагере, позволяя сидеть поодаль, привалившись спиной к сундуку, и смотреть, как сгущаются сумерки. Не ощущая вкуса пищи, она поела; затем полезла зачем-то в сундук – и обнаружила, что там всё перевёрнуто вверх дном, а сверху лежит книжица в кожаной обложке, дневники Миштар.

Кто-то достал их – и вписал на последней странице торопливым, неряшливым почерком:

«...а днём позже мы узнаём, что на юге разразилась война – страшная, небывалая. Ночью Миштар уходит – и не возвращается больше никогда. Она, как и многие, многие, остаётся там – под песками, которые теперь расстилаются до горизонта, сколько может охватить взгляд. Я отговариваю Д., но он всё равно спешит туда, пусть уже слишком поздно. Пустыня поглотила всё: и плодородные прежде земли, и государства, что веками стояли там, и их правителей... и тех, кто начинал войну, и тех, кто пришёл остановить.

А сейчас пески пожирают даже крик – и не возвращают в ответ даже эха.

Миштар больше нет».

Когда Фог дочитала, то ощутила странную пустоту – и ещё лёгкость, точно сердце выболело совсем, насквозь, и оставило дыру.

– И что это значит? – прошептала она, закрывая дневник. Теперь он жёг руки – не вправду, но держать всё равно было невозможно. – Я не понимаю...

Рядом кашлянули.

– Может, не стоит за эхом-то гоняться? – произнёс Сэрим, глядя в сторону и ни к кому вроде бы не обращаясь. Он стоял чуть поодаль, заложив руки за спину, и флейта торчала у него под мышкой, нелепо и смешно, вот только смеяться не хотелось. – Пока не стало слишком поздно.

Фогарта прикрыла глаза, вспоминая дневники. Вот Миштар узнаёт о сбросе; ищет пути вернуть память и чувства, перебирает один способ за другим, пока не устаёт – и не отчаивается; вот начинается война, и Миштар спешит туда, чтобы остановить её...

«Потому что если сделать ничего нельзя, то хочется сделать хоть что-то», – подумала Фог.

А вслух сказала:

– Да. Ещё не слишком поздно.

Закат полыхал, как пожар; в груди было холодно.

Если что-то и болело, то искусанные губы.

Она глубоко вздохнула, собираясь с силами; подумала о делах на юге, ещё не завершённых; о кимортах, проданных в рабство, и о том, что их было, может, гораздо больше; о том, что лорга определённо знает что-то – и ещё что он не простит, не забудет того, что сегодня было сказано и сделано...

– Я почему-то не боюсь, – с лёгким удивлением сказала Фогарта. Поднялась, сунула бесполезную книжицу обратно в сундук, отряхнула хисту. – А ещё... а ещё я, кажется, проголодалась опять.

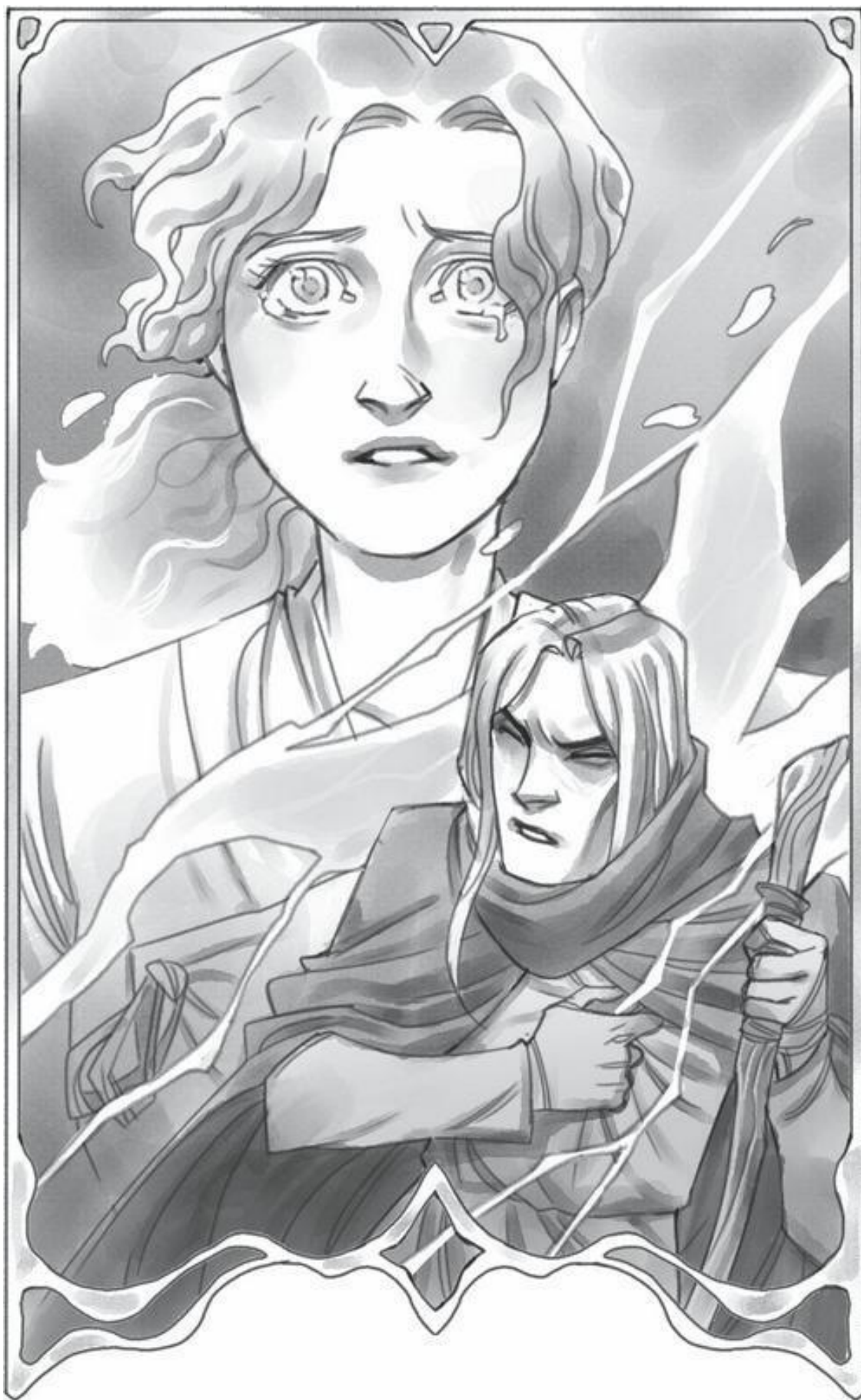
Сэрим посмотрел на неё долгим взглядом – и просиял.

– Это потому что ты умница, каких поискать, – потрепал он её по голове и, сунув флейту за пояс, торопливо потянул к кострам, откуда слышался смех и веяло запечённым на огне мясом. – Пойдём-ка, поешь нормально, а заодно и познакомишься со всеми... Ух, и дел у нас впереди!

Фог чуть склонила голову, признавая, что он прав.

И впрямь, ничего ещё не кончилось – по счастью.

Всё только начиналось.

2. Союзники и враги

Алаойш Та-ци, Ульменгарм и окрестности

То, что пребывание в Ульменгарме сулит неприятности, Алар понял в первый же день, когда к Тайре подскочил какой-то проходимец и крикнул:

– А продай-ка платок, добрая госпожа! За дюжину... нет, за полторы дюжины медяков!

Продимец был хорош – кожа как снег, глаза как зимняя ночь; гибкий, но по-мужски статный, с блестящими чёрными волосами, гладкими, как зеркало, и обрезанными на уровне плеч. Улыбался лукаво, двигался легко – как ветер. Разумеется, красотой и улыбками Тайру было не пронять... Однако она и мгновения не колебалась – стянула с плеч расшитый кусок ткани, скомкала и кинула:

– Ну-ка, лови!

А в ответ получила не россыпь медных монеток, а одну серебряную.

– Эй! – крикнула вслед. – А сдача?

– Это за срочность! – махнул рукой проходимец и затесался в толпе у рынка, точно растворился.

Алар наблюдал за ним, привалившись плечом к борту телеги, а затем обернулся к Тайре с любопытством:

– Почему продала? У тебя ж это любимый платок.

– Честную цену назвал, а потом сверху накинул не много и не мало, а сколько надо, – невозмутимо ответила она, перекладывая что-то из одного сундука в другой. – Сразу видно, что взгляд у него намётанный, язык хорошо подвешен – такому и помочь приятно... Хотя платка жаль, – вздохнула она. – Да и чую я, что его потом искать будут, а значит, к нам точно подойдут, цвета-то приметные. Впрочем, пустое это, отбрешусь. Как твоя голова, эстра?

Голову у него повело на рыночной площади, и поди пойми отчего – то ли солнцем напекло, то ли вчерашняя попойка с Тарри аукнулась, то ли морт взбрыкнула... Алар прислушался к ощущениям и вздохнул:

– Болит. Постоим тут ещё немного?

– Отчего не постоять, – ответила Тайра, пожав плечами. – Я-то никуда не спешу, наши вон, только прилавки раскладывают. Это ты хотел бежать куда-то и кимортов искать... Кстати, о кимортах. Где Рейна-то?

Рейна нашлась тут же, поблизости – сидела рядом с вайной и с интересом разглядывала мешочки с ароматными травами, которые та приготовила на продажу. Алар тоже подошёл глянуть, не найдётся ли среди них чего-то от головной боли, когда за рыночной площадью, близ рядов, где вели торговлю мастера, послышался шум, гам, брань. Что-то грохнуло, взметнулся полог над чьим-то прилавком – небелёное полотно... Потом забегала туда-сюда стража, приставая ко всем, у кого было хоть что-то синее в одежде.

Разумеется, подошли они и к Тайре – она как в воду глядела.

– Видела ли я такого человека? – переспросила она, с прищуром посматривая на стражника. – А как же! Он у меня ведь тот платок и купил.

– А как он без платка выглядел? Э? – насел усач тут же, потрясая мечом, благо что хоть из ножен его не вынул. – Живо отвечай, окаянная!

– Ну, ну, не грози мне тут, – шлёпнула Тайра ладонью по ножнам и подбоченилась. – Отчего ж не сказать, разве ж это секрет? Рыжий мужчина в преклонных годах, глаза голубые, на

щеке шрам приметный. Потому, видать, платок и купил – приметку закрыть... Добрый человек, а как же монетку мне за усердие?

Стражник брезгливо плюнул себе под ноги, однако же монетку дал – самую мелкую, ещё и гнутую в придачу. Тайра отказываться не стала и невозмутимо сунула её в поясной кошель. Когда стражник ушёл, Алар тихо спросил:

– А почему соврала?

– Потому что у того красавчика на роду написано Аю-Насмешника веселить, – усмехнулась она, запрокидывая голову к небу, где солнце плавало в дымке, как золотая монета в молоке. – Уж кому, как не мне, ученице вайны, знать такие вещи... А тем, кому Аю-Насмешник благоволит, любой кьярчи рад помочь – авось тогда тоже немного удачи перепадёт. Ну, как твоя голова?

– Положим, получше...

Но никаких кимортов в тот день искать они, конечно, не пошли. Рынок беспокойно бурлил до вечера: некий важный человек искал негодяев, посмевших его оскорбить, но тщетно – те как в воду канули. Торговля у табора шла бойко, даже слишком, так что Алара тоже пристроили стоять у жаровни с лепёшками, пока Рейна помогала вайне продавать травы. Вечер наступил незаметно, слишком быстро, словно набросил кто-то на город тёмно-синий платок, расшитый звёздным серебром. Бродить по улицам в темноте Алар благоразумно не стал и отложил поиски на завтра.

И тогда-то, почти сразу после рассвета, случилось то, чего он боялся после достопамятного случая в Свенне.

Рейну снова попытались похитить.

Переночевал табор спокойно, пусть и на отшибе, далеко за рынком, среди лачуг, жмущихся к узкой, грязной речушке. А поутру, после плотного завтрака, Алар взял ученицу за руку и снова повёл на рынок – где, если не там, можно было узнать свежие новости? По пути, чтоб не заскучать, показывал несложные фокусы с морт. Рейна охотно подхватывала любые забавы; особенно ей понравилось перекрашивать деревянные бусы, подаренные накануне вайной, в разные цвета.

– А саму себя так поменять можно? – спрашивала она на ходу, дёргая его за рукав. – У Тайры волосы тёмные, а на солнце красным блестят – красота...

– Не выйдет, – развеял её мечты Алар. – Морт киморту навредить не может – это ты знаешь. Однако же есть и обратная сторона: ни вылечить себя, ни изменить также не получится. Но если тебе захочется подкрасить именно волосы, то тут ничего сложного нет, купим немного листьев клиппы и сделаем краску. Красного оттенка не выйдет, правда, скорее, рыжеватый, – добавил он задумчиво, проводя ей рукой по макушке.

Рейна засмеялась:

– Рыжий ещё лучше! Рыжие люди – самые красивые!

А Алар с трудом удержался оттого, чтоб не поморщиться: отчего-то при попытке вспомнить, как из листьев клиппы делается краска, звезда спутника начала зло вибрировать.

«И это запретное знание, выходит? – думал он, потирая висок. – Наверное, кто-то из моей прошлой жизни так же подкрашивал волосы... Тоже киморт? Женщина... ученица?»

Сердитое гудение над плечом стало таким настырным, что Алар, недолго думая, сунул спутника в меч.

Солнце к тому времени поднялось высоко, а небо расчистилось. Торговля шла бойко; хозяева в лавках частенько скидывали цену – не иначе пребывали в добром расположении духа по случаю хорошей погоды. С самого утра в город вошёл ещё один табор кьярчи, в коричневых и охряных цветах, и сейчас с двух телег чернобровые красавицы в звенящих браслетах продавали вышитые платки, маленькие аккуратные кульки калёных орехов и раскрашенные фигурки гурнов из соломы. Было шумно и весело; носились вокруг дети, темноглазые и юркие,

и клянчили у прохожих монетки, а мужчины, серьёзные и степенные, раскуривали трубки, стоя у жаровни поодаль.

А вот стражников было не видеть.

Прогулка по рынку затянулась, но результатов не принесла. Мастера в Ульменгарме охотно беседовали с эстрой, но вот подсказать, где стоит искать кимортов, увы, не могли. Кто-то советовал идти на север; кто-то советовал обратиться в крепость на холме – в замок лорги... Но большинство только руками разводили.

Промаявшись так несколько часов, Алар махнул рукой на поиски и обернулся к притихшей Рейне:

– Ты проголодалась? Если да, то давай зайдём куда-нибудь пообедать, а потом спустимся к реке. Я тебе покажу, как грязную воду делать питьевой.

– Очень хочу! – оживилась девочка тут же, бросив терзать верёвку, прикрученную к поясу – ту самую, которой она сумела из расщелины достать пострадавших людей, не прибегая к помощи учителя. – И поесть, и научиться воду очищать. А можно мне леденец в виде птицы ачир? Вон дяденька ходит, вразнос торгует, можно?

– Ну отчего нельзя, – засмеялся Алар. – А как вернёмся в табор, я тебе покажу ещё, как самой такие леденцы делать.

– Чтоб золотой был на просвет?

– Можно и золотой...

Он и сам не понял, в какой момент неопрятная старуха, причитая, потянула его в сторону за рукав, заклиная «пойти и пособить». Только успел ответить: «Сейчас, сейчас», – и обернулся, пытаясь отыскать глазами Рейну.

А её не было.

Сердце ухнуло в пятки.

Но прежде чем вздыбилась морт, подобно капюшону у пустынной змеи, и разметала прилавки и людей, как невесомый сор, раздался вопль – а затем ругань. Бранился мужчина, барахтаясь в пыли, и ноги у него стягивала верёвка, извивающаяся, как живая, а на щеке алел след, как от удара кнутом.

Другой конец верёвки был в руках у Рейны – бледной, хмурой, напряжённой, непохожей на саму себя; даже веснушки, кажется, поблекли на носу.

А на земле валялась тряпица, пропитанная чем-то и неприметная с виду – ну, мусор и мусор.

«Это дурман, – осознал Алар, потянувшись к ней морт, благо спутник до сих пор находился внутри меча и не требовал ни жертв, ни поклонения за свою помощь. – Дурман вроде того, который был в курильнице... Снова похитители?»

Старуха, отвлекавшая его, попятилась – и ловко затерялась в толпе.

За считанные мгновения он преодолел расстояние до Рейны, перескакивая через прилавки и ничуть не беспокоясь об испорченном и разбросанном товаре. Очутившись рядом, в первую очередь похвалил девочку мягким голосом:

– Молодец. Хороший контроль и реакция тоже похвальная. Горжусь тобой, – а затем обернулся к притихшему разом мужчине, вытягивая меч из ножен, спрятанных на спине под плащом. – А теперь отвечай, кто тебя послал и чего тебе нужно. Солжёшь – отрублю ногу, солжёшь второй раз – руку. И поверь, ложь я почувствую.

Мужчина, крепкий, средних лет, с густыми бакенбардами и квадратной челюстью, сначала побледнел – а затем приподнялся на локтях и сплюнул в пыль:

– А ты кто такой, чтобы спрашивать? Стража! Эй, стража, тут смутьян!

Дружинники показались так быстро, словно поджидали поблизости, да ещё целым отрядом в дюжину человек. Среди них были две женщины, тоже, впрочем, рослые и грубоватые. Плащи и фибулы незначительно отличались от тех, что носили похитители в Свенне, но нечто

общее угадывалось – количество узелков, узор вышивки... Командир, круглолицый и совершенно лысый, зато с бородой, торчащей, как лопата, с ходу пошёл на Алара, грозя мечом:

– Ты откуда здесь взялся и по какому праву клинок обнажаешь, чинишь разбой? А ну-ка, бросай оружие!

– И не подумаю, – ответил Алар спокойно и сделал знак Рейне отступить к нему за спину. – Этот человек пытался похитить мою ученицу. И я с места не двинусь, пока не узнаю, кто он и кем послан.

Бородатый побагровел:

– Да ты, никак, споришь? Не больно ли высоко нос задрал, а, бродяга?

Алар успел уже собрать вокруг себя морт – и продолжал нагнетать, а потому произнёс ровным голосом:

– Если кто нос и задрал, так это ты; а борода тебе, верно, всю округу заслоняет – ты и не видишь, кто перед тобой. Говорю и советую услышать с первого раза: кто сейчас мне под руку полезет, станет моим врагом.

...страшал так – и посмотрел по сторонам, оценивая.

«Рядом люди, прилавки, товар; заведения важных людей, может. Здесь морт-мечом просто так не помашешь, значит, они будут осторожничать... Шанс у меня есть. Даже против... сколько их там?»

Выходило, что девять – если не считать тех троих, которые стояли поодаль и пока не вмешивались.

– Никак, грозишь нам? – рявкнул бородач. Но пальцы у него сами по себе сжались на скользкой рукояти, пытаясь удержать меч – ладони от беспокойства явно вспотели. – Долго ли ты выдюжишь, один-то против десятка?

«Первые удары так точно выдержу, а дальше уже вам о себе надо волноваться», – подумал Алар, но сказать не успел, потому что высокий незнакомец в тёмно-зелёном плаще вдруг шагнул из толпы, откидывая капюшон:

– А если он будет не один?

Незванный союзник оказался, пожалуй, смазливей, чем давешний проходимец: с кожей белой, как молоко, и нежной, как у ребёнка, с длинными светлыми волосами, убранными в косу, и с венцом из трав и цветов. Глаза у него были зелёные, большие, чуть вытянутые к вискам, но наивным или чересчур нежным его не позволяло назвать холодное выражение лица и уголки губ, чуть опущенные, словно бы за мгновение до презрительной гримасы.

А ещё незнакомец был весьма высок и очень силен – морт клубилась вокруг него, как туман, и благоухала весенним лугом.

Знали его в столице хорошо, по крайней мере, дружинники.

– Откуда?.. – прохрипел бородатый, вращая глазами... и согнулся пополам, кланяясь, так торопливо, точно от этого его жизнь зависела. – Прощу прощения, не признал.

– Приехал чуть пораньше, чем обещал, – ответил незнакомец певучим голосом. И махнул рукой. – Ступай отсюда. А этого, – он указал небрежно на распростёртого в пыли мужчину, всё ещё связанного верёвкой Рейны, – я забираю с собой. Ты здесь ещё?

...бегущего вприпрыжку дружинника Алар видел впервые. А ещё – совершенно точно впервые в жизни видел киморта, который, сохраняя благородное выражение лица и достойную позу, тихонько подставил бы подножку из морт бегущему человеку.

Бородач упал и врезался лбом в прилавок; поднялся тут же, конечно, что б ему сделалось, медноголовому, но шёл после этого уже медленней, изрядно пошатываясь. А светловолосый незнакомец понаблюдал за ним ещё немного, а затем обернулся к Алару с дружелюбной улыбкой и кивнул:

– Не откажешься разделить со мной трапезу, эстра? Это пока полежит под лавкой, никуда не денется. Да и девочка за свою храбрость заслужила вознаграждение. Что ты там хотела, милая? Леденец в виде рыбки?

– Птички, – робко поправила Рейна и спряталась обратно за Алара.

Первый настоящий киморт, которого она встретила, явно ей не так уж понравился.

Да чего уж там говорить – напугал.

Вёл он себя, впрочем, дружелюбно. Толпу досужих зевак аккуратно разогнал, наполнив окружающую его морт особым стремлением, внушающим скуку, смутную тревогу и желание заняться своими делами. С Рейной говорил ласково, но ни дотронуться, ни приблизиться не спешил... А когда спутник вырвался из меча, и отдача заставила Алара пошатнуться – подхватил его осторожно под локоть и не позволил упасть.

– Ты хорошо держался, эстра, – заметил на ходу, свободной рукой накидывая глубокий капюшон и скрывая приметные белые волосы, а заодно и венки. – Но, прямо скажу, в прямом столкновении с дружинниками победителем тебе не выйти. Они, видишь ли, редко ходят по одному, а ещё реже – без оружия. Сколько атак морт-мечом сможешь отразить?

Неудачливый похититель, надёжно усыпленный морт, летел за ними по воздуху; судя по тому, что прохожие на него не оборачивались, видели они нечто совсем иное.

Незнакомец оказался мастером наводить мороки и дурить людям головы.

– Наверняка – полдюжины, – ответил Алар, против воли тяжело опираясь на подставленную руку: спутник вернулся на положенное место так резко, что накатила дурнота. – Если больше их больше будет, то как повезёт.

Ещё месяц назад он бы не отважился выступить и против троих вооружённых дружинников, но теперь, когда научился обходить некоторые ограничения спутника, то сил у него прибавилось.

«Если б я за одного себя отвечал...» – пронеслось в голове.

– Немало, – с уважением кивнул незнакомец. – Особенно для эстры, а не для киморта. Я, пожалуй, с дюжиной справлюсь, если лоб в лоб... Беда в том, что охотиться на кимортов они научились хорошо, и, пока трое-четверо буянов будут тебя заирать и отвлекать, остальные нападут из засады. Встречал ли ты морт-стреломёты?

От рыночной площади, от шумных рядов они свернули незаметно на боковую улицу. Здесь в подворотнях стоял стойкий неприятный запах, а окна домов были наглухо закрыты ставнями – без росписи и резьбы, самыми простыми. Зато и люди, попадавшие навстречу, не пялились с любопытством, а равнодушно отводили глаза в сторону – и сами стремились поскорее убраться с дороги... Рейна цеплялась за рукав Алара и смотрела только себе под ноги, сосредоточенная лишь на том, чтобы шустро передвигать ногами и не поскользнуться на гнилой шкурке от ригмы.

– Ещё не приходилось.

– И я раньше нечасто видел. А в прошлом году мне из такого стреломёта прострелили плечо, – произнёс незнакомец, и в его красивых глазах промелькнуло что-то ожесточённое, злое. Промелькнуло – и тут же пропало, а сам он улыбнулся дружелюбно. – Кстати, моё имя Телор.

Самое сложное было в тот момент не споткнуться.

«Видно, судьба».

– Тебя-то мы и искали! – вырвалось у Алара само. – Я Алар, а это моя ученица, Рейна.

Телор окинул их внимательным взглядом, особенно задержавшись на верёвке, свёрнутой в кольца и притороченной к поясу у девочки, словно кнут.

– Что ж, догадываюсь почему... Этот ведь, – киморт кивнул на похитителя, который послушно летел за ними, как привязанный, – не первый?

– Нет.

– А первый куда делся?

Алар только усмехнулся; уточнять Телор не стал.

Они свернули несколько раз, всё глубже забираясь в трущобы, пока не оказались у порога не то питейного дома, не то заведения ещё более сомнительного. На вывеске красовалась кривоватая голова гурна; из распахнутых окон густо пахло дымом, копчёным мясом... и свежим хлебом, из тонко-тонко смолотой муки, нежным внутри и с хрустящей золотисто-коричневой коркой снаружи.

– Как мама пекла, – пробормотала Рейна и шмыгнула носом, чуть горбясь.

О родном доме она вспомнила впервые с тех пор, как покинула деревню; Алар помедлил мгновение – и погладил девочку по голове широкой ладонью:

– Значит, точно стоит зайти.

– Несомненно, – кивнул Телор и улыбнулся вдруг озорно. – Тем более что кормят здесь даже лучше, чем во дворце у лорги, уж поверьте мне! Идём, идём, эстра, я угощаю.

Внутри оказалось на удивление чисто. Столы отнюдь не пустовали, но найти свободное место оказалось несложно. Неблагополучными или грязными здешние завсегдатаи не выглядели, скорее уж диковатыми для большого города. Куртки из прочной, грубовато выделанной кожи; меховая оторочка на плащах и на голенищах сапог; ножи и походные фляги на поясах, украшения из зубов и когтей... А ещё у них было слишком много оружия для столичных обитателей, причём не благородных мечей, а луков, стреломётов и тяжёлых, грубых топоров из тех, какими можно перерубить не только молодое деревце с одного удара, но и шею лесного хищника.

За прилавком, у бочек с хмельным, стояла хозяйка, высокая, мощная женщина с широкими плечами, квадратным лицом, кустистыми бровями – и такими ясными, яркими голубыми глазами, что называть бы её некрасивой язык не повернулся. Две косы в руку толщиной лежали у неё на плечах, а плотно зашнурованный кожаный жилет поверх белой рубахи подчёркивал стройный стан и внушительную грудь. Две подавальщицы, бойко сновавшие по залу с подносами, полными кружек и тарелок, выглядели точь-в-точь как хозяйка – голубоглазые, с густыми волосами цвета дикого мёда, только носили не мужскую одежду, а платья – и были помоложе.

Телор, судя по всему, знал их хорошо.

– Мне того же, чего и всегда, милая, – сказал он, отловив одну из подавальщиц за юбку и коротко поздоровавшись. – Другу моему того же, но вдвое больше. А девочке принеси... Твоя младшенькая-то чего любит?

– Чаво подам, таво и любит, – ответила голубоглазая красавица грудным голосом, но, глянув, на Рейну, смягчилась. – Экая пигалица... Пирог с рыжей ягодой ишшь?

Девочка сперва сжалась, а затем, видно, вспомнила, что она киморт, и гордо распрямила плечи:

– У нас только красная ягода растёт!

– Вот и поишшь тада, – удовлетворённо кивнула подавальщица и двинулась куда-то в сторону кухни.

А Телор уже отыскал свободный стол у стены, на которой натянута была звериная шкура с пятнами и полосами, и махал рукой, подзывая остальных.

– Садитесь, садитесь, – указал он на лавку напротив, а сам устроился у стены, чтобы видеть входы и выходы из зала. – Я на свой вкус заказал, тем более что с местной кухней вы вряд ли знакомы... В Ульменгарм только сегодня вошли?

– Вчера, – ответил Алар коротко, умолчав пока о том, что путешествуют они вместе с табором; Рейна тоже благоразумно притихла.

– Оно и видно, – кивнул Телор больше сам себе. Взялся за капюшон – сползший рукав открыл изящное запястье с браслетом из зелёных бусин – и тут же отпустил, то ли передумал, то ли побоялся открывать лицо даже здесь. – Тогда вам тем более повезло меня встретить,

ибо кормят тут хорошо. Хозяйку я знаю лет двадцать, – продолжил он, чуть опустив веки, так, что взгляд стал отстранённо-мечтательным. – В ту пору она осталась с тремя дочками, мал мала меньше: мужа-купца зарубили хадары, а с ним его братьев, отца и охрану. И две подводы с товарами, понятное дело, прибрали к рукам... Другая бы утопилась с горя, а эта прошла по окрестным деревням, нашла таких же, как она, пострадавших, сколотила бабий отряд и отправилась мстить хадарам. Три года потратила, но всех отыскала, с каждого спросила за своё горе, – улыбнулся он, и в выражении его лица снова появилось что-то холодное и жестокое. – Я её встретил, когда она одной рукой придерживала у себя кишки, чтоб наружу через рану не вывалились, а другой – замахивалась на хадарского атамана топором. И ведь попала же! Не знаю, как у тебя, а у меня к таким женщинам слабость, эстра. Так что я её тогда вылечил и с тех пор старался понемногу помогать, да и она в долгу не оставалась. Так и дружим... А что до бабьего отряда, то те из них, кому возвращаться было некуда, пошли в дружину к Эсхейд – я замолвил за них слово.

– Повезло им, – заметил Алар.

– Это как посмотреть. Скорее уж, повезло нам с Эсхейд – на самом севере людей всегда не хватает, – качнул головой Телор. – Всяких. И земледельцев, и охотников, и мастеровых, и воинов... И тем более кимортов, – и он обернулся к девочке. – Как тебя зовут, дитя?

– Рейна, – тихо отозвалась она, глядя в сторону. На висящие под потолком вязанки с пахучими травами, на закопчённые от времени балки, на грубоватых, молчаливых по большей части завсегдатаев, интересующихся больше едой, чем друг другом... Куда угодно, кроме Телора – первого настоящего киморта, которого довелось ей встретить.

Он выдержал небольшую паузу – и, кажется, смирился с тем, что его побаиваются:

– Хорошее имя. Ну, а теперь, когда мы все знакомы, расскажешь, какие ветра тебя сюда занесли, эстра?

Алар успел мимоходом удивиться, откуда северянину знать южное присловье, но всё же начал излагать историю своих приключений, с самого начала – с пробуждения в горах, без памяти и почти без сил. Тем временем вернулась подавальщица и принялась сноровисто расставлять по столу миски и тарелки – с густым гуляшом, с овощами, маринованными и свежими, с копчёной рыбой, переложенной пряными травами... Перед Рейной она поставила большой кусок запечённого мяса, нарезанного на аккуратные розоватые пласты, порцию лёгкого супа из каких-то местных корешков и клубеньков, здоровую чашку компота и горку пирогов, затем сказала строго:

– Ты – девка молодая. Хошь вырасти – ишь! – и, потрепав её по плечу, ушла.

Глядя на всё это, Алар понял вдруг, что и сам ужасно проголодался – спутник сил отнимал немало, хотя в последнее время частенько удавалось его обманывать и не расплачиваться кровью за всякую мелкую помощь.

Повествование изрядно затянулось. Телор, впрочем, не торопил его и слушал внимательно, отвлекаясь разве что на гуляш, на хмельной напиток с резким запахом дыма, горькой травы и смол, а ещё на то, чтобы проверить, как там полёживает под лавкой пленник, густо обёрнутый морт. Почти ничему не удивлялся, но изредка хмурился – или, наоборот, улыбался в неожиданных местах, к примеру, когда Алар перешёл к рассказу о том, как избавился от усача из дружины.

– Как, говоришь, его звали? – переспросил Телор, и черты его красивого лица хищно заострились.

«А то ты не помнишь, – подумал Алар. – Киморты ничего не забывают».

Но вслух ответил спокойно:

– Райдо. Из двенадцатой дружины Ульменгарма, если он не соврал.

– Не соврал. – Улыбка у Телора стала по-настоящему неприятной. – Я его знал. Гадкий был человек и пристрастия гадкие имел... Однако же лорга ему благоволил и доверял. И давно

бы поставил во главе дружины, если б этот Райдо не снасильничал внучку воеводы, человека важного и злопамятного. Другого бы давно за такое головы лишили, а этот легко отделался – впрочем, ему и с тобой повезло. Встреться он мне в подобных обстоятельствах, я бы с него заживо кожу снял и в лес выпустил.

– Не до того было, – пожал плечами Алар. – Вреда он больше никому не причинит – и хорошо. Но об одном я жалею: что не расспросил его получше.

– Этого расспросим, – коротко ответил Телор. – И жалеть его, поверь, не стоит. Я тоже кровь не люблю, а войну и распри так вовсе не выношу, эстра, – добавил он вдруг, и взгляд у него потускнел, потемнел. – Мне бы школу у нас, на севере, до конца обустроить, осесть там спокойно, набрать учеников... Чтоб как цех в Шимре, только лучше, только наш. Но пока это мечты. На таких, как ты, да я, да она, – он снова глянул на Рейну, явно стараясь не напугать её, – тут охотятся. Прямо нападать бояться, так что загоняют по одному. В самых слабых метят; будь ты эстра или ребёнок – чудо, если несколько лет протянуть сможешь, показываясь время от времени в крупных городах. Эстр-то сразу убивают хоть, а дети... Дети исчезают, – понизил он голос. – Дважды мне удавалось взять след – и дважды он обрывался. Раньше я думал, что похищенных убивают... А потом столкнулся с дурманом, лишающим сил, когда меня самого пытались то ли похитить, то ли убить. И оказалось, что одурманенного киморта отыскать привычными средствами нельзя, словно он становится на время кем-то другим. Я так собственных учеников потерял, – заключил он совсем тихо и замолчал, уткнувшись в кружку.

Алар не спешил с ответом. Отчего-то рассказ о дурмане показался ему знакомым, будто бы по прошлой жизни, хотя спутник молчал. Словно бы уже приходилось сталкиваться с чем-то подобным... знать человека, который... которая...

Перед глазами появился на мгновение образ – сладкий аромат, золотые и пурпурные шелка, жёлтые глаза с поволокой – и в висках заломило.

Спутник караулил запретные воспоминания, точно сторожевой пёс.

– Что станешь делать, когда найдёшь виновных?

Вопрос застал Телора врасплох.

– Тех, кто этому вот приказы отдаёт? – пнул он несильно дружинника, лежавшего под столом. – Загляну вечером и поговорю по-свойски.

– Нет, – покачал Алар головой. – Я о тех, кто стоит за всем – и о тех, с кем не получится по-свойски поговорить так, чтобы не погрузить страну в пучину кровавой междоусобицы. Сам понимаешь, наверно: если замешана дружина из Ульменгарма, да не одна, то искать виноватых придётся высоко.

Телор вздохнул еле слышно, опуская белёсые ресницы – глаза у него были как инеем подведённые.

– Да, как бы не на самом верху. А у нас и без того смута. Сыновья у лорги воюют друг с другом, наместник запада на этом наживается, а север... север не в чести.

– Не в чести, но только там, – кивнул понятиливо Алар, указывая пальцем куда-то в сторону замка, который отсюда, разумеется, видно не было. – А простой народ помнит легенды о Брайне и пересказывает их до сих пор, и не шёпотом у очага, а громко и ясно – в тавернах, на площадях, под носом у стражи... Да и сама стража такими историями не брезгует. Всем рты не заткнуть; и слишком многие помнят, от кого ведёт родословную Эсхейд Белая, наместница севера. Я, конечно, чужак здесь, и не мне судить о ваших делах, но смуты при таком раскладе не избежать. Не знаю, что удерживает лоргу сейчас от того, чтоб посадить в Хродде своего человека...

– Он боится, что Эсхейд бросит ему вызов, – ответил Телор, не позволив даже договорить. – Поединок ему не выиграть, а отказаться тоже нельзя, иначе отвернутся старики-воеводы, а за ними уйдёт половина войска. Это тебе не стража и не столичные дружины, которым

только плати – они всё стерпят и всё исполнят. К тому же киморты лишь на самом севере остались, а обычному человеку против морт не выстоять.

Рейна, которая поначалу без особого аппетита ковырялась в своей тарелке, настолько увлеклась разговором, пусть и не слишком понятным, что съела весь суп, умяла половину мяса и теперь по одному таскала сладкие пирожки вприкуску с компотом.

И – старательно делала вид, что не слушает, вот совсем-совсем.

«Умница девочка», – усмехнулся Алар, а вслух ответил:

– Вот на морт бы я не рассчитывал. Ты ведь меня сам пугал стреломётами, а теперь что? Ты справишься с дюжиной вооружённых дружинников, с двумя дюжинами, с полусотней – хорошо. Сколько таких, как ты, в Хродде? А сколько из них вообще готовы воевать? Север переполнен оружием. Если лорга до сих пор не повёл войско на север – поверь, это не потому, что он боится кимортов, а потому, что осторожничает и ищет достойный повод для нападения, чтобы не растерять союзников. Значит, и тебе надо не на дружинников по переулкам охотиться, а свой альянс собирать. И ещё выяснить, откуда взялось столько заготовок-камней для оружия. Бесспорно, морт-мечи опасны, но любой клинок можно переломить, а если новый будет неоткуда взять, то и одного киморта хватит, чтобы остановить войско – и без лишнего кровопролития... А покуда всё складывается слишком удобно для твоего врага.

Если в самом начале Телор выглядел так, словно вот-вот перебьёт его, то затем нахмурился и притих, и чем дольше слушал, тем мрачнее выглядело прекрасное лицо и темнее становились зелёные глаза.

– Что же, вот этого отпустить надо, получается? Раз всё равно ему бесполезно мстить, нечего силы тратить на мальков, пока в глубине ходит крупная рыба? – спросил он наконец, когда дослушал.

– Нет, почему же сразу отпустить, – улыбнулся Алар, искоса глянув на Рейну, которая как раз доедала последний пирог и уже отнюдь не выглядела оробевшей, как поначалу. – Детей ведь похищают не ради забавы, и, сдаётся мне, это как-то связано с появлением множества камней-заготовок. Следы мальчика-киморта, которого некая женщина забрала из Свенна, уходят в пустыню – а там, поверь, знают, как сломить волю и обратить человека в удобный инструмент. Морт-оружие и похищение детей; чистый мирцит, свара между заместниками востока и юга, чудища из глубин и землетрясения – всё связано, понять бы как... Но начать можно с малого: к примеру, спросить у нашего пленника, кому он должен был передать Рейну. Глядишь, потихоньку клубок и разматается.

Телор ответил не сразу. Помолчал, прихлёбывая хмельной напиток; глядел внимательно, задумчиво, слегка опустив белёсые ресницы... И лишь затем сказал:

– Значит, ты безымянный эстра?

– Ну, имя мне, положим, подарили...

– Бродяга без семьи и без дома, лишённый памяти и сил? – продолжал Телор, и в глазах у него появилось опасное, дурное веселье, как за секунду до приснопамятной подножки дружиннику. – Чужак на севере, не сведущий в наших традициях и обычаях, жизни не знающий?

Звучало это так насмешливо, что Алар даже смутился немного:

– Ну...

– Что же, одного союзника я, кажется, нашёл, – улыбнулся Телор – и чуть приподнял свою кружку, словно приветствуя его. – И думать боюсь, каков ты из себя был до сброса, если даже сейчас от тебя мороз по коже.

– Учитель хороший! – Рейна от возмущения позабыла, кажется, что боится этого странного незнакомого киморта с цветами в волосах. – Он добрый, терпеливый, и руки у него тёплые, и никакого мороза нет! И гурна он чистит даже лучше Тайры! И похлёбку варит... ну, иногда, – добавила она неохотно, видимо, вспомнив, как в последний раз пригорела уха в котелке. – Когда о важных вещах не задумывается!

Выпала на одном дыхании – и застеснялась снова, уткнулась в опустевшую чашку из-под компота.

– Вот и славно, – ответил Телор и осторожно, точно опасаясь спугнуть, погладил её по волосам. – Посидишь немножко с хозяйкой, пока мы с твоим учителем побеседуем вот с этим добрым человеком? Недалеко тут, в подвале.

Храбрая Рейна обещала посидеть тихо, как птичка, а Алару, за которого уже всё решили, не оставалось ничего, кроме как спуститься в подвал вместе с Телором – и с дружинником, который как раз пришёл в себя и задёргался, бешено вращая глазами. Тщетно – морт держала крепко.

...и пощады не давала.

Сперва дружинник отпирался, уверяя, что дурного не хотел. Однако Телор умел убеждать. Не болью и страхом, как можно было бы предположить, вовсе нет: он расспрашивал пленника спокойно и тихо, внимательно слушал ответы – и опутывал его морт всё гуще и гуще, аккуратно изменяя *стремление*, точно калибруя тонкий прибор. И так – до тех пор, пока дружинник не заплутал в глубинах собственного разума и не начал отвечать так же честно, как самому себе, во сне или в дурманном забытии... Вот только знал он, увы, не так много.

Поймать девочку ему приказал командир; для чего – не говорил, но намекнул, что это для её же блага и «для великой пользы престолу», а девочка «не знает, чего ей надо, якшется с бродягами». Узнать подробности дружинник и не стремился: ему хватало мысли, что он действует во благо и по указанию старших. Кимортов он боялся и ненавидел, эстр презирал, считая их шарлатанами. Девочку ему велено было обездвигить особым «лекарством» и оставить тут же, в подсобном помещении одной лавки на рынке, а уже оттуда её забрали бы некие «доверенные лица» и повезли бы «на обучение».

Когда Телор услышал имя торговца, которому принадлежала лавка, то нахмурился.

– Знакомый кто-то? – спросил Алар. – Что за Дурген, сын Иргена?

– Особый поставщик дворца, который прославился тем, что наладил торговлю напрямую с Ашрабом и с конклавом, – ответил он мрачно. – Так что, боюсь, насчёт следов, уходящих на юг, ты не ошибся... И меня тревожит ещё, что раньше яд, лишаящий нас связи с морт, можно было разве что добавить в еду или питьё. А теперь гляди: им уже и тряпицы пропитывают, которые достаточно к носу приложить, чтоб сил не стало.

– И ещё смешивают особые благовония – горе тому, кто по неосторожности вдохнёт дым, – согласился Алар, вспомнив курильницу, стоявшую в клетке, где держали Рейну. – Может, есть и ещё что-то, чего мы не знаем... А уж одурманенного киморта можно перевезти куда угодно, особенно если ты купец, у которого идёт караван за караваном. Что будешь делать с пленником?

Телор посмотрел на дружинника – сгорбленного, с бессмысленным стеклянным взглядом, с ниточкой слюны, тянущейся от угла рта – и резко отвернулся, дёрнув острым подбородком.

– Отпущу, только затуманю ему память. Ты прав, эстра, не тех надо карать, кому приказы отдают, а тех, кто приказывает... Через два дня в Ульменгарм придёт Эсхейд – проездом, у нас дела на юге, но лоргу почтить визитом стоит. Поговоришь тогда с ней? – не то спросил, не то попросил Телор. – Одному тебе в Хродду идти небезопасно, а сопроводить вас я пока не смогу. Может, решишь пока с нами путешествовать.

Алар задумался. Предложение было хорошим, и даже очень. Во-первых, Рейна слишком к нему привязалась и сейчас бы не согласилась расстаться, а тем более – остаться в школе где-то на дальнем севере, среди незнакомцев. А так бы за время путешествия она бы привыкла к Телору и – кто знает – согласилась бы учиться у него. Во-вторых, странствовать в одиночку и впрямь становилось небезопасно, особенно в свете рассказов про морт-стреломёты и новые

виды дурмана. Да и не хотелось подставлять кьярчи – Тарри и его люди немало делали для него, и рано или поздно дружинники подметили бы это.

А значит, табор оказался бы в опасности.

Морт, наполненная особым стремлением, ткнулась в виски пленнику; тот пошатнулся, закатил глаза – и рухнул плашмя на глиняный пол.

– Хорошо, – ответил Алар наконец, отводя взгляд от неподвижного тела. – Мысль дельная, но сперва мне надо поговорить с Тайрой, всё же это её тоже касается.

– Что за Тайра? – заинтересовался Телор.

Пришлось рассказывать.

В конце концов он проводил их почти до того самого места, где расположился табор, и там распрощался. Притворно, разумеется. Алар ещё долго ощущал его присутствие – ореол прохлады, призрачный аромат молодой листвы и робких лесных цветов, мягкий свет, сдержанное любопытство.

«Сколько ему лет? – пронеслось в голове. – Ста ещё нет, пожалуй... Молодой».

Мысль эта удивила его самого – так, словно пришла не извне даже, а из прошлой жизни, а камешек-талисман на шнурке вдруг кольнул грудь.

...Появление киморта Тайра восприняла как нечто само собой разумеющееся. Выслушала историю, пожала плечами:

– Так сколько ты его искал? Или другого кого-то из вашего племени... Странно было бы, если бы не нашёл, с таким-то упорством. – Она помолчала, сосредоточенно очищая от кожуры неказистые клубни для похлёбки на ужин. Затем глянула исподлобья. – И что делать будешь? С ним пойдёшь?

– Скорее всего, – кивнул Алар – и присел рядом с ней, прямо на землю. Взял клубень, стряхнул землю – и принялся тоже счищать шкурку, только не ножом, а морт. В четыре руки работа спорилась. – Рейне будет полезно пообщаться с кем-то из нашего племени, как ты выразилась. Но сперва я к нему присмотрюсь. С большим отрядом, конечно, путешествовать безопаснее, но только если этот отряд не собирается поднимать бунт против лорги. А ты что думаешь? Если я приму его предложение, ты пойдёшь с нами – или останешься с братом?

Тайру вопрос словно застиг врасплох. Она выронила недочищенный ноздреватый клубень в мутную воду, ойкнула и поспешно запустила руку в котелок. Смуглое её лицо залил румянец – если знать, куда и как смотреть, это было заметно. Длинные чёрные ресницы отбрасывали лёгкую тень, и глаза казались ещё зеленее – по-другому, чем у Телора, ярче и живее.

– Теплее, – сказал он вслух.

Сказал – и сам смутился, чего не было давным-давно.

– Дурной ты, эстра, – пробурчала Тайра, доставая злополучный клубень и поудобнее перехватывая нож. – Вот мудрый-то мудрый, но иногда такой дурной... Куда же я денусь? Если понадобится, то хоть во дворец к лорге пойду, хоть к морю, хоть в пустыню. И только попробуй меня не взять!

– И что тогда? – заинтересовался Алар.

Хотелось притянуть её к себе – и поцеловать, а потом отпустить и посмотреть, как темнеют глаза и пунцовеют щёки.

Но вокруг шумел, пересмеивался, громыхал утварью табор; Рейна, сидя поодаль, на телеге, рядом с вайной, громко считала птиц в туманном небе – одна, две, три...

«Не время».

– Догоню и покажу, что почём, – мрачно откликнулась Тайра, снова присаживаясь у котла и подтыкая юбку, чтоб удобнее было тянуться за клубнями в корзину. – Эй, эй, ты чего столько счищаешь? Этак похлёбка вдвое жиже будет, если снимать столько шкурки! Иди-ка ты лучше посиди в сторонке, поразмышляй о своём, о высоком, а я тут лучше сама.

Это, конечно, был только повод, но Алар и впрямь поднялся и ушёл, на ходу оттирая руки лоскутом морт, как тряпицей. Не потому что плохо чистил клубни, нет; просто весёлый гомон табора вдруг отдалился, и стало казаться, что на них никто не смотрит, а потому нет причин не поцеловать болтливый Тайрин рот, пусть бы в шутку.

...а камешек на груди царапался сильнее прежнего, и мерещились отчего-то рыжеватые кудри и распахнутые, точно удивлённые, серо-голубые глаза.

Искать на следующий день Телора не понадобилось.

Ранним утром, когда все завтракали у жаровен – кто привалившись к борту телеги, кто сидя на брёвнышке, а кто прямо на земле, раздался вдруг звонкий голос:

– Добрый человек, передай-ка мне травяной отвар, будь любезен!

Широкоплечий мужчина со стрелкой седины в бороде послушно вложил кружку из обожжённой глины в изящные белые ладони. Клацнули крупные зелёные бусины в браслете, смещаясь от резкого движения; упал на плечи капюшон, открывая взорам неряшливый венчик из полевых цветов на серебристых волосах... Телор перехватил кружку поудобнее, взял с тарелки у Алара надкушенную уже лепёшку с начинкой из сыра и пряностей – и когда успел уже её утащить? – и улыбнулся:

– Спасибо, добрый человек.

Тогда-то его только и заметили.

Мужчина, передавший кружку, отскочил в сторону от неожиданности и выругался. Кто-то поперхнулся глотком и пролил травяной отвар, кто-то выронил лепёшку; коротко стриженная женщина, раздававшая детям еду, отшатнулась и выхватила нож из-за голенища... Тайра тоже испугалась – расширились зрачки, тело на мгновение прошило дрожью. Однако виду не подала. Глянула надменно, дёрнула подбородком, указывая на телегу:

– Да уж не благодари, кудесник, лучше монетку потом брось в общую казну. Рано ты, мы тебя к обеду ждали.

– Может, я лепёшки люблю, – ответил Телор, продолжая улыбаться. И – и поглядывать поверх чашки с отваром на табор.

– Так на обед тоже лепёшки, – фыркнула Тайра.

– Ага, те, что от завтрака остались, – поддакнул Тарри, появляясь точно из-под земли. Изрядно заспанный, но зато в синей рубахе, чёрных штанах и чёрном жилете с белой вышивкой – как нарочно принарядился. Отвесил гостю шутовской поклон; монетки на поясе звякнули. – Ну, здравствуй, важный человек! Ты по делу или потехи ради?

О киморте в зелёном плаще он уже слышал вчера – дважды, сперва от сестры, затем от самого Алара, а потому его появлению ничуть не удивился. Остальные кьярчи, увидев, что предводитель несколько не обеспокоен, тоже расслабились и вернулись к привычным разговорам. И лишь изредка нет-нет да и бросали на чужака взгляды искоса.

Его это, впрочем, несколько не беспокоило.

– И то, и другое, – ответил Телор, чуть сощурившись. – Зашёл за своими друзьями. Но прежде чем мы уйдём, хочу тебя расспросить. Ты ведь встречался с необычным отрядом на границе Южного и Восточного Лоргинариума, верно? Сядь-ка поближе и расскажи. И не бойся, я тебя не обижу.

Тарри округлил глаза так, словно сказать хотел: «Это кого, тебя-то, что ли, бояться?» – но, по счастью, сдержался и просто сел рядом, не погнушавшись забрать у Алара ополовиненную кружку с отваром.

История о вооружённом отряде – «все при мечях» – и без гербов на плащах Телору не понравилась. Он создал прямо в воздухе объёмное изображение Кимень-горы и окрестностей, а затем попросил точно указать, где кьярчи столкнулись с теми людьми.

– Круглое озеро – Зерцало, а вот это, серповидное – Гребешок, – чуть нахмурившись, объяснил он. Двинул пальцами – и от синего кругляша-озера потянулась вниз воронка. – Зерцало очень глубокое, дно у него и морт не нащупаешь. Там есть расщелина, она уходит аккуратно под гору. Давным-давно, ещё во времена Брайны, там добывали мирцит, но затем рудник истощился, а из расщелины полезли твари, а округу начало трясти. Кто-то считал даже, что Кимень-гора может стать огнедышашей, как эта ваша гора Анцу в Ишмирате. – Он быстро глянул на Алар. – Место пришлось запечатать и забросить: риск не стоил возможной выгоды. Я никогда не думал, что кто-то окажется настолько глуп, чтобы раскопать старый рудник, да и нет в Лоргинариуме кимортов, сведущих в горном деле, а без кимортов там так просто скалы не отомкнуть. Но если Алар не ошибся и центр землетрясения у Кимень-горы...

– Я не ошибся.

– ...значит, дела ещё хуже, чем я думал, – продолжил Телор – и бровью не повёл. – И у того, кто всё это затеял, кто стравливает наместников юга и востока, чтобы отвлечь внимание от рудника, есть свой киморт. Возможно, что и не один.

– Или эстра, – качнул головой Алар.

Телор улыбнулся ему – как показалось со стороны, немного виновато.

– Ты не суди по себе. Те эстры, кого я встречал, едва могли защитить себя от стаи диких зверей. Куда им колебать земные недра? Нет, здесь нужен киморт в расцвете сил, может, и не один, – качнул он головой. – И как я это проглядел...

– Ну, немудрено, – заметила Тайра, ни к кому не обращаясь. Закинула в рот последний кусочек лепёшки, облизнула кончики пальцев, стрельнула взглядом искоса. – Если сидеть у себя в городе за высокой стеной. Землю-то не глазами, а ногами разглядывают: кто дальше ходит, тот больше видит.

Телор на удивление ничуть не обиделся – рассмеялся даже:

– Твоя правда. Спасибо за науку. А чтоб закрепить урок – пойду, пожалуй, прогуляюсь по городу. Ногами. Осмотрюсь, так сказать... Алар, идёшь? Рейна?

«Будто у меня выбор есть».

По коже отчего-то прокатился холодок, как в предчувствии сильных перемен – или перелома.

Ульменгарм оказался большим – вдесятеро больше любого другого встреченного города – и разнообразным. Квартал у южных ворот был самым шумным, суматошным и, пожалуй, недружелюбным. Здесь располагался крупнейший рынок в столице: запутанные торговые ряды на площади, многочисленные лавки в ближайших переулках... В любом закутке, на всяком свободном пятачке непременно появлялась или телега, с которой сбывали товар бродячие торговцы, или горластый лоточник с коробом за плечами. За утро Алар успел насчитать три незнакомых табора кьярчи; у всех были одинаковые повадки, только цвета повозок и рубах отличались.

Чуть дальше виднелись чёрно-красные крыши – небогатые дома, по местным меркам, конечно, потому что в той же Бере два этажа и выше могли себе позволить только очень состоятельные горожане. А стоило пройти ещё, и начиналась настоящая роскошь: на каждой площади красовался если не фонтан, то статуя в три человеческих роста, а жилища, напоминавшие, скорее, дворцы в миниатюре, утопали в садах. У лекарского дома толпились люди: каждый десятый день бедняков тут принимали бесплатно, и многие из Туманной долины готовы были пуститься в долгое путешествие, чтобы обрести наконец исцеление. В витрине одной из мастерских, за огромным выпуклым стеклом, стоявшим целого состояния, отплясывала деревянная куколка, а вокруг огромных часов летали две луны – вместо маятника. Тут же, на площади, торчали, пронзая низкие облака, причальные мачты, и свободными оставались лишь четыре крайние, а около остальных гордо парили дирижабли.

Рейна только и делала, что вертела головой по сторонам и глядела во все глаза, такая изумлённая, что у неё даже на вопросы, кажется, не хватало ни сил, ни внимания... Алар наблюдал за девочкой с улыбкой, стараясь не замечать, как у него самого сердце сжимается, словно от тоски по чему-то очень важному, что он позабыл.

– Сто лет назад город выглядел иначе, – негромко пояснял Телор, придерживая его за локоть и мягко направляя в нужную сторону. – Больше лавок, где работали мастера; целые улицы, где жили одни иностранцы... Был даже цех кимортов, хотя так он, конечно, не назывался. Я успел пожить там с наставницей, но совсем недолго. Потом случился пожар, и часть западных окраин выгорела, огонь даже к дворцу подбирался, но его сумели остановить, пострадали только деревья на склоне. Обвинили одного киморта, который-де повздорил с тогдашним лоргой. Другие за него вступились – и отказались помогать с восстановлением сгоревших домов. Лорга этого, конечно, не забыл. Многие надеялись, что его сын что-то изменит... А он был ещё хуже. Даже пытался избавиться от изображений Брайны, но где там – многие из них можно вынести разве что с куском стены. Но время шло; лорга одряхлел, и началась «сыновья борьба» за власть – Эсхейд по малолетству выслали на север, к матери, потому она и уцелела, а вот остальные друг друга извели. И на трон сел тот, кто был хитрее и безжалостнее остальных – Захаир, внук тогдашнего лорги. Он-то и правит по сей день. Вон оттуда, – и Телор указал на чёрную громаду замка, точно парящую над городом. – К слову, о Брайне. Хочешь взглянуть на самую большую её статую? Она тут неподалёку, старая работа, ей лет этак с полтысячи, если не больше. Говорят, что тот, кто встаёт на постамент у ног Каменной Брайны, должен говорить лишь правду, а если солжёт, то его тут же пронзит меч, который она держит в правой руке.

– И потому там не протолкнуться от бродячих сказителей? – понимающе усмехнулся Алар.

– А ты смекаешь, в чём суть! – обрадовался Телор и рассмеялся. – Впрочем, ничего дурного я в том не вижу. Вчера утром я видел там музыканта-ишмиратца с семистрункой, и играл он очень славно, да и историю рассказывал интересную...

– Тогда, конечно, стоит взглянуть. Рейна, пойдём послушать сказителей?

Девочка с жаром закивала. Впрочем, она сейчас согласилась бы на что угодно, хоть гурнов чесать, хоть котлы мыть, хоть на голове стоять, если б ей сказали только, что делать это надо по-столичному.

Идти и впрямь оказалось недалеко. И если издали чудилось, будто чёрный замок лорги нависает над Ульменгармом, готовый его раздавить, то с каждым шагом всё яснее выступали из тумана очертания белой статуи с мечом в воздетой руке. Острие клинка словно бы подпирало крепостные стены, всё глубже вгрызаясь в них; а когда на миг выглянуло солнце в прогалину между облаками, то меч вспыхнул вдруг – и расколол чёрные камни.

...не по-настоящему, конечно; померещилось просто.

«Неудивительно, – подумал Алар, – что её пытались убрать».

Дома здесь были чуть попроще, чем в соседней части города, однако такие же опрятные и чистые. Чаще встречались расписные и резные ставни – с белой, зелёной, синей краской, с листовным узором и затейливой вязью по самому-самому краю. Пахло едой, в основном отчего-то хлебом, а над трубами вился дым: огонь-камни для готовки и обогрева тут, похоже, использовали реже, чем обычные печи и очаги. Улица, необычно пустынная для столицы, змеилась и изворачивалась между заборами, доверху увитыми лесным плетунном, и делалась то шире, то уже – а потом внезапно вынырнула на площадь.

И сразу стало шумно, людно, суетно – пожалуй, даже чересчур.

Не раздумывая, Алар взял Рейну за руку и подтянул к себе поближе: в такой толпе человеку со злым умыслом ничего не стоило одурманить девочку и увести прочь, в точности как на рынке. Поверх гомона, как туман по реке, стелилась песня флейты, одновременно нежная, трепещущая, словно мотылёк, и тревожная; временами от неё бросало в жар и становилось

неловко, как если услышать по случайности непристойный разговор, проходя мимо открытого окна. Телора, впрочем, ничего не беспокоило. Он протискивался вперёд, сноровисто расталкивая людей – где силой морт, а где и просто локтями; толпа расступалась, затем снова смыкалась – как ряска на поверхности лесного озера, по которому скользит лодка. Алар и Рейна попевали за ним с трудом и, наверное, именно потому сами не заметили, как выскочили к основанию статуи.

Брайна поражала воображение.

Складки каменного одеяния не были проработаны особенно тщательно, черты лица – скорее, намечены, чем высечены; что-то стёрлось от времени, что-то сгладилось – но тем явственнее становился порыв, словно движение неподвижного, словно жизнь в неживом. Тусклое солнце, проникавшее сквозь туманную дымку, окутывало статую зыбким сиянием, вспыхивая ярче на лезвии меча – и в её глазах, оттого Брайна казалась зрячей. Алар знал – об этом шептал спутник – что всё дело в небольших вкраплениях слюды в камне, однако не мог стряхнуть наваждение и отделаться от мысли, что ещё немного – и изваяние шагнёт на площадь.

– ...вот такой она была, ясноокая дева! Ничто не могло сбить её с пути! – прозвучало вдруг совсем рядом, откуда-то сверху.

В первую секунду Алар даже не понял, что это говорит обычный человек – один из тех бродячих сказителей, которые любят забраться на постамент Брайны и оттуда вести речи. Голос был по-мальчишечьи звонким, чистым; когда слышишь такой, сложно поверить, что тебе могут соврать. Сам сказитель также выглядел молодо: с ясным, простовато-одухотворённым лицом, по-птичьи круглыми глазами и смешно оттопыренными ушами. Волосы, сероватые, будто седые, топорщились во все стороны. Профиль выглядел чуть благороднее, пожалуй: нос с лёгкой горбинкой, высокий лоб... Впечатление, правда, изрядно портили шутовские ужимки, кривляние и чересчур широкие, вдохновенные жесты.

В руках у сказителя была флейта – та, что так сладостно пела чуть раньше и умолкла, когда заговорил он сам.

– Стойкость её, – продолжал тем временем сказитель, потешно вытаращивая глаза, – и Брайне бы честь сделала... Итак, три дня искушал дух ясноокою деву! Сладким вином угощал её, вёл сладкие речи – и всё попусту. Непреклонной оставалась она, и от цели своей не отступилась, ибо чистым было её сердце, и владела она великою силою – силою морт. А на четвёртый день разразилась буря! О, скажу я вам, долго я живу, а таких бурь не видал. Почернело небо, за клубились тучи, взъярился ветер – и загрохотал гром; только что было темно, как ночью, и вдруг от молний стало светло – ох, светло...

Он снова поднёс флейту к губам – и полилась музыка, яростная, будоражащая, безжалостная. Словно вторя ей, воздух пришёл в движение, и туман полетел клочьями. Рейна зябко обхватила плечи руками, бессознательно обёртывая вокруг себя морт, да и Алару захотелось сделать то же самое – настолько уязвимым и беспомощным он ощутил себя вдруг, точь-в-точь как рыбак в шторм на утлой лодке. Музыка то становилась громче, то почти утихала, и когда она замолчала окончательно, то сердце пропустило удар.

Бродячий сказитель опустил флейту и замер на полминуты с помрачневшим лицом, глядя вниз. А когда заговорил снова, то голос его звучал тише – и тем не менее его слышали все, потому что на площади царила мёртвая тишина, и лишь усилившийся ветер громыхал флюгерами и перебирал гибкие ветви у верхушек деревьев.

– Да, страшная была буря, – повторил бродяга, посмотрев исподлобья. – И недобрые силы сотворили её. Даже дева-киморт устрашилась... Но разве есть позор в том, чтоб испытать страх? Нет, молчите вы, брюхатые смельчаки, которые дальше собственной лавки не ступали и никого, свирепей жареного поросёнка, не сражали. И вы молчите, юнцы, которым ничего не страшно – вы-то жизни пока не знаете, а потому не разумеете, чего бояться стоит, а чего – нет, и невежество вам застит глаза. А бывалые воины, или купцы, которые водят караваны далеко

на юг, или женщины, которым случалось оборонять дом от хадаров, пока братьев и супруга нет рядом – те сейчас, вижу, качают головой. Ибо знают, что нет дурного в том, чтоб испугаться – дурно поддаться страху, позволить ему затуманить разум. И, хотя боялась ясноокая дева, смело вышла она против колдовской бури, зная, что иначе всех ждёт погибель. И сразилась с нею, и усмирила яростный ветер, и молнии поставила себе на службу, и тучи разметала по небу... А когда буря утихла, склонился перед ясноокой девой дух-искуситель и обещал верно служить ей отныне. Ведь путь её лежал дальше и дальше на юг, где преданные союзники – дороже воды, а вода – дороже золота...

Он снова поднёс флейту к губам, и на сей раз мелодия напомнила заунывный шелест песка, который ветер выдувает из древних развалин, обнажая камень, белый, как кость.

– Идём, – тихо позвал Телор, накинув капюшон и сделав шаг от статуи. – Это «сказание о деяниях», вид песни. Иногда часть истории – правда, и тогда послушать бывает любопытно, однако, похоже, не сейчас.

Сказитель, который до сих пор играл на флейте с закрытыми глазами, вдруг быстро глянул в их сторону.

«Померещилось?»

Впрочем, Алар тоже не прочь был уйти, хотя история ему нравилась: уж больно яркие чувства вызывала музыка, сродни наваждению. Потому он осторожно взял замороженную Рейну за руку и потянул за собой, намереваясь увести прочь.

И тут сказитель заговорил снова:

– Да, путь ясноокой девы лежал далеко на юг, в город Дабур.

Телор застыл, как громом поражённый.

– И не знала она ещё, что там, за высокими стенами, ждут её алчные работорговцы, которые научились пленять кимортов, и неведомая хворь, что косит и правых, и виноватых. Хворь, ниспосланная в наказание за гибель двух невинных отроков-кимортов... Вот только тот, кто её наслал, не ведал, что отроки эти живы и страшные муки претерпевают в плену, ожидая спасения. Истинно так всё было, и пусть Брайна поразит меня мечом, если я солгал! А теперь, почтенные, отсыпьте монет, кто сколько сможет, чтобы я промочил горло и вечером бы рассказал вам, чем кончилась история... Ох, спасибо, добрая госпожа, как щедро! И тебе спасибо, доблестный воин! Сразу видно, вы – люди добрые, страждущего голодным не оставите.

Он ловко пробежался по первым рядам слушателей с мешочком – знай себе монеты звякали – и, затесавшись в толпу, исчез. Телор бросился было за ним следом, но куда там! Сказитель оказался ещё ловчее его, умудряясь затеряться среди людей без всякой мот.

– За ним, – сказал Телор, нахмурившись, и вытянул из-за шивороты кристалл с вплавленным в него мирцитом, поисковый маятник. – Он что-то знает... он там был!

И – ринулся следом за беглецом.

Безуспешно.

Сказитель точно дразнил их. Его лохматая нелепая голова мелькала то там, то здесь; кажется, что вот-вот получится догнать, но то пройдёт наискосок угрюмый носильщик с ящиком на плече и заслонит цель, то бросится под ноги ребёнок, то залает вдруг собака – и откуда ей взяться на площади?.. Когда Телор, изрядно взмокший, сумел выдраться наконец из толпы и выскочить на свободный пяточок, то сказитель обнаружился тут же, рядышком, в начале длинной извилистой улочки, уходящей в северную часть столицы. Он постоял немного на месте, таращась в туманное небо, заткнул флейту за пояс – и двинулся дальше; вроде бы шёл небыстро, однако догнать его никак не получалось.

– Может, поймать его? – спросила наконец запыхавшаяся Рейна, многозначительно отвязав с пояса свою «морт-верёвку», как прозвала её Тайра. – Вот ведь прыткий! Уф...

– Не стоит, – ответил Алар сдержанно и покосился на Телора: оба они уже не по одному разу испытали удачу, пробуя спеленать или хотя бы задержать беглеца морт, но всякий раз что-то отвлекало. – Мы же не варвары какие-то.

– Только варвары бездумно тянутся к тому, о чём ни малейшего представления не имеют, – сквозь зубы развил мысль Телор, которому явно хотелось сказать что-то менее витиеватое и более грубое. – Вот же паршивец! Куда он... А, вижу!

Сказитель с флейтой, исчезнувший было из виду, обнаружился за поворотом, на дальнем краю маленькой площади, грязноватой и немощёной даже, зато с покосившимся колодцем. Постоял у порога питейного заведения, весьма сомнительного с виду... и юркнул внутрь.

«Сочувствую хозяину, – подумал Алар, – если нашего беглеца внутри не окажется».

Телор, судя по стиснутым челюстям, размышлял о чём-то подобном.

По счастью, сказитель обнаружился за общим столом, на длинной, до каменной твёрдости и блеска отполированной скамье, которую он оседлал верхом, как гурна. Он ворчливо выговаривал что-то подавальщику, мужчине неряшливому, тощему и донельзя подозрительному, достоинство у которого было ровно одно: котелок с гуляшом, который тот держал обеими руками.

– ...не прошу я у тебя в долг, дурень ты этакий, но и платить вперёд за вонючее варево, которое за еду можно было счесть разве что три дня назад, не стану! – донеслось до Алара.

– Не хочешь – не плати, и-их! – присвистнул в ответ щербатый подавальщик насмешливо. – Иди отсюда, вона какой переборчивый!

– А что же сразу переборчивый, если помои лакать не хочу, как пёс? Видел я, как тебе занесли птицу, вот если б её ощипать да с кашей потушить...

– Куда тебе, окаянному, целую птицу, если по дрянному твоему платью видать, что денег ты и издали не видал?

– Да как не видал, если полный кошель звенит!

– А если звенит, так плати вперёд!

– Дичи с кашей на четверых... на пятерых и попить чего-нибудь, только не хмельного, – прекратил спор Телор, бросая на стол монету. Серебряный кругляшок завертелся, подскакивая; подавальщик с неожиданной ловкостью подхватил монетку, прижимая котелок к груди одной рукой, и услужливо закивал. – Чтоб всё было чисто и быстро и рожу твою поганую мы даже издали не видели. Ясно?

– Ясно, добрый господин, дочку пошлю! – осклабился тот и бочком, бочком отступил, а затем нырнул за неприметную дверцу, ведущую, вероятно, к кухне.

Рейна уже успела сесть на лавку, раздумывая и изрядно притомившаяся после бега. Сказитель её не пугал, а обстановка не удивляла – и немудрено, после всех столичных чудес; пожалуй, для радости ей довольно было уже и того, что им удалось-таки догнать беглеца.

А вот Телор ни довольным, ни радостным назвать бы не получилось.

– Откуда ты знаешь про Дабур? – с ходу спросил он, усаживаясь напротив сказителя.

Тот и бровью не повёл.

– А ты, никак, хочешь бесплатно дослушать мою историю, да ещё раньше всех? – откликнулся он препротивным голосом; глаза у него, впрочем, смеялись. – Ишь какой пронырливый.

Судя по румянцу на скулах, Телор готов был вот-вот взорваться, и Алар поспешил также сесть за стол и ответить дружелюбно:

– Отчего же бесплатно? Этот добрый господин готов и обедом тебя угостить, а потом и вознаградить по справедливости. Спешить, впрочем, ни к чему, – добавил он мягко, бросив на Телора предупреждающий взгляд искоса. – Скажи сперва, как тебя зовут. Я вот, к слову, Алар, эстра без рода, без дома, а это ученица моя, Рейна. Чем-то мы с тобой похожи: я бродяга и ты бродяга.

Сказитель обернулся, и уголки губ у него дрогнули, опускаясь вниз, словно при виде чего-то необычайно печального; смотрел он будто бы не на самого Алара, а поверх его плеча, точно мог углядеть зависшую там звезду спутника, тревожно пульсирующую.

– Да, – произнёс он рассеянно. – И впрямь, двум скитальцам лучше вместе держаться и помогать друг другу. Меня зовут Сэрим.

– Телор, – нехотя представился киморт, но капюшон так и не скинул. – Я... я с дальнего севера.

На сказителя имя не произвело, кажется, ровным счётом никакого впечатления.

– И что же вам надо, Телор с севера и Алар-бродяга, от скромного рассказчика и музыканта? – спросил он, чуть прищурившись, и пальцы его легли на флейту, заткнутую за пояс, как могли бы лечь на рукоять меча.

Телор явно хотел сказать что-то столь же резкое, что и раньше, но Алар успел пихнуть его ногой под столом и ответил сам:

– Скрывать не буду, история твоя понравилась. О ком она? Что за ясноокая дева-киморт? Выражение лица у Сэрима стало лукавым.

– Да есть одна странница, весь юг всколыхнула тут... неужто не слышали?

– Так где юг и где мы, – резонно ответил Алар. Телор уже и не пытался вмешиваться в беседу, только вслушивался настороженно и жадно. – Звучит так, словно ты её подвиги видел своими глазами. Твоя приятельница, что ли?

– Ну, а если и так?

Вдали, на кухне, за стеной, что-то грохнуло, и знакомый уже писклявый мужской голос разразился бранью; послышался женский плач. Рейна вздрогнула и завозилась на месте, явно забеспокоившись впервые с тех пор, как переступила порог питейного дома.

– И не совестно тебе перевирать её слова и дела? – мягко укорил сказителя Алар, стараясь не думать о том, что если на кухне уронили горшок с кашей и птицей, то обеда не видать – или видать, но явно порченного, с глиняными черепками вприкуску. – Как-то не по-приятельски.

– Нет такого закона, чтоб нельзя было наживать на своих друзьях, воспевая их славу! – возмутился Сэрим вполне искренне. И добавил, уже куда добрее, чем прежде: – Но историю досказать не проси, приходи лучше к вечеру на площадь и слушай там, вот тебе моё последнее слово. За угощение, впрочем, спасибо, не откажусь...

Телор молча развязал тесёмки кошель и выложил на стол по очереди три монеты.

Сэрим фыркнул презрительно.

Звякнула четвёртая монета.

Сэрим поджал губы и качнул головой.

И тут Рейна, которой, кажется, здесь совсем разонравилось, подалась вперёд, облакачиваясь на столешницу, и жалобно протянула:

– Ну, пожалуйста, расскажи! Очень дослушать хочется.

И оставилась на него в упор.

Сэрим охнул, крикнул, почесал в затылке – и, махнув рукой, принялся говорить... А серебряные монеты незаметно пропали, точно просочились сквозь стол или растворились в воздухе.

Без благодарной публики история растеряла половину живописных оборотов и философских отступлений, зато обрела детали – и имена. Только героиня, учёная-киморт, оставалась безымянной «ясноокой девой», остальных Сэрим называл, не стесняясь. И главу совета в Дабуре, Абира-Шалима арх Астара, который сперва извёл всех свободных мастеров города, заменив их рабами, а затем повадился одурманивать и продавать и странствующих кимортов. И сообщника его, караванщика Халиля-Утара арх Ташира, который упивался своей властью и не стеснялся калечить пленников, чтобы вселить в них страх. И михрани, правительницу Кашима, закрывавшую глаза на торговлю кимортами, откуда ей поставляли достаточно морт-

клинков, чтоб держать в повиновении сыновей... Телор слушал внимательно и запоминал – а ещё, судя по оледеневшему от гнева лицу, изобретал особенную кару для каждого из злодеев и неизменно разочаровывался, когда их настигало чьё-то ещё возмездие.

Алара же больше интересовало другое.

Обычные люди из Дабура, дважды оказавшиеся в ловушке: сперва под пятой тирана-самодура, а затем в горниле страшной эпидемии, насланной кимортом; рабы, которых перевозили тем же караваном, что и пленённую «яснооковую деву», и которых уж точно бы никто не стал спасать – или мстить за них... Думал он и о деве-учёной: что она чувствовала, когда её предали сразу после того, как она спасла город? Откуда взялись у неё силы и упрямство, чтоб обхитрить караванщика и сбежать? О чём она размышляла, скитаясь по пустыне, и позже, в Кашиме, встретив своего учителя?..

Рейну, как водится, тоже беспокоило что-то своё.

– Сэрим, Сэрим, скажи, – потянула она сказителя за краешек потрёпанной хисты. – Скажи только сразу, их спасут ведь?

– Кого? – Он, кажется, смутился.

– Тех кимортов, которых, ну, – Рейна потупилась, а потом и вовсе отвернулась, – которых злые люди украли... Работорговцы.

В этот миг Алар понял – и у него перехватило дыхание.

«Так она себя представляет на их месте».

И немудрено: для сообразительной девочки не составило труда догадаться, выслушав рассказ, для чего её в своё время одурманили дружинники и куда собирались передать дальше. Сэрим не знал о её зловещих замыслах – но, кажется, многое понимал тоже.

– Спасут, – уверенно сказал он. – О том-то и повесть, разве нет? Что однажды всё будет хорошо.

Рейна улыбнулась, кивнула – и крепче прижала к груди моток морт-верёвки, как иные дети обнимают любимые игрушки.

...А между тем рассказ затянулся. Настолько, что явилась наконец подавальщица и принесла большой котелок каши с птичьим мясом – недурной, к слову, сытной. Пришлось ненадолго прерваться, чтобы потом продолжить историю уже за чашкой ароматного травяного настоя со сладкими ягодами. Впрочем, до финала Сэрим не дошёл, даже когда солнце начало клониться к горизонту; а когда начало темнеть, спохватился:

– Ох, я ж обещал песню на площади закончить! Нехорошо людей обманывать. Если нынче не приду, то в следующий раз мне разве что палками по спине заплатят, – вскочил он с лавки, закинул суму на плечо и махнул рукой. – Завтра к полудню приходите снова к Брайне, я дорасскажу! Не обману, честное слово!

Дверь хлопнула – а его и след уже простыл.

Телор подхватился было за ним, но Алар остановил его:

– Не стоит, сядь.

– Почему? – голос у киморта дрожал от нетерпения.

Алар посмотрел в ту сторону, где исчез сказитель. По морт расходились круги, словно от камня, брошенного в воду – и только.

Самого камня было не видать.

– Всё равно не догонишь, – ответил он наконец. Сэрим казался ему смутно знакомым, но при попытке вспомнить его звезда спутника начинала протестующе вибрировать, а во рту появлялся привкус железа. – Не знаю, кто этот сказитель на самом деле, но он отнюдь не прост... И что-то мне подсказывает, что обманывать он и впрямь не станет. Если сказал, что продолжит завтра – значит, так и будет.

– Предполагаешь? – Телор с подозрением сощурился.

– Уверен, – твёрдо сказал Алар.

И ошибся.

Сэрим отыскал их ранним утром, сразу после рассвета, когда они завтракали вместе с табором. Ворвался на стоянку, безошибочно их нашёл – и с ходу отвесил Телору поклон:

– Не думал, что дело этим обернётся и придётся просить тебя о помощи... Не откажи!

Волосы у него выглядели ещё более растрёпанными, чем накануне, серая хиста запачкалась, точно ей улицу подметали – и лишь флейта, заткнутая за пояс, ярко сияла, точно испускала свет сама по себе, а не отражала скупое солнце.

– В чём не отказать? – спросил Телор, скрещивая руки на груди.

Со вчерашнего дня он порядком успокоился – похоже, что обдумал услышанное и что-то решил – и уже не так изводился от нетерпения. А ещё – явно счёл долговязого Сэрима достаточно полезным, чтобы не припоминать ему все дерзости, а делать вид, что позабыл их.

Хотя киморты, конечно, ничего не забывают.

– Нужно во дворец к лорге, – выпрямился сказитель. Взгляд у него, против ожидания, был не отчаянный или потерянный, а уверенный и спокойный. – Та ясноокая дева из рассказа... она ведь правда нашла кимортов, проданных в рабство, спасла их и вернула на север, в родные края. И Лиуру... и сестру его, Онор.

Два имени – и точно два удара под дых; Телор встал, едва не опрокинув стакан с травяным чаем, и неосознанно прижал к губам пальцы:

– Что?..

– Она их спасла, – повторил Сэрим упрямо, глядя на него в упор. – А теперь их всех по ложному обвинению вызвали в суд... по обвинению человека, которого мы видели в доме Радхаба – того Радхаба, который полтора года владел Лиурой и Онор, истязал их и мучал. Ты вчера хотел узнать, кто из северян знает с работорговцами? Вот и возможность подвернулась. Посмотришь в его бесстыжие глаза, а заодно учеников своих поприветствуешь – и обнимешь, если они позволят, конечно. Ну как, выручишь мою ясноокую деву, Телор с Севера, Погибель Дабура?

Он ответил не сразу. Выдохнул тихо, сжимая кулаки; зажмурился. Морт за клубилась вокруг него, словно гроззовые тучи – нет, не гроззовые, снеговые, холодные, смертоносные... а затем схлынула, и запахло вдруг молодой травой и робкими лесными цветами.

– Имя назови, – тихо попросил он.

– Кого, купца того? Ну...

– Нет, – прервал сказителя Телор. – Её. Девы-киморта, которой я, если тебе верить, должен теперь даже больше, чем жизнь.

– Это легко. – Сэрим усмехнулся. – Фогарта Сой-рон.

– Я запомню, – пообещал Телор.

...А Алар застыл, комкая рубаху на груди, потому что вдруг стало невозможно дышать.

«Я её знал», – понял он.

А ещё – что спутник никогда, ни за что не позволит ему её вспомнить.

Телор хоть и выглядел порывистым, но в омут с головой бросаться не спешил. Первое, что он сделал – неторопливо допил травяной чай. Перевернул пиалу вверх тормашками и отстранённо постучал пальцами по доньшку; затем тихо приказал кьярчи, которые сновали поблизости, делая вид, что заняты какой-то работой и совсем не подслушивают:

– Ну-ка, отойдите пока. Для вашей же пользы, – и обернулся к Сэриму. – А теперь расскажи, что мне ещё стоит услышать. Что за купец? Почему судить будет сам лорга?

– Откуда же простому бродяге знать, что у самого государя на уме? – поддельно удивился тот. И улыбнулся плутовато. – Впрочем, кое-какие соображения имеются...

Рейна собралась было уйти подальше вместе с людьми из табора, но Алар её остановил и заставил присесть рядом с ним, заметив:

– Привыкай вникать и делать выводы. Это в деревне тебя за ребёнка держали – и зря. Ты киморт; в твоих руках – большая сила и власть. Будешь наивной, станешь закрывать глаза на интриги и хитрости – и непременно найдётся человек, который использует твою силу во зло.

Сэрим, услышав это, коротко усмехнулся – и одобрительно кивнул.

По его словам выходило, что купец по имени Дурген, известный благотворитель, не просто так обратился к лорге за помощью в разрешении спора. Торговые караваны шли из Ульменгарма в Ашраб и обратно; туда купец отправлял зерно и иные припасы, а получал драгоценные камни и мирцит для мастеров. Вот только ходили упорные слухи, что на повозках, где везли скотину, попадались иногда клетки, закрытые со всех сторон тёмной тканью, и охраняли их столичные дружинники. Купец часто захаживал во дворец; кроме того, он один поставлял к государеву столу раймовое вино из некоей дальней деревни и пряности из Ишмирата. Милостями его осыпали сверх всякой меры, а если и случалось кому-то из торговцев пожаловаться на несправедливость, то вскоре они отказывались от своих слов – или спешно покидали столицу.

Какие бы делишки Дурген ни проворачивал, лорга явно был о них осведомлён – и одобрял их.

– Это лишь предположение, – заключил Сэрим осторожно, поглядывая то на одного, то на другого собеседника. – В конце концов, я ведь просто бродяга, где мне судить о важном и высоком? Но одно могу сказать точно: не за справедливостью звали Фогарту во дворец. Ей готовят ловушку, а вот какую... Что может киморту навредить?

– Дурман, – не раздумывая, ответил Телор. Лицо у него было точно изо льда высечено – светлое и холодное, и ни одна чётка не двигалась. – Морт-мечи, если их больше дюжины... Или другой киморт. Что же, самое необходимое я узнал – так не будем же медлить. Нанесём лорге Захаиру визит со всем почтением; не терпится узнать, как он скривит рожу, когда меня увидит.

Покидая стоянку табора, он отозвал в сторону Тарри и посоветовал ему подготовиться к скорому отъезду – на всякий случай. Тайра, как ни рвалась во дворец с Аларом, в итоге осталась с братом – помогать в сборах.

– Не знаю, как суд пройдёт, но добра ждать не приходится. Вот вам монетка; если она почернеет – тотчас же выезжайте из города через южные ворота и по старому тракту, мимо дерева с обугленной вершиной, отправляйтесь вдоль крепостной стены к северу через восток, – сказал Телор на прощание. – Через час пешего ходу увидите по правой стороне большой куст в человеческий рост, сплошь в розовых цветах. Ступайте прямо сквозь него – и дальше до округлой поляны с тремя старыми кострищами. Если там будут всадники в белых плащах с эмблемой зелёной ветви, дружина Эсхейд, скажите, что это я вас отправил туда на постой... И не медлите слишком. Здешняя стража умнее, чем кажется; а после того, что сегодня на суде будет, в покое вас не оставят.

– А что будет-то там, кудесник? – крикнул ему вслед Тарри.

– Вот придём и узнаем, – махнул рукой Телор, не оборачиваясь. – Но Аю-Насмешника мы повеселим изрядно, клянусь.

Табор ответил ему одобрительными возгласами: уж что-что, а суматоху и шумиху кьярчи любили не меньше, чем их незлой проказливый бог.

Всю дорогу до замка Алар крепко держал Рейну за руку и объяснял, как себя вести при дворе у лорги, что говорить и о чём молчать. Больше отвлекал от переживаний, чем учил, по правде говоря; да и у него самого сердце было не на месте – и то начинало биться втрое быстрее, то замирало. Спутник тоже беспокойно метался над плечом, точно был не всемогущим вместилищем силы и памяти трёхсотлетнего киморта, а встревоженной птицей; наконец Алару настолько опостылел постоянный привкус крови во рту и дурнота, что он сунул спутника в меч.

«Надеюсь, – пронеслась мысль, – что хоть несколько часов он там пробудет».

Удерживать его внутри клинка в последнее время стало гораздо легче – и, сказать по правде, жизнь это изрядно упрощало.

Примерно на полпути Телор извлёк из поясного кошелька крохотную глиняную свистульку и дунул. Вроде бы ничего и не произошло, но почти у самых ворот замка послышался вдруг топот копыт позади – и вылетела из-за поворота дюжина всадников и всадниц. Гурны у них были высокие, мощные, серебристо-серой расцветки, а плащи – белые, с изображением зелёной ветви, заключённой в кольцо.

«Дружина Эсхейд, – догадался Алар. – Или, верней, её часть».

– Моя охрана, – подтвердил Телор его догадку, обменявшись с командиром отряда короткими приветствиями. – Эсхейд считает, что одному мне ходить не стоит – время тревожное... В другой раз я б поспорил, но сейчас и впрямь ни один клинок лишним не будет. Если что лорга и уважает даже у своих врагов, так это силу.

Мечи и кинжалы у всадников в белых плащах оказались куда лучше тех, какими была вооружена городская стража: работа взрослого киморта, а не ученика или вовсе простого мастера. А потому даже дюжина воинов стала бы грозной силой – или, по крайней мере, причиной, чтобы Телора побоялись атаковать в спину. Двоих он оставил за стенами замка, в древней роще, помнившей, быть может, саму Брайну – сторожить гурнов; остальные вошли вместе с ним через главные ворота. Стражникам это не понравилось, но ещё меньше понравились им слова, брошенные через плечо:

– Лорге обо мне не докладывать. Я сам о себе доложу.

– Что, и впрямь ничего не скажут? – спросил Алар шёпотом, когда отряд миновал вторые ворота и оказался под сводами замка.

– А отчего, думаешь, Захаир меня так не любит? – усмехнулся Телор, и белые зубы влажно блеснули в полумраке. Но улыбка исчезла без следа едва ли не быстрее, чем появилась, и бледное прекрасное лицо снова стало холодным и отстранённым, как маска изо льда. – Идёмка левее. Я знаю, как срезать путь, и что-то подсказывает, что лучше бы поспешить. Чувешь, какая морт вокруг? Кипит, как смола в котле.

Дышать в замке и впрямь было тяжело. И не столько из-за спёртого воздуха, запаха старости и неубранной казармы, сколько из-за силы, собравшейся в одном месте. Морт уплотнилась настолько, что стала похожа на густое масло, вязкое – и жгучее, потому что наполняла его чужая воля, гнев и отчаяние... И это был ещё не предел, ведь вверх, к небу, тянулась огромная воронка, видимая даже сквозь перекрытия и стены.

«Не хотел бы я стать врагом киморту, способному на такое, – подумал Алар, невольно сжимая руку Рейны крепче. – Да и найдётся ли кто-то достаточно безрассудный, чтоб с ним враждовать?»

Телор, вероятно, тоже чувствовал нечто подобное, потому что обернул вокруг себя морт, как плащ. Повевало холодом, как с ледника, цветами и листвой – но этот слабый аромат почти тонул в раскалённой, яростной силе, разлитой вокруг. Даже обычные люди ощущали её отзвуки: моргали замедленно, как в полусне; чаще сгладывали вязкую слюну; неосознанно ощупывали грудь, точно пытаясь унять сердцебиение сквозь рёбра.

Зал, где проходил суд, оказался в дальней части замка, у внешней стены. Двери охраняли с полдюжины дружинников; один из них выступил вперёд, поднимая руку в знак мира:

– Государь наш, лорга Захаир, не может сейчас принять тебя, кудесник. Прошу, прояви терпение и позволь отвести тебя туда, где ожидание не покажется столь обременительным, как здесь, посреди сквозняков и коптящих ламп.

Губы у него немного подрагивали – видимо, о дурном характере киморта из Хродды он знал не понаслышке.

– Благодарю за заботу, но останусь, пожалуй, здесь, – ответил Телор, чуть изогнув губы в намёке на улыбку. – Во-первых, сквозняки этому месту лишь во благо... А во-вторых, я пришёл сегодня не к твоему государю.

Он шевельнул пальцами, словно отталкивая что-то от себя – и морт, наполненная лесной прохладой, хлынула, обтекая стражу, расплескалась по арочным створкам тяжёлых дверей, по грубой старинной кладке стен; и там, где она касалась дерева или камня, те становились прозрачными, как лучшее ишмиратское стекло.

Стража, как по команде, подалась в стороны – стоять на пути у киморта не хотел никто.

– Что ж, посмотрим на справедливый суд, – произнёс Телор, скрестив руки на груди. И добавил с прищуром: – Сколько лет живу, а справедливость в таких местах мне видеть ещё не приходилось. Может, сегодня повезёт... вот только не верится что-то.

Он как в воду глядел.

В самом зале дружинников хватало, но даже больше их было в тайных галереях, опоясывающих его: оттого-то, видно, лорга и выбрал именно это место. Многие были вооружены не морт-мечами, а стреломётами – вполне обычными, зато от болтов веяло жутковатой смертоносной силой. У воздуховодов под самым потолком, в скрытых нишах, затаились люди с курильницами наготове – и не было сомнений в том, что внутри не обычные благовония, а дурман.

«В обычное время его заметить легко, если знать, чего опасаться, – подумал Алар. – Но в бою, пожалуй, можно и пропустить угрозу».

Ему стало не по себе.

А потом Телор сделал что-то ещё, и звуки, доносившиеся из зала, стали громче.

– ...в Шимру я не вернусь, – раздался женский голос, чистый и звонкий, как металл.

Говорила молодая женщина в бирюзовой хисте, среднего роста, очень стройная, почти хрупкая, с рыжеватыми локонами. За плечом у неё стоял черноволосый красавец, в котором Алар тотчас же узнал давешнего проходимца, заслужившего уважение Тайры. Он придерживал женщину в бирюзовом за плечо и шептал ей что-то на ухо, а она смотрела, не отрываясь, на седовласого мужчину в богатых ишмиратских одеяниях, который стоял справа от лорги.

– Тоже киморт, – прошептал Телор, отступая на полшага. – Да, прав был бродяга, без моей помощи тут не обойтись... Эй, эстра, – обернулся он к Алару. – Умеешь говорить людям такое, от чего уши заткнуть хочется?

– Ну, наука это нехитрая...

– Раз так, то будь наготове, – предупредил он без улыбки и устремил взгляд к тёмной фигуре, скрючившейся на троне в глубине зала. – Я пойду первым, а как понадобится, позову и тебя. Врагов наживать ты тоже не боишься, полагаю?

В зале седовласый киморт из Ишмирата насмеялся и зубоскалил, втайне готовясь к атаке; слова его разили, как стрелы, жгли, как злая пустынная трава, что растёт в заброшенных оазисах. Каждый его выпад против женщины в бирюзовом попадал в цель... а один задел и Алара.

– ...может, и найдётся киморт-наставник, который признает тебя готовой завершить обучение. Может, и сам Алаойш Та-ци вернётся по такому случаю, чтобы эти слова подтвердить.

«Он меня встречал раньше».

Осознание захлестнуло волной, оглушило, ослепило на мгновение. Всё отодвинулось, стало неважным – и суд, и замок, и земли вокруг, где кимортов почти извели за минувшие годы, и работорговля, и опасности. Зато прошлое приблизилось; из чего-то необратимо утерянного, начисто позабытого оно обернулось вдруг размытым силуэтом за бумажной ширмой – протяни руку и коснёшься. Странник завозился, задрезжал в клинке, пытаясь вырваться, а затем снова притих. Во рту пересохло; пальцы конвульсивно сжались – и Рейна вскрикнула тихонько, пытаясь высвободить руку.

«Я должен сосредоточиться. Нельзя давать волю чувствам».

Преодолевая мучительное головокружение, он медленно обернулся в поисках поддержки – и наткнулся взглядом на Сэрима, настороженно замершего с флейтой в руке, словно готового сейчас прямо сыграть. Осторожно развернув Рейну, Алар подтолкнул её к сказителю и попросил:

– Присмотри за ней, пока я буду в зале.

– Ступай спокойно, с её головы ни один волос не упадёт, – пообещал Сэрим ворчливо, удерживая девочку за плечо, чтоб та не ринулась следом за учителем. – Кроме тех, что она сама выдернет, пока будет за тебя переживать. Придумал уже, что станешь говорить?

– Там соображу, – отмахнулся Алар и перехватил поудобнее посох эстры с красной лентой наверху. Потом улыбнулся – для Рейны, чтоб та не волновалась так. – Чаще всего и выдумывать ничего не надо, достаточно правду сказать.

– И то верно, – кивнул Сэрим. И вытянул шею, потешно выворачивая голову боком к распахнутым дверям, чтоб слышать лучше. – О, зовут тебя! Ну, ступай – и не переусердствуй там.

«Ну что же, пора».

Самым трудным стало пройти по залу, не глядя ни на женщину в бирюзовом, ни на дверь, за которой скрылся седовласый мужчина в ишмирятских одеждах... Телор стоял чуть поодаль, и лицо его было растерянным, счастливым и преисполненным вины одновременно. Он обнимал двух молодых светловолосых кимортов, юношу и девушку; справа – может, за большим сундуком – тихо ворчал-всхлипывал младенец, словно готовясь разразиться бурным плачем, и кто-то баюкал его, мешая лорги и пустынное наречие. А впереди, на помосте, застеленном шкурами, на потемневшем от времени деревянном троне восседал старик в багряных одеждах, в золотом венце, с ног до головы увешанный морт-оружием, и глядел исподлобья, а глаза у него пылали от ярости, как уголья.

Это и был лорга Захаир, государь Лоргинариума.

«Одно хорошо, – подумал Алар, останавливаясь аккуратно напротив него. – Такого разозлить или уязвить – много труда не нужно».

– Я странник-эстра, – произнёс он спокойно, с лёгкой улыбкой на устах – и внимательно отслеживая, как откликнутся его слова, какое эхо породят. – Путешествую от поселения к поселению по воле морт. Со мной ученица, девочка по имени Рейна, киморт. Иногда, отлучаясь по делам, я оставляю её на попечение женщины – травницы и проводницы в горах. И близ славного города Свенна, на ярмарке, при всём честном народе, Рейну похитили.

Лорга, впрочем, удивлён не был, точно уже знал об этом; скорее уж, у него на лице промелькнула досада, и губы презрительно поджалась на мгновение.

«Что ж, тогда жалеть его не буду – заодно и узнаю наверняка, не он ли за всем стоит».

– Рейну ударили дубинкой по затылку, – продолжил Алар негромко, постепенно повышая голос. – А после оглушили дурманным зельем и сунули в клетку наподобие звериной; ни прятаться, ни скрываться не стали, словно по праву действовали, по закону... И немудрено: ведь были это славные воины из двенадцатой дружины Ульменгарма, – произнёс он громко и чётко. И добавил, качнув посохом эстры и положив руку на эфес меча в жесте недвусмысленной угрозы: – Из твоей дружины, добрый государь.

И лорга испугался – на один миг, но этого хватило, чтоб подтвердить догадки.

А затем – разгневался так, как могут лишь неправые, злоумышляющие и те, у кого совесть нечиста.

– Все вон, – приказал он придушенным голосом, чуть привставая на троне.

Пальцы его, вцепившиеся в подлокотник, мелко подёргивались от напряжения.

Зеваки, столпившиеся у стен, ринулись к выходу так быстро, что, кажется, пол задрожал, а гобелены на стенах заколебались, как от сквозняка. Одни причитали, другие бранились,

третьи сетовали на судьбу, а дружинники, привычные, видно, к переменчивому нраву своего господина, подгоняли и первых, и вторых, и третьих. Приближаться к Алару они, впрочем, опасались.

«Зря, – подумал он. – Не меня стоит бояться, а её. Вот уж где сила...»

И – обернулся наконец к незнакомке в бирюзовых одеждах.

...она оказалась куда более юной, чем померещилось издали из-за её подавляющей мощи. Лет двадцать, вряд ли больше; узкие плечи, хрупкое сложение – фигура подростка, а не зрелой женщины.

– И впрямь, ясноокая дева, – почти беззвучно шепнул Алар. Звон в ушах нарастал; пальцы, прикасавшиеся к рукояти меча, жгло как огнём, а сердце в груди с трудом ворочалось. – И как на неё такую рука-то поднялась?..

Особенно выделялись на нежном лице глаза – светлые, скорей, голубые, чем серые, и взгляд был обманчиво наивным и уязвимым. На носу и щеках виднелась россыпь бледных веснушек; рыжеватые волосы беспорядочно вились и казались спутанными... а ещё у неё тряслись губы, как бывает у очень смелых и стойких девочек за мгновение до того, как они расплачутся.

«Не плачь, – хотел сказать Алар. – Скажи, кто обидел тебя, и я...»

И даже шагнул к ней, точнее, попытался – а затем едва не согнулся пополам, как от резкого удара в живот, тяжело дыша и ощущая сильный привкус крови во рту. Спутник вырвался из меча, гневно трепеща – и начал расти, расти, расти, заполняя собой всё пространство, заслоня лоргу, и шпалеры у него за спиной, и сводчатые потолки. Голова закружилась так, что не понять уже было, где верх, где низ...

Но потом всё внезапно закончилось.

Спутник снова был в мече; рядом стоял Сэрим, круглоглазый и нелепый, и встревоженно заглядывал к нему в лицо.

– Ты в порядке, приятель? – спросил он. И не дожидаясь ответа, подхватил его под локоть и потащил прочь. – Ай, без разницы уже! Идём, идём. Свалились на мою голову, дети малые, всему-то вас учить...

Кое-как они сумели покинуть замок, не встретив сопротивления. Возможно, потому что воины лорги слишком опасались Телора; или потому, что дружинники Эсхейд в белых плащах не позволяли никому приблизиться; или, быть может, всякое живое существо ощущало вихри дикой, необузданной мести, которые закручивались вокруг ясноокой девы в бирюзовых одеждах... Так или иначе, вскоре отряд миновал вторые ворота и вошёл в рощу, очень древнюю – и, без сомнения, повидавшую многое.

Алар к тому времени успел немного совладать с собой – и даже почувствовать укол совести за то, что даже не вспомнил о Рейне за последние минуты. Девочка, впрочем, нисколько не страдала и на удивление успела завести дружбу с рыжим северянином в пустынных одеждах, нянчившим младенца.

– Ну что, вошёл в ум? – ворчливо поинтересовался Сэрим, неожиданно возникая рядом. В руках у него была флейта, ярко блестящая, хотя солнце уже скрылось. – Да, беда с тобой... И мне возиться недосуг. Впрочем, – оживился он, – есть у меня приятель, тоже бродячий сказитель. Он, э-э, об эстрах многое знает, может, подскажет тебе чего. Как, свести вас? Он нынче в городе, только вчера его видал.

– Сведи, – согласился Алар, толком его и не слушая. Всё его внимание было сосредоточено на деве в бирюзовой хисте, а силы уходили на то, чтоб не смотреть слишком пристально – и чтоб не спросить в лицо, были ли они знакомы прежде. – Что хочешь, то и делай... Мы надолго здесь? Я б... я б передохнул, а то дурно что-то.

«А если спрошу, а она не ответит? – думал он. – Она ведь если и знала, то его, Алойша Та-ци. Которого нынче нет; и не будет никогда уже, нет возврата к прошлому. Так к чему беречь раны?..»

Сэрим глянул на него – и аж скривился:

– Да уж, дурной ты, иначе и не скажешь. Ну, в таких делах я тебе не советчик. Пойду, что ли, полезным чем-то займусь, за детьми пригляжу хоть, а то Иаллам, бедняга, от такого количества прекрасных юных дев того и гляди повесится. Привалило же счастья, эх...

Однако ни отдохнуть, ни даже выдохнуть не получилось.

– Значит, Алар?

Вопрос прозвучал с вызовом, дерзко, однако та, что его задала, выглядела так, словно вот-вот зарыдает.

«Ясноокая дева... Дева-беда».

– Да. Так меня теперь зовут, – ответил Алар, стараясь не обращать внимания ни на резкий укол боли, ни на вновь навалившуюся дурноту.

Лицо у девы исказилось от отчаяния, на ресницах – длинных-длинных – задрожали слёзы, однако говорила она ровно, не запинаясь.

– Красивое имя. «Любимый»?

– «Желанный», – бездумно исправил Алар и мысленно на себя выругался: нашёл время знанием языков козырять. Попытался оправдаться: – Уж какое дали, бродяге-эстре привередничать ни к чему.

Он думал, что дева развернётся и уйдёт, однако она стояла, болезненно выпрямившись, и сжимала кулаки. А затем резко подалась вперёд – на мгновение стало страшно, что поцелует – и выудила у него из-под ворота шнурок с камешком.

– Зна... знаешь, что это такое? – еле сумел выговорить Алар.

От девы слабо пахло цветочным мылом, чистой кожей – и солью.

Слезами.

– Знаю, – выдохнула она едва слышно и провела по камешку пальцами, точно лаская. – Камень памяти, только незавершённый. Просто безделушка.

«Камень памяти, значит... Этот Алаойш Та-ци очень не хотел исчезать».

– Надо же, – вырвалось у Алара. Хотелось спросить о многом – и дева наверняка знала ответы, но на ум пришло только самое простое. – Может, и надпись прочитать сможешь?

Об ответе он уже догадывался.

– Там написано «Фогарта».

... глаза у неё в тот момент казались бездонными; на ресницах дрожали капельки влаги, а морт, густая, бархатная точно, окутывала их обоих, точно обнимала.

– И что это значит? – тихо спросил Алар, ощущая себя последним подлецом – и трусом заодно.

Он знал ответ.

Точно знал, но желал – жаждал! – услышать от неё.

Однако дева – Фогарта Сой-рон, её звали так, да – отступила на шаг, смертельно бледная, очень сильная и слабая одновременно.

– Уже неважно, – произнесла она глухо. И глянула на него в упор, точно пытаясь запечатлеть каждую чёрточку, каждую деталь. – Я... я отойду ненадолго.

И кинулась прочь, развернулась – и побежала, как вспугнутый зверёк. Сэрим крикнул недоумённо: «Эй, эй, ты куда?» – и сделал несколько шагов следом, но тут младенец у него на руках разразился пронзительным рёвом. Рыжий северянин тут же зашипел, забранился, пытаюсь забрать ребёнка себе. Телор сидел на поваленном стволе, заросшем мхом, и не замечал никого, кроме близнецов-кимортов, что-то рассказывающих ему взахлёб; высокая светловолосая дружинница подставляла руку охотничьей птице, пикирующей с неба, и готовилась снять у неё с лапы капсулу с письмом, а остальные кто охранял временный лагерь, кто седлал гурнов... И даже Рейна больше интересовалась большим жуком, присевшим на пень, чем собственным учителем – то ли обиделась, то ли и впрямь отвлеклась.

«Никому нет до нас дела», – с обжигающей ясностью осознал Алар – и почувствовал себя очень одиноким.

...а затем увидел такой же потерянный, искажённый от боли взгляд у другого – у черно-волосого красавца, который стоял у Фогарты – у Фог – за плечом во время этого проклятого суда.

И шепнул тихо:

– Ступай за ней.

Черноволосый оглянулся – опалил взглядом, в котором мешалось слишком многое – и направился вслед за Фог, сперва шагом, затем всё быстрее и быстрее, пока не перешёл на бег и не скрылся в зарослях. Но никто действительно ничего не заметил, кроме, пожалуй, Сэрима, который смотрел то на Алара, то на кусты – и бранился на пустынном наречии.

Фогарта и её спутник отсутствовали порядочно. За это время Алар успел узнать, что черно-волосого красавца зовут Сидше Джай-рон, он капитан дирижабля и контрабандист; человек опасный, коварный, и в целом с ним лучше за стол не садиться, если не умеешь по цвету и запаху различать хотя бы двести разных ядов. Чай капитан, впрочем, тоже заваривал непревзойдённо, а ещё прекрасно играл в на-джи и умел поддерживать разговор на любую тему так, что собеседник не чувствовал себя неловко.

Всё это охотно рассказал рыжий северянин, Иаллам, которого наконец освободили от повинности няньки и позволили немного отдохнуть перед тем, как тронуться дальше в путь.

– К тому же у Сидше на руках Садхам тут же затихает, – добавил он, наставительно подняв палец, и с подозрением оглянулся: не слушает ли кто посторонний. – Что первая, что вторая... Кстати, ты знал, что у садхама, который смертоносный пустынный вихрь, внутри маленькая ящерка? Милая такая, умненькая.

– Не знал, – растерянно ответил Алар, принимая из рук у северянина флягу. Внутри на удивление обнаружился всего лишь бодрящий травяной настой, резковатый на вкус, но неплохой. – Нет, знал, – исправился он, быстро посмотрев на звезду спутника. – Но забыл.

– Да уж, вы, эстры, народ забывчивый, – поддел его Иаллам необидно. Лицо у него было приятное: островатый подбородок, прямой нос, ясные серые глаза; черты крупные, но не грубые – простые ровно в той мере, чтобы вызывать доверие. Шутил он едко, но беззлобно, и над собой даже чаще, чем над другими, а ещё легко сходился с незнакомцами – может, потому и подсел к Алару первым. – Слушай, я всё в толк не возьму. Что ты сам-то за ней не пошёл? За Фог.

Алар чуть не поперхнулся настоем.

«Простоватый, значит?»

– Так ты понял?

– Тут много ума не надо, – не стал отрицать Иаллам. – К тому же у нас с Фог друг от друга секретов нет... Не смотри так, она как сестра мне. Младшая, – рассмеялся он коротко и почти сразу умолк. Повозился на месте, вздохнул. – И всё же? Учитель из Шимры, Алаойш Та-ци.

Имя резануло, как кинжал. Алар отвернулся, глядя на чёрную стену замка, на которой словно бы повис туманный клочок, на крикливых птиц, кружащих в дымке...

Сложней всего было признаться самому себе.

– Потому что я – не Алаойш, – произнёс он наконец. – Я другой человек. И не могу посягать на место, которое полагается кому-то... кому-то иному. Тому, кто уже исчез. И глупо давать надежду, если оправдать её никогда не сможешь.

Иаллам потешно выгнул брови:

– Да ну? Чудак ты. Какой же ты другой человек, если она тебя узнала тотчас же, как взглянула? Да и если бы ты и стал совсем чужим, что мешает заново узнать друг друга? Зачем самому мучиться – и её мучить? Хотя не моё это дело. Скажи лучше, ты с младенцами нянчиться умеешь?..

Когда Фог вернулась, то по-прежнему была бледна и шарахалась от собственной тени; взгляд у неё словно обратился внутрь, к собственному сердцу. Сидше вёл её за руку, но также выглядел растерянным – и потерянным; на Алара он больше не смотрел.

Телор же, дождавшись, когда все будут в сборе, сообщил, что из города надо уходить.

– Эсхейд задерживается, – сказал он коротко. – А нас слишком мало. Я послал кьярчи знак, они тоже покинут Ульменгарм. Есть у кого вопросы?

Тон не подразумевал, что вопросов быть не должно, однако Сэрим поспешно вскочил с места:

– У меня, у меня есть! А ничего, если я приятеля приведу?

– Ждать не станем, – отрезал Телор.

– Да как-нибудь догонит! – обрадовал его Сэрим – и сам просиял, точно вспомнив нечто приятное. – Он мастер спрямлять дороги... А как на семиструнке играет? Закачаешься!

Из Ульменгарма уходили спешно – и тайно. Телор окутал улицы плотным туманом – таким, что из седла даже уха гурна было не видать – и направил свой небольшой отряд прямо к городской стене, чуть восточнее южных ворот. Там в древней кладке проступал едва заметный узор, высокая арка; стоило напиться её морт – и камень обратился в две створки, медленно, со скрипом отворившиеся.

Когда последний всадник миновал тайный ход, дверь снова затворилась – и стала камнем.

От стены путь лежал сперва по едва заметной тропе меж холмов, под деревьями, а затем – по широкому тракту, пусть и порядком заросшему. Здесь туман поредел. Из низин сильно пахло незнакомыми цветами, сладкими и терпкими одновременно, а в кустарнике по бокам от дороги заливались трелями птицы. В какой-то момент, когда стало уже смеркаться, справа показался большой куст, сплошь в розовых бутонах в мужскую ладонь величиной, где-то полураскрытых, а где-то уже и опадающих. Внизу, на земле, впрочем, увядших лепестков видно не было, и Алар сразу заподозрил, что перед ним морок.

Так и оказалось.

Телор, ехавший первым, смело направил гурна прямо в куст – и проехал насквозь. За ним последовали и остальные. Рейна с восторгом наблюдала за процессией и о чём-то оживлённо перешёптывалась со светловолосой всадницей, взявшей её в седло... Когда на тракте оставалось всего трое человек, не больше, послышался вдруг нежный перебор семиструнки – сперва издали, затем ближе и ближе, пока наконец не вынырнул из тумана странник в светлой хисте, высокий, с белыми волосами почти до середины спины, частично убранными в пучок на затылке; остальные удерживались несколькими прядями, перевитыми с синей ниткой – незамысловатая причёска, распространённая в Ишмирате.

– Друг Дёран! – тут же высунулся Сэрим из куста. Половина его туловища, утопающая в цветах, смотрелась одновременно жутковато и смешно. – Ты всё-таки пришёл!

– Друг Сэрим, – любезно ответил бродяга. Черты лица у него оказались по-женски изящные, губы – нежно-розовые, глаза – ярко-голубые, раскосые, в тени от длинных ресниц; в полумраке, пожалуй, его можно было принять за юную деву с широковатыми плечами. – Не скрою, меня вела надежда, что ты всё-таки вернёшь кошель, который одолжил пару дней назад... Но, вижу, причина была иная. Так или иначе, рад видеть тебя – и тебя, друг Алар, – улыбнулся он неожиданно, обернувшись. – Вот мы и встретились снова, хотя путь из Беры был неблизок.

Продолжить он не успел – всадник, ехавший замыкающим, поторопил их.

Сразу за миражом сделалось теплее и тише. Исчезли птицы; сладко-пряный аромат цветов сменился смолистым, островатым, словно от нагретой за день хвои. Слева и справа виделись ряды красноватых стволов-колонн, а кроны терялись в темноте где-то высоко; узловатые мощные корни выпирали из земли, точно огромные змеи, укрытые зеленовато-коричневым мхом. Вскоре запахло дымом, послышался смех, голоса, звон посуды – кубков и бутылок...

Табор уже был на месте, умудрившись опередить Телора на добрых несколько часов.

– Мы сразу почти и уехали из города, как ты ушёл, приятель, – пояснил Тарри довольно, покачивая птичьей ножкой, жаренной в ароматных специях. – К сестре моей бедной подобрался некий мерзавец, дружинник Ульменгарма, судя по его усатой роже и эмблеме на плаще, и попытался расспросить её об Аларе. Когда она отвечать не стала, так пригрозил...

– Где он? – хмуро спросил Телор, легко спрыгивая с неосёдланного гурна, на котором ехал. – Твоя сестра не пострадала?

– Очень пострадала – юбку порвала, пока ногами махала, – охотно просветил его Тарри. И фыркнул: – Если пожелаешь, можешь возместить, отказываться не будем... Что же до того дружинника, то он лежит в канаве, наверное. У сестры, знаешь ли, удар сильный – как у норовистого гурна, ей-ей, иные невезучие, бывало, только к вечеру и прочухивались. Ну да полно об этом! Пожалуйте к столу, добрые господа – скромному, чего уж там, да и стола-то, в общем-то, нет... Зато дичь отменная, и лепёшки хороши, а пьяный мёд и настойки и сам Аю бы попробовать не побрезговал, я клянусь!

После суда, долгого ожидания под стенами замка лорги и утомительного путешествия ужин и впрямь пришёлся кстати. Вскоре, утолив голод, кьярчи достали музыкальные инструменты – дудки и бубны; семиструнка Дёрана тоже оказалась к месту. Полилась мелодия, разухабистая и бойкая. Тарри, нисколько не смущаясь, первым бросился в пляс, а потом умудрился как-то вытащить в круг светловолосую всадницу, которая днём везла Рейну на своём гурне, и уговорить потанцевать. Тайра тоже была не прочь сплясать и уже вовсю искала Алара глазами, и он испытал постыдное облегчение, когда к нему подсел Телор с чашей разведённого тёплого вина – и важным разговором.

«Хоть сейчас объясняться не придётся».

Фог нигде не было видно – а ещё Сэрима, и на сердце было спокойно.

– Послушай, что я скажу, и сразу не отказывайся, подумай, – начал тем временем Телор. В тёплом оранжевом свете костра его волосы выглядели грязноватыми, а глаза – тёмными. – После того, что ты сегодня сказал, лорга тебе покоя не даст. И выхода два. Первый – идти вместе с нами. С Эскейд, с дружиной, – перечислил он спокойно. И добавил тише: – С моими учениками... и с их спасительницей.

Алар отвернулся к огню. Пламя дрожало, извивалось – а оторваться от обугленной древесины не могло.

– С Фогартой.

– Да, – не стал отрицать Телор. – Потому что мои ученики её от себя отпустить не хотят – пока, по крайней мере, а она их не бросит. Не таков её нрав.

– Не таков, – тихо согласился Алар, не отводя от костра взгляда. – А второй выход?

Телор не стал медлить с ответом.

– Отправиться на юг – и доискаться там до правды. У меня в Кашиме есть верный человек; если б ты нашёл его, то он бы помог разузнать, с которыми из наших купцов связались работорговцы. Одно имя мы знаем – Дурген. Но есть и другие; и кто-то ведь создаёт дурман...

– Я согласен, – быстро ответил Алар, чтоб не передумать. И сразу стало стыдно за свою трусость – и одновременно спокойно. – Только дай мне день или два, нужно с Рейной попрощаться... и с остальными. Наверное.

«Если смелости хватит – у Тайры-то удар и впрямь сильный».

Телор похлопал его по плечу, не то ободряя, не то благодаря:

– Понимаю. Тебя никто не гонит прямо сейчас... Спасибо, что согласился.

Отвечать он не стал – слишком скверно себя чувствовал. Отставил недопитую чашу – и пошёл прочь, в лесную прохладу, в сырой туман.

«Видно, такая у эстры судьба, – билось в висках. – Бросать и забывать, забывать и бросать... Оно и к лучшему. Того-то я и заслуживаю».

Фог появилась перед ним внезапно, выбралась из зарослей, вынимая на ходу паутину и листья из волос, и застыла, до полусмерти перепугавшись, кажется.

– Я... – выдохнула она, прижимая руки к груди, и отступила.

И тут же снова сделала шаг вперёд, навстречу.

Выглядела она бледной, но здоровой, точнее, оставившей боль в прошлом. Глаза смотрели твёрдо и ясно; спина была прямой.

«Сейчас или никогда, – понял Алар. – Если теперь не объяснимся, то, может, больше не встретимся».

Нащупал камень на шнурке сквозь рубаху... и решился.

– Я тебя не помню, – сказал он мягко, как только мог, но всё равно глаза у Фог заблестели. – Прости. И боюсь, что не вспомню никогда. Я не знаю, что значил для тебя Алаойш Та-ци, но он ушёл навсегда.

Она прерывисто вздохнула. Отвела взгляд – и посмотрела снова, в упор.

– Да. Понимаю.

Алар помедлил; дальше было сложнее.

– Я не знаю, что значил Алаойш для тебя, – продолжил он тише. – Но знаю, что ты значила для него. Больше, чем что бы то ни было ещё; настолько много, что его чувства пробиваются даже сквозь забвение, даже сквозь запреты спутника, и я... я ощущаю...

Дышать отчего-то вдруг стало сложно.

Фог смотрела на него широко распахнутыми глазами – а затем осторожно провела пальцами по щеке.

На них осталась влага.

– Ты...

Где-то невероятно далеко, словно в иной жизни, вспыхнул ярче костёр, выбрасывая в небо снопы искр, и кто-то расхохотался. Алар вздрогнул, и Фогарта тоже, и они шагнули друг к другу – и остановились в последний момент.

– Я не смогу заменить тебе того, кого ты потеряла, – произнёс Алар, едва размыкая губы – и тоже коснулся пальцами её лица, как давно хотел, очень давно, с того момента, как увидел её в замке у лорги. – Но мы можем... можем стать друг другу кем-то ещё. Когда... когда переживём это. Ты... ты хочешь?

Фог опустила глаза на мгновение, точно задумавшись, затем кивнула:

– Да. И... можно твою подвеску?

В её руках, окутанных мягким сиянием, растрескавшийся камень снова стал цельным. Вот только знаки с него исчезли – совсем, и гладкая поверхность теперь отражала только звёздное небо да отсветы от костров.

Пела флейта; летел над лесом, над ночью, грустный перебор семиструнки.

– Так лучше, – тихо сказала Фогарта, отпуская кулон. – Что захочешь, то и напишешь. Но я рада буду, если ты меня всё-таки вспомнишь, так что постарайся, пожалуйста, Алаойш... Алар.

Сказала – и ушла к кострам, музыке и песням.

Алар остался один в темноте.

Утром, сразу после рассвета, он разбудил Телора, выслушал всё, что полагалось за неурочную побудку – и то, что требовалось знать о Кашиме, о дороге на юг и об опасностях в пути. Затем собрал дорожную суму – лёгкую, с одной сменой одежды и небольшим запасом воды, нашёл Тайру, спящую бок о бок с Рейной, и положил ей у изголовья пять золотых монет – ровно столько, сколько обещал когда-то давным-давно.

– Прощайте, – шепнул он. – И не сердитесь. Правду ведь говорят, что нет у эстры ни рода, ни дома.

Лагерь он покидал в безмолвии и чувствовал себя не лёгким даже, а невесомым, как птичий пух, как белое облако.

Дунет ветер – и унесёт.

3. Дева и воин

Фогарта Сой-рон, где-то между Южным и Восточным Лоргинариумом

Утро началось с рёва.

«Садхам», – сквозь сон подумала Фог, но это была не она.

Плакала Рейна.

– Ушёл, – заливалась она, пока с одной стороны ей подтирал соплю Сэрим, а с другой дразнил сахарной рыбкой на палочке Иаллам, оба растерянные и несчастные. – У-у-учитель ушёл... Меня бросил!

Солнце успело подняться довольно высоко над горизонтом, и теперь просачивалось наискось между красноватыми стволами-колоннами; рыжеватые пятна света ложились на зелено-вато-коричневый мох, тёплые и неровные, и ящерики выползали туда погреться. Пели птицы. Пахло хвоей, дымом от занимающихся костров и хрупкими лесными цветами. Лагерь ожил уже, и клярчи снимали с кольев высохшие за ночь котлы, обменивались припасами с дружинниками и выясняли, кто пойдёт за водой. Шатёр, где легли спать Онор с Лиурой, стоял ещё закрытый, но их учитель Телор, который ночевал с ними же, проснулся уже и умывался чуть в стороне: большой глиняный кувшин парил рядом с ним в воздухе, изредка наклоняясь над подставленными ладонями.

Алаойша – Алара – нигде не было видно.

«Действительно ушёл», – подумала Фог.

Ощущалось это больно – и в то же время правильно, словно иначе и быть не могло.

С некоторым трудом поднявшись, она поправила одежду, стряхнула сухие иголки и прочий сор – и направилась напрямик к Рейне. Девчонка выглядела чуть старше своих лет – довольно высокая, с широкими плечами, как у многих северянок, кареглазая и темноволосая, с двумя коротковатыми, но пышными косичками. На носу, сейчас покрасневшем от рёва, виднелась россыпь тёмных, мелких веснушек; ногти на руках были округлыми и короткими. Морт крутилась вокруг неё, как лёгкое, зыбкое облачко – на большее сил пока не хватало, и по всему выходило, что девчонка из тех кимортов, что своё берут не врождённым талантом, а трудом и упорством.

«Вот какая теперь у него ученица... – Зависть кольнула сердце, жгучая и злая – и исчезла. – Ей, пожалуй, сейчас хуже, чем мне».

– Привет, – сказала Фог, присев на корточки рядом с девчонкой.

Та удивилась настолько, что перестала даже всхлипывать.

– Привет... – откликнулась она, замороженно наблюдая за вихрями морт, окутывающими Фогарту с ног для головы; не особенно густыми и вязкими поутру, в дружественном лагере, но достаточными, чтоб остановить шальную стрелу, и не одну. – А ты Фог? Которая ясноокая дева? Я про тебя сказку слышала! А ты правда бурю укротила? И духа-искусителя подчинила?

Фогарта хотела было решительно опровергнуть клевету, но Сэрим погрозил ей кулаком и сделал страшные глаза: мол, попробуй только мою историю испортить.

Пришлось соглашаться.

– Вроде того, – уклончиво ответила она. – Сама ведь понимаешь, что со стороны оно всегда иначе выглядит, чем изнутри... Почему ты плачешь?

Рейна застыла, хлопнула ресницами, густыми, как мох – и в уголках глаз у неё вновь собрались слёзы.

– Потому что у-у-у-учитель...

– Нет, – мягко перебила её Фог. – Я спрашиваю, почему ты плачешь здесь, вместо того чтобы идти за ним.

Девочку мысль поразила настолько, что слёзы враз высохли.

– А... можно?

– Я же пошла, – резонно ответила Фогарта. И добавила, поколебавшись: – Не спору, тебе никто не подскажет, какие опасности встретятся на пути. И можно пожалеть о том, что вообще отправилась в путь... Но всё лучше, чем жалеть себя. К тому же ты киморт! Кто тебе может что-то запретить?

– Ну... Другой киморт? – неуверенно спросила Рейна, и взгляд у неё стал задумчивый.

– Вот и не спрашивай тогда другого киморта. Я же не спрашивала.

Когда она отошла от девочки, Сэрим догнал её в три шага и зашипел, как змей, в самое ухо:

– Ты ей чего насоветовала? Алар на юг отправился, в пустыню! Тебе ли не знать, что там беда на беде и бедой погоняет!

После вчерашнего разговора с учителем, вытянувшего, кажется, все силы, зыбкого сна и неурочного пробуждения Фог не чувствовала себя достаточно доброй, чтоб оправдываться за каждое слово.

– Чему сама научилась, то и посоветовала, – огрызнулась она. – Скажи лучше, что за история такая о ясноокой деве, буре и порабощённом духе-искусителе? Сидше-то знает?

Лицо у Сэрима вытянулось.

– Э-э... Я тут вспомнил, что котелок обещал почистить... воды натащить... каши наварить... Разве ж без меня справятся? Пора идти, что уж там!

Когда он улизнул, Фогарта успела сделать всего несколько шагов в одиночестве, прежде чем дорогу ей преградила высокая чернокобая женщина-кьярчи с тёмно-зелёными глазами, точь-в-точь похожая на Тарри, предводителя табора. Платье она носила мужское: штаны, сапоги и вышитую чёрно-синюю рубаху, а поверх длинный, до колена, жилет с поясом. На раскрытой ладони незнакомка подкидывала золотые монеты, в сапоге прятала кинжал, в поясе – металлическую удавку... а ещё была обычным человеком, совсем, не мастером даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.